

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Федеральное государственное казённое образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»

А. А. Коробов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ТЕРРОРИЗМА КАК ФОРМЫ
ХОМОДЕСТРУКТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Монография

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2015

УДК 33
ББК 65
К68

Рецензенты:

Е. В. Тимашкова – инспектор отделения по обеспечению работы коллегий и совещаний, выявлению и распространению передового опыта отдела АПиК штаба УМВД России по Курской области, к. ю. н.;

Л. Н. Госсельбах – начальник правового отдела УМВД России по Орловской области

Коробов А. А.

К68 **Социально-экономические аспекты терроризма как формы хомодеструктивной экономики** : монография / А. А. Коробов. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. – 121 с.
ISBN 978-5-88872-145-2

В монографии рассматриваются основные социально-экономические, теоретические и практические аспекты противодействия терроризму как форме хомодеструктивной экономики. Монография предназначена для курсантов, слушателей, преподавателей, руководителей отделов и служб ГИБДД, а также всех, кто интересуется проблемами борьбы с терроризмом.

УДК 33
ББК 65

ISBN 978-5-88872-145-2

© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Теневая экономика и ее хомодеструктивный блок как движущая сила и основной ресурс терроризма	
1. Понятие, сущность и масштабы теневой экономики	5
2. Структура и механизм теневой экономики	9
3. Особенности эволюции теневого сектора российской экономики	14
4. Экономические основы криминальной теневой экономики	18
5. Причины экономической преступности и криминализации экономики	23
Глава 2. Оценка состояния, перспектив, характера террористических рисков	
1. Трансформации современного терроризма и среднесрочный прогноз террористической активности	26
2. Социально-экономические аспекты исламского терроризма	45
3. Социально-экономические аспекты западного радикализма	54
Глава 3. Основные направления ослабления и борьбы с терроризмом как формой хомодеструктивной экономики	
1. Ослабление финансирования терроризма и финансового терроризма	98
2. Снижение числа социальных предпосылок терроризма	100
3. Международное сотрудничество в борьбе с террористическими угрозами	111
Заключение	119
Библиография	120

Введение

В современных условиях в ряду глобальных угроз и вызовов человечеству не последнее место занимает терроризм. В представленной работе делается попытка системного анализа социально-экономических аспектов терроризма как формы хомодеструктивной экономики, т. е. экономики, разрушающей человека и личность.

Ни для кого не секрет, что зачастую террористические организации используют психические и психологические техники и технологии направленные на подавление морально-волевых качеств адепта.

Вместе с тем, подобная деятельность была бы невозможна без существенных финансовых вливаний и социально-экономических условий, способствующих постоянному пополнению рядов боевиков все новыми и новыми членами.

В монографии рассматриваются основные проблемы противодействия именно социально-экономическим аспектам терроризма, поскольку доказано, что терроризм развивается в той социально-экономической среде, где:

- 1) высок уровень недовольства социально-экономической политикой государства;
- 2) низок уровень доходов основной части населения;
- 3) идеология государства и правящего класса идет вразрез с идеологией основной массы населения;
- 4) высок уровень правового нигилизма.

Глава 1. Теневая экономика и ее хомодеструктивный блок как движущая сила и основной ресурс терроризма

1. Понятие, сущность и масштабы теневой экономики

Термин «теневая экономика» (далее ТЭ) появился в 60-е годы на Западе, когда западные ученые стали уделять проблеме ТЭ пристальное внимание. В СССР данная проблема начала интенсивно обсуждаться во второй половине 80-х годов. Сама по себе ТЭ как социально-экономическое явление не ново, однако должный интерес к ее феномену экономисты стали проявлять сравнительно недавно.

ТЭ – неконтролируемое обществом производство, распределение, обмен и потребление товарно-материальных ценностей, денег, услуг, скрываемое от органов государственного управления, общественности; социально-экономические отношения между отдельными гражданами, социальными группами по использованию государственной собственности в корыстных, личных или групповых интересах. ТЭ включает в себя все неучтенные, нерегламентированные, отличные от изложенных в нормативных документах и правилах хозяйствования виды экономической деятельности.

Данное понятие на сегодняшний день расширилось и приобрело новые черты:

- вне поля зрения органов государственного управления и правоохранительных органов находятся также предпринимательская деятельность и интеллектуальные ресурсы представителей ТЭ;
- ТЭ использует не только государственную собственность, но и свои полученные незаконным путем капиталы, таким образом, генерируются все более мощные финансовые потоки, что в конечном счете ведет к получению сверхприбыли – главной цели теневого бизнеса.
- ТЭ «инвестирует в коррупцию», т. е. распределяет часть теневых доходов в пользу коррумпированных чиновников и служащих.
- ТЭ, несмотря на преступные мотивы деятельности, опирается на реальные экономические процессы.

Таким образом, ТЭ – это не просто сложное социально-экономическое явление, охватывающее всю систему общественных экономических структур, экономических отношений общества. Это, прежде всего неконтролируемый обществом сектор общественного воспроизводства в ходе производства, распределения, обмена и потребления экономических благ, предпринимательских способностей и интеллектуального потенциала, скрываемых от органов государственного управления и контроля экономических отношений между хозяйствующими субъектами по использованию государственной, негосударственной и криминально нажитой соб-

ственности в целях извлечения сверхдоходов (сверхприбыли) для удовлетворения личных и групповых потребностей представителей ТЭ. ТЭ тесно связана, переплетена с легальной экономикой, является ее составной частью.

В России при переходе к рыночным отношениям сформировалась система высокотеневых экономических отношений (прежде всего высококриминализированных). Вся эта система устойчиво воспроизводится, причем главный механизм ее воспроизводства связан с тем, что сформировавшийся криминальный финансовый капитал фактически доминирует в принятии общегосударственных экономико-политических решений и обладает конкурентоспособностью в сравнении с любыми другими хозяйственными субъектами. Последние, то есть предприятия, которые, как и полагается в рыночной экономике, работают на свой страх и риск, законопослушны и исправно платят налоги, не имея «крыши» во властных структурах и правоохранительных органах, по сути, обречены на банкротство.

Следует более внимательно отнестись и к уже накопленному мировому опыту исследований теневой экономики, особенно применительно к рыночному этапу её функционирования. Несомненный интерес в этом плане представляют разработанные методики оценки масштабов теневой экономики и учета её воздействия на официальную экономику.

Общепринятым в среде западных специалистов считается, что теневая экономика не просто составляет ощутимую часть от легальной хозяйственной деятельности, но и неуклонно увеличивается.

В зарубежной научной литературе пока нет единства в определении структуры теневой экономики. Однако в последние 2-3 года происходит сближение различных точек зрения относительно видов деятельности, охватываемых понятием теневая экономика. Они, как правило, охватывают уклонение от налогообложения, обход таможенных правил, нелегальное трудоустройство, получение вторичных доходов в государственном секторе и другие запрещенные виды деятельности.

При этом особое внимание уделяется сравнительному экономико-математическому анализу развития официальной и неофициальной экономики, в этом плане определённый интерес представляют работы Б. Фрея и Х. Века. Их исследования основываются на комплексном анализе многих показателей: величине налогов, уровне безработицы, продолжительности рабочей недели, численности управляющих и других показателях, которые косвенно характеризуют уровень развития официальной экономики и позволяют делать выводы о её неофициальной стороне. Другой западный теоретик неофициальной экономики Э. Фейге утверждает, что теневую экономику порождает кризис не столько экономики, сколько концепций экономистов. В результате макроэкономические модели, основанные на сложных математических уравнениях и экономическом анализе (прогнозах инфляции, экономического роста, перемен занятости и т. п.), невозможны

в использовании: нет согласованности в научном исследовании, построенном на абстрактных теориях официальной статистики, с одной стороны, и каждодневной экономической действительностью – с другой.

На макроуровне масштабы неофициальной экономики можно измерить с помощью движения денег, находящихся в обороте. В сделках, совершаемых в рамках неофициальной экономики, приходится чаще всего платить наличными, чтобы не попасть в сферу контроля государства (банков, сберкасс, налоговых служб и т. п.). Суть метода, предложенного П. М. Гутманом, состоит в том, что чем больше денег оборачивается и чем меньше их хранится в сберкассе, тем большее распространение получает неофициальная экономика и наоборот. Проблема этого метода заключается в том, что трудно выявить интенсивность нелегального денежного оборота. Другой макроэкономический метод использует шведский экономист И. Ханссон, определяя размер неофициальной экономики как разность между общим использованием доходов для потребления, сбережения и т. п., и общими заявленными доходами, вычисленными на основе налоговой статистики.

Австрийский экономист Фридрих Шнайдер провел исследования масштабов теневой экономики в различных странах мира. Он отмечает, что всего в мире в теневом секторе создается как минимум 8 трлн долларов добавленной стоимости ежегодно, не попадая в бухгалтерские отчеты предприятий и в официальную статистику, как отдельных государств, так и международных организаций. Таким образом, по своим размерам глобальная теневая экономика сопоставима с экономикой США – страны, имеющей один из самых крупных ВВП в мире.

Во второй половине 90-х годов в развитых странах теневая экономика была эквивалентна в среднем 12 % ВВП, в странах с переходной экономикой – 23 %, а в развивающихся – 39 % ВВП.

По данным Э. Уотерса её доля в ВВП США в 80-е годы колеблется в пределах 8-12 %, в Канаде и Франции 5-8 %, в Норвегии и Швеции около 17 %. Рост нелегальной экономики в разных капиталистических странах стал особенно заметен с 70-х годов, когда темпы роста неофициальной экономики во многих развитых странах были гораздо выше, чем официальной. Например, в ФРГ в 1975-1980 годах прирост производства в нелегальном секторе был 14,5 %, а в легальном – 3,5 %¹.

В 90-е годы в странах с развитой рыночной экономикой продолжал отмечаться постоянный рост масштабов теневого сектора. В 1998 году страной с наиболее высокой долей теневого сектора являлась Греция (29,0 % официального ВВП). К странам с наибольшим теневым сектором относятся также Италия (27,8 %), Испания (23,4 %) и Бельгия (23,4 %).

¹ См.: Cassel D. The Growing Shadow Economy: Implications for Stabilization Policy // *Intereconomics*. 1984. № 5. P. 220.

Наиболее низкие показатели доли теневого сектора имеют Австрия (9,1 %), США (8,9 %) и Швейцария (8,0 %). Таким образом, даже в относительно благополучных странах абсолютный объем теневой экономики составляет в США – 700 млрд долларов, в Италии – 310 млрд, а в Великобритании – 190 млрд долларов. Наиболее быстрый рост масштабов теневого сектора в 80-90-е годы наблюдался в Греции, Италии, Швеции, Норвегии и Германии. Например, объем теневой экономики Германии с 1975 по 1997 год вырос в пять раз – с 60 до 300 млрд долларов.

Огромных масштабов достиг теневой сектор экономики в развивающихся странах. Так, теневая экономика в Нигерии достигает 76 % от официального ВВП. Значительный масштаб теневого сектора отмечается также в Таиланде (71 %), Египте (68 %), Боливии (66 %) и Панаме (62 %). Фактически в большинстве развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки можно говорить скорее о существовании «параллельной», или «второй» экономики, ненамного уступающей по масштабу экономике официальной. Если в странах Запада в теневом секторе работают в основном небольшие фирмы, а заработки от деятельности используются как дополнительный источник дохода, в развивающихся странах ситуация иная. Мигранты из сельской местности не способны найти работу в легальном секторе и вынуждены добывать основные средства в экономике теневой. Повсеместная коррупция и изъяны в законодательстве способствуют тому, что значительная часть хозяйственной деятельности оказывается неучтенной официальными властями.

В Восточной Европе наибольший масштаб теневая экономика приобрела в балканских странах – Македонии, Хорватии и Болгарии (около 40 % ВВП). В Албании экономика практически полностью функционирует в теневой сфере. В Албании, где среднегодовой доход гражданина составляет всего 70 долларов, сегодня только по официальной статистике на 3,2 млн населения насчитывается 500 тысяч автомобилей, причем 60 % из них – это «мерседесы». В то же время в 1990 году их было всего 5 тысяч. Основная часть автомобилей угнана из западноевропейских стран.

Что касается постсоциалистических стран, то согласно различным исследованиям, наибольшее значение в первой половине 90-х годов теневой сектор имел в экономике Грузии (43-51 % официального ВВП), Азербайджана (34-41 %) и России (27-46 %). Для всех постсоветских стран характерна одна тенденция: теневая экономика активно растет, в среднем с 26 % в 1990 до 35 % в 1995 году. Многие компании на постсоветском пространстве (даже крупные, с участием государственного капитала) прибегают к теневым операциям наряду с вполне легальной деятельностью в официальной экономике.

В 1995 г. доля теневой экономики в России была оценена на уровне 20 %; в 1996 г. она составила 23 % ВВП. По данным экспертных заключений доля нелегального сектора в России составляет не менее 40 % ВВП.

Особенность и уникальность российской теневой экономики связана с такими чертами, как уход от налогов, бегство капитала за рубеж, двойная бухгалтерия, челночная и бартерная торговля, скрытая безработица, коррупция. Теневая экономика в России неравномерно представлена в различных отраслях. Так, по оценкам российского Госкомстата, если в строительстве на теневой сектор приходится около 8 % деятельности, то в торговле этот показатель превышает 63 %. Еще одной чертой новой теневой экономики в России стало широкое распространение скрытой занятости. Согласно недавним исследованиям, 27 % трудоспособных россиян (а это 21 млн человек) имеют официально не учтенную вторую работу.

2. Структура и механизм теневой экономики

Если рассмотреть подходы отечественных ученых к определению структуры теневой экономики, то необходимо отметить разнообразие методологических основ для её классификации: по сферам деятельности (производство, торговля, сфера услуг и т. д.); по степени криминализации, т. е. несоответствия закону (криминальная и некриминальная); по социально-экономической сфере (государственный сектор, частный, кооперативный, индивидуальный и т. д.); по региональному признаку; по характеру причин её образования; способам извлечения доходов и т. д. Можно встретить в научной литературе и другие варианты структуры теневой экономики, используемые специалистами.

Определяя методологические принципы классификации теневой экономики, следует отметить, что они могут быть самые различные, но для криминологического анализа и классификации теневых экономических явлений целесообразно применять следующие основания: виды теневой экономической деятельности; элементы структуры теневой экономики; особенности теневых экономических отношений, их соответствие нормам законодательства. Такой подход позволяет сформировать более четкую классификацию теневых экономических явлений по определённым общим основаниям. Одной из первых удачных попыток классификации теневых экономических процессов была структура теневой экономики, разработанная Т. И. Корягиной и включающая три структурных элемента:

1) неофициальная экономика: все легально разрешённые виды экономической деятельности, в рамках которой не учитывается статистикой производство товаров и услуг, которое скрывается от налогообложения и т. п.;

2) фиктивная экономика: приписки, хищения, спекулятивные сделки, взяточничество и различные виды мошенничества (связанные лишь с получением и передачей денег);

3) подпольная экономика: запрещенные законом виды экономической деятельности, включая организованную экономическую преступность.

Этот подход использовался для расчетов теневой экономики в начале 80-х годов и по оценке специалистов, был близок к оптимальному, применительно к имевшейся тогда структуре явлений теневой экономики. Близкую этой классификацию структуры дают два известных специалиста в исследовании теневой экономики – С. Головин и А. Шохин, выделяя четыре её структурных элемента: неформальная экономика; фиктивная экономика; нелегализованная часть «второй экономики»; «чёрная экономика».

Эту классификацию явлений теневой экономики использовала группа разработчиков «Программы – 500 дней» во главе с академиком С. С. Шаталиным, выделив следующие структурные элементы.

Криминальная экономика – встроенная в официальную экономику экономическая преступность (хищения, корыстные должностные и хозяйственные преступления); подпольная, полностью скрывающаяся от всех форм контроля экономическая деятельность (наркобизнес, азартные игры, проституция); общеуголовная преступность против личной собственности граждан как форма внеэкономического перераспределения доходов (грабеж, разбой, кражи личного имущества, рэкет).

Фиктивная экономика – официальная экономика, дающая фиктивные результаты, отражаемые в действующей системе учета и отчетности, как реальные.

Неформальная экономика – система неформальных взаимодействий между экономическими субъектами, базирующаяся на личных отношениях и непосредственных контактах между ними и дополняющая или заменяющая официально установленный порядок организации и реализации экономических связей.

Нелегализованная вторая экономика – охватывает скрывающиеся от контроля виды индивидуальной и кооперативной деятельности, то есть запрещенные законом, либо незарегистрированные в установленном порядке или отражаемые в учете не в полном объеме.

Рассматривая структуру теневой экономики с позиций экономико-правового подхода К. В. Привалова, определяющего её, как деструктивную и статутную экономику, функционирующую вне правового поля, структура теневой экономики будет включать два сектора: деструктивную и статутную экономику. Деструктивная теневая экономика – это та часть экономики, которая разрушает или сдерживает развитие общества, природы и функционирует, несмотря на запрещающие ее правовые нормы.

Теневая деструктивная экономика в свою очередь состоит из следующих трех блоков. Первый – хомо(человеко)деструктивная экономика. Она включает: а) виды экономической деятельности, формирующие и удовлетворяющие иррациональные потребности человека (нарко- и порнобиз-

нес, игорный бизнес, проституция); б) производство и реализацию продукции, угрожающей жизни и здоровью людей (некачественные пищевые продукты, бытовая техника, не соответствующая стандартам по безопасности); в) покушения на частную собственность (кражи имущества из квартир и домов, угоны автомобилей и т. п.); г) преступления против личности граждан в корыстных целях (убийства, похищения и продажа детей); д) нарушение правил охраны труда, угрожающие здоровью и жизни работников.

Второй блок – социодеструктивная экономика, содержащая те формы экономической деятельности, которые разрушают или замедляют развитие экономики, общества в целом. Применительно к нынешнему этапу развития России к важнейшим из них следует отнести: а) незаконные процессы приватизации; б) хищения государственного и общественного имущества; в) воспрепятствование законной предпринимательской деятельности; г) монополистические действия и ограничение конкуренции; д) незаконное предпринимательство; е) заведомо ложная реклама; ж) изготовление и сбыт поддельных денег или ценных бумаг; з) контрабанда; и) уклонение от уплаты налогов; к) обман потребителей; л) преступления в сфере компьютерной информации; м) преступления против государственной власти и интересов государственной службы; н) преступления против правосудия в корыстных целях; о) преступления против мира и безопасности человечества (производство или распространение оружия массового поражения, наемничество).

Третий блок – экологодеструктивная экономика, включающая: а) хищническое использование ресурсов природы (нарушение правил охраны и использования недр, лесов, рыбных запасов, животного мира); б) загрязнение окружающей среды (земли, вод, атмосферы), путем осуществления экономической деятельности с уровнем выбросов, превышающим установленные параметры.

Что же касается терроризма, то он может проецироваться на все три блока, поскольку терроризм оказывает негативное влияние и на человека, и на общество, а также (в особенности это касается биотерроризма) и экологии.

Приведенные перечни конкретных видов деструктивной деятельности во всех трех блоках можно было бы и продолжить. Здесь важно отметить главное, что только деятельность, сдерживающая общественный прогресс, которая находится вне правового поля, есть теневая экономика.

Общая структура любой финансово-хозяйственной группировки, ведущей совместную «теневую» деятельность, обычно включает:

- предприятия, осуществляющие торгово-посреднические и производственные операции;
- банк;
- «службу безопасности»;

- связи.

Что представляет собой каждый из этих элементов? Одна и та же хозяйственная деятельность обычно ведется российскими предпринимателями через несколько фирм. Это помогает решать проблему временной неплатежеспособности их партнеров: неплатежи «сбрасываются» на одно из предприятий, которое и специализируется на их «расшивке». Кроме того, при помощи разветвленной структуры основной группе собственников легче контролировать поведение своих партнеров (реорганизации и переделы собственности в группировках происходят регулярно).

Банк позволяет оперативно переводить безналичные деньги в наличные и наоборот, не говоря уже о других операциях.

«Служба безопасности» имеет разные формы: это и обычные охранники, и спортивные секции, финансируемые группировкой, и «крыша» государственных органов управления. Кроме того, большинство группировок так или иначе стремится выступать соучредителями в общественных организациях и средствах массовой информации, что расценивается как распространение заботы о своей безопасности на сферу общественного мнения.

Связи так же могут быть различными. В этом качестве выступают: обычные (прямые или дальние) родственники, бывшая совместная работа в партийных, комсомольских организациях и государственных органах, землячества, этническая принадлежность.

Структуры теневой экономики в принципе не являются в полном смысле экономическими, т. е. ориентированными на максимальное удовлетворение запросов потребителя при минимальных издержках производителя. Они больше напоминают государство в миниатюре. Об этом свидетельствует наличие органов, аналогичных Центробанку и силовым министерствам, дублирование предприятий, которые занимаются одними и теми же операциями и т. п.

Разрастание теневой экономики происходило уже в 80-х годах, во времена окончательной деградации административной системы. Новое поколение политических руководителей России променяло «власть на собственность». Достоверного анализа на этот счет нет, однако, если принять подобную гипотезу в качестве рабочей, то этот разрушающий национальную экономику образ хозяйствования становится более понятным.

За спорами последних лет о реформах и контрреформах, о том, что преобразования идут плохо или вообще остановились, общество упускает совершенно очевидную реальность – реальность формирования системы высоко криминализированных экономических отношений, характеризующихся рядом признаков.

Это, прежде всего, огромный вес «теневых» сектора, огромная роль неформальных и внеправовых отношений.

Это образование в экономической сфере кланов – устойчивых властно-хозяйственных структур, имеющих «крышу» в виде того или иного государственного властного органа, распоряжающихся крупными суммами накопленного разными путями капитала и ведущих широкомасштабную коммерческую деятельность. Одно из следствий возникновения подобных кланов – блокирование конкуренции на финансовых рынках, на рынках основных групп товаров и даже во внешней торговле.

Другое печальное следствие формирования кланов – узкой прослойки людей, присваивающих колоссальные доходы – обнищание огромной части населения.

Третье следствие – деградация бюджетной системы (на которой эти структуры паразитируют, используя такой главный источник сверхдоходов, как операции с бюджетными ресурсами и государственной собственностью).

Четвертое следствие – перераспределение национального дохода в пользу элитной группы. Мы видим, как оно растет, в то время как народнохозяйственные сферы, обеспечивающие благосостояние большей части населения (здравоохранение, образование и т. п.) приходят в упадок.

Пятое следствие – утечка российских капиталов за границу.

Вся эта система сегодня устойчиво воспроизводится, причем главный механизм ее воспроизводства связан с тем, что сформировавшиеся кланы фактически диктуют свои условия в принятии общегосударственных экономико-политических решений. А те предприятия, которые, как и полагается в рыночной экономике, работают на свой страх и риск, законопослушны и исправно платят налоги, не имея «крыши» во властных структурах и правоохранительных органах, обречены на банкротство.

О том, что весь госаппарат подчиняется интересам избранных кланов, свидетельствует правительственная политика бюджетного распределения, а также приватизационная политика, которая явно делалась по заказу конкретных коммерческих структур.

Фактом является, с одной стороны, огромный перерасход бюджетных средств по сравнению с законодательно установленными лимитами на обслуживание госаппарата, на предоставление казенных ссуд. С другой – хроническое недофинансирование расходов на социально-культурные нужды, здравоохранение и оборону.

Подобного рода экономическая система не представляет ничего принципиально нового в экономической истории. Ее аналоги существуют на Филиппинах, в Мексике, в Колумбии. И мировой опыт свидетельствует, что выйти из подобной ловушки очень сложно.

Реальные решения связаны с очень серьезными усилиями, в том числе с политическими. Действительно реалистичный рецепт – продвижение по пути оптимизации всех социально-экономических процессов, повышение ответственности исполнительной власти перед парламентом, усиление

судебной системы и правоохранительных органов в целом, жесточайшая борьба с коррупцией в госаппарате.

Криминализация бизнеса произошла не без помощи государства. Именно оно, не оплачивая в срок госзаказ, побудило директоров предприятий искать окольные пути по привлечению кредитов для поддержания производства.

Нетрудно было также предвидеть, что при разделении экономики на государственный и частный секторы возникнет теневой переток государственных средств в коммерческие структуры. Это прогнозировалось еще в 1991 году. Произошло то, что и предсказывалось. Директора предприятий через подставных лиц создали кооперативы, малые предприятия, на счета которых перекачивали часть финансовых средств. Параллельно произошло сращивание интересов коммерческих структур и органов власти и управления, вследствие чего значительная часть бюджетных средств и сейчас используется не по назначению, бесконтрольно.

Легализация теневой экономики становится необходимым фактором для обеспечения жизнедеятельности отечественного производства. Средний слой теневой экономики сейчас заинтересован в легализации своих доходов законными способами. Если государство посредством изменения действующих норм и законов проведет амнистию в отношении тех средств, которые были выведены из-под налогообложения, российская экономика получит значительные инвестиции. Все понимают, что из экономического кризиса без инвестиций не выйти. А кризис, в свою очередь, наиболее остро проявляется в инвестиционной сфере: объем капиталовложений сокращается быстрее, чем производство, на протяжении всего хода социально-экономических преобразований.

3. Особенности эволюции теневого сектора российской экономики

Первая особенность – возникновение делового тандема между чиновником и предпринимателем. Предприниматели попали в зависимость от чиновников. Произошла приватизация функций государства отдельными группами чиновников. Чиновники используют свои рабочие места как один из ресурсов частного предпринимательства. Их предпринимательство носит «теневой» характер так же, как и предпринимательство частных фирм являющихся их партнерами по бизнесу.

Вторая особенность – чрезмерно усиленная позиция государства в экономике. Она находит свое выражение в двух формах:

- в сохранении значительного государственного сектора без прежних экономических и правовых ограничений (военно-промышленный комплекс, большая часть энергетики, топливно-энергетический комплекс);

- в чрезмерном вмешательстве государства в экономическую деятельность.

ТЭ имеет множество различных источников для своего развития (незаконная приватизация, несовершенная налоговая и лицензионная политика, и др.). Большинство этих источников активно эксплуатируют так называемый «административный ресурс» – систему неформальных отношений с представителями органов государственной власти, обеспечивающими приоритет в той или сфере деятельности.

Незаконная приватизация как источник теневой экономики характеризуется тем, что при сравнительно небольших затратах (имеется в виду приватизация крупных и средних российских предприятий за бесценок) приносит весьма ощутимый доход, значительная часть которого по-прежнему остается «в тени» и через сеть зарубежных оффшоров и по фиктивным контрактам либо вывозится за рубеж, либо активно используется в конкурентной борьбе, либо вкладывается в «своих людей» во властных структурах всех уровней.

Другой источник теневых отношений – лицензирование разных видов хозяйственной деятельности. Оно ставит частные фирмы в зависимость от органов власти и отдельных чиновников и дает последним большие возможности для извлечения теневых доходов.

Например, выдача лицензий на какую-либо деятельность частным фирмам так, что получившие их становятся монополистами в одном из районов города. Ясно, что для «обхода» этого положения конкуренты вынуждены платить. Наконец, прямое подавление конкуренции органами власти в пользу «дружественных» им компаний. Часто это делается в самых прибыльных отраслях (в торговле бензином, нефтью, металлами, в строительстве), когда деятельность конкурентов подавляется с помощью милиции, налоговой полиции, проверок состояния экологической и пожарной безопасности, запрещения землеотвода, сдачи земли в аренду и т. д. В таком случае органы власти производят принудительное распределение рыночных ниш, отдавая самые выгодные сектора рынка «дружественным» фирмам, которые в свою очередь, отчисляют в пользу этих органов или отдельных чиновников часть получаемой сверхприбыли.

Вмешательство государственных органов в экономику всегда ведет к искусственному неравенству в положении различных частных фирм, всегда (прямо или косвенно) приносит выгоды одним и приводит к потерям у других. Значит, оно стимулирует обратное влияние частного бизнеса на государственные органы с целью компенсировать потери (у одних) и увеличить выгоды (у других). В российских условиях, когда нет общепризнанных цивилизованных законов, традиций и этики во взаимоотношениях бизнеса и государства, это неизбежно ведет к росту «теневой» активности (к подкупу чиновников или, наоборот, их заказным убийствам, если их действия могут лишить фирму доходов и т. п.). В результате чрезмерное

вмешательство государства в экономику при его слабости и зависимости от различных групп интересов порождает благоприятные условия для роста теневой экономики.

Третья особенность – сохранение прежних (характерных для советской системы) форм монополизма и появление новых. Первые связаны с деятельностью государства. Так как государство сохранило прямой контроль за работой ряда секторов экономики, это создает монополизм, порождающий теневую активность. Например, сохранение государственного контроля за золотодобычей (как и за добычей большинства видов полезных ископаемых) и ограничение доступа туда частного капитала служат источником существования черного рынка торговли золотом, оборот которого составляет многие десятки, а возможно, и сотни килограммов в год.

Еще один источник монополизма – деятельность бывших министерств, ведомств и их подразделений. Хотя формально РАО «Газпром», РАО «ЕЭС России» и т. п. – негосударственные структуры, они сохранили прежние связи и влияние в госаппарате, доступ к конфиденциальной государственной информации. Однако сейчас они не связаны прежними ограничениями, касающимися государственных ведомств. Это – «квазичастные» фирмы, представляющие собой гибрид частной компании и государственного ведомства. Такие компании регулируют целые секторы современной экономики России. Особенно много их в самых прибыльных сферах – в добыче и продаже топливно-энергетических ресурсов и во внешне-экономической деятельности. Некоторые из них обладают финансовой мощностью, сопоставимой по размерам с бюджетом небольшого европейского государства. Они почти автономны и включают набор организации, позволяющих им реализовывать все функции, которые традиционно выполняют государство и общество, – от газет и телекомпаний до частных армий и сельскохозяйственных предприятий. В силу этих особенностей они практически закрыты от общественного и государственного контроля, что дает широкие возможности для развития «теневой» деятельности. К числу самых распространенных ее видов относятся уклонение от уплаты налогов, незаконное укрывание части валютной выручки за рубежом и манипуляции с векселями и акциями, выпускаемыми такими компаниями.

В то же время между «квазичастными» монополиями и правящими группировками существует определенный социальный договор. Последние в периоды относительной политической стабильности закрывают глаза на теневую активность монополий, позволяя им сравнительно (с другими секторами кризисной российской экономики) неплохо существовать, фактически снижая налоговое бремя и разрешая осуществлять сомнительные операции на финансовых рынках. В периоды же обострения политической ситуации (например, во время президентских или парламентских выборов, угрожающего роста неплатежей, всплеска забастовочной активности и т. д.) правящие группы берут с них плату за сохранение социально-полити-

ческой стабильности и консервацию сложившегося режима власти, создающего, в свою очередь, благоприятные условия для существования монополий. Подобный симбиоз нынешних правящих группировок и крупнейших «квазичастных» монополий предполагает значительный объем «теневой» экономической активности, так как без нее невозможно создание скрытого от общества «фонда стабильности», расходуемого в чрезвычайных политических ситуациях.

Новая форма монополизма – монополизм «снизу» как надстройка над частной рыночной активностью. Это – система «крыш». Экономический смысл деятельности «крыши» – поддержание достаточно высокого уровня цен и прибыли на рынке за счет ограничения числа допущенных на него субъектов (производителей, торговцев, посредников и др.). Таким образом, часть прибыли «крыша» забирает у других участников рынка, фактически взимая с них неформальный налог. Подобное монопольное регулирование рынка не новость и имеет много аналогов в других странах. Но в отличие от большинства стран в России ему не противостоит антимонопольная деятельность государства, которое в условиях цивилизованного рынка правовыми методами «расчленяет» частные монополии на локальных и федеральных рынках. Ясно, что как сама деятельность «крыш», так и активность связанных с ними фирм имеет значительную теневую составляющую.

Четвертая особенность – чрезвычайно высокий уровень налоговых изъятий и репрессивный характер системы налогообложения, одинаково расценивающей уклонение от уплаты налогов и ошибку в их исчислении. Такая система, при которой, по различным оценкам, изымается 60-80 % прибыли, а частная фирма не имеет правовой защиты перед государственной налоговой инспекцией, – одно из следствий ситуации, когда в условиях экономической либерализации государство стремится сохранить «командные высоты» в экономике и контролировать основные финансовые потоки. В результате в стране сформировалась стойкая привычка к уклонению от уплаты налогов и переводу значительной доли деловой активности в «тень». В принципе уже одной этой черты достаточно для взрывного роста «теневой» деятельности.

Пятая особенность – асоциальный характер рыночных преобразований в России. Рыночные реформы лишили миллионы людей привычных социальных ниш, уровня жизни и сбережений. Хотя цены были «отпущены», введена свободная торговля и реализован ряд других мер по либерализации экономики, механизмы экономического отбора не были созданы. В промышленности, сельском хозяйстве и других секторах многие годы действуют неэффективно работающие предприятия с сотнями тысяч рабочих мест и зарплатой на уровне и ниже прожиточного минимума. В то же время никаких формальных и легальных альтернативных вариантов экономической активности для работников, занятых на таких рабочих местах, нет. Людям приходится искать средства к существованию и новые виды

занятий вне сложившихся формальных экономических институтов: найма и увольнения, оплаты труда, материального и морального поощрения, продвижения по службе и др. Они вынуждены зарабатывать за счет неформальной деятельности. Государственные и бывшие государственные (приватизированные) предприятия обросли множеством коммерческих структур, возникло огромное число независимых фирм, через которые люди пытаются заработать на свободном рынке без формальных ограничений. Кроме того, значительная часть трудовой деятельности осуществляется без какой-либо официальной регистрации.

Шестая особенность – неправовой характер экономических преобразований, обусловленный тем, что реальное поведение населения и властей в период реформ лишь в малой степени регулируется формальными законами. В эффективной работе правоохранительной системы не заинтересованы, прежде всего, правящие группировки. Нормальная работа суда, прокуратуры и других правоохранительных органов связывала бы руки представителям высокостатусных групп в борьбе за раздел и передел бывшей социалистической собственности. Кроме того, сами правоохранительные органы глубоко вовлечены в хозяйственную активность и являются одними из важнейших ее субъектов в нынешней России. Иначе говоря, они, во-первых, заняты не свойственной им деятельностью, во-вторых, коррумпированы. Естественно, при этом они не могут эффективно поддерживать правопорядок в сфере экономики и выступать арбитрами при разрешении возникающих конфликтов. Тогда последние улаживаются неформальными структурами.

4. Экономические основы криминальной теневой экономики.

Криминализация экономических отношений, ее масштабы и темпы роста превратились в ведущий фактор угрозы национальной безопасности страны.

Перечень экономических преступлений можно конкретизировать: подпольное и незаконное производство товаров и услуг; выпуск поддельных товаров; незаконное использование чужих открытий, изобретений, авторских прав; аудио- и видеопиратство; обман акционеров; «недобросовестная конкуренция», нарушения антимонопольного законодательства; совершение неформальных сделок; взяточничество, связанное с получением различных льгот и преференций в бизнесе; обман и мошенничество при приватизации; создание фиктивных хозяйствующих субъектов; сокрытие доходов от налогообложения, торговые преступления и многое другое.

Перечисленные экономические преступления в свою очередь могут подразделяться на формы. В частности, обман и мошенничество при приватизации может осуществляться в следующих формах:

1) сообщение неверных сведений конкурсной комиссии о платежеспособности покупателя;

2) ложная приватизация предприятия трудовым коллективом (с целью получения финансовых льгот), за которым стоит реальный покупатель;

3) приватизация предприятий по заниженной стоимости;

4) подкуп конкурсной комиссии и т. д.

Еще одной глобальной проблемой обострившейся на рубеже XX-XXI веков стала деятельность транснациональной организованной преступности. Своей преступной деятельностью она разрушает производительные силы мировой экономики, наносит огромный ущерб природе, в той или иной степени деформирует государственно-правовые механизмы регулирования национальных экономик. В данной лекции рассматривается сущность, формы, причины роста ТОП и анализируется международный опыт по борьбе с нею.

Термин «транснациональный» означает наличие потоков материальных и нематериальных объектов через государственные границы, при этом один из субъектов этого процесса должен не представлять государство.

Организованная преступность, сформировавшаяся в большинстве стран мира в XX веке, ведет сегодня свою деятельность во многих государствах. Поэтому та часть организованной преступности, которая осуществляет транснациональные операции, называется ТОП.

Транснациональная организованная преступность – это организации, которые осуществляют сложные уголовные виды деятельности, позволяющие им получать прибыль и приобретать власть путем создания и эксплуатации международных рынков незаконных товаров.

Характерными чертами ТОП являются:

1. Членами ТОП являются лица различных стран, которых объединяет цель участия в противоправной деятельности на более или менее постоянной основе.

2. Криминальная деятельность ТОП связана с: а) предложением запрещенных законом товаров; б) предложением законных товаров, поставляемых на рынок по незаконным каналам.

3. Использование коррупции и насилия, как методов, призванных содействовать ведению преступного бизнеса.

Мировой опыт по изучению деятельности ТОП показывает, что коррупция является более предпочтительным средством по отношению к использованию прямого насилия. Использование насилия может вызвать ответную реакцию со стороны общества, нежелательную для ТОП. Поэтому выделение части преступных доходов представителям органов государственной власти боссы ТОП считают необходимым и эффективным инвестированием, которое повышает шансы на успех их преступной деятельности.

Понятие коррупции на международном уровне было сформулировано еще в 1979 г. на 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. С экономической точки зрения коррупция – это выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего это вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения.

Главная опасность коррупции – это подрыв доверия населения к государственным органам и закону. Коррупция постепенно вытесняет официальный, легальный правопорядок «теневым порядком», основанном на так называемом «теневого праве». В результате стремительно развивается теневая экономика – материальная база организованной преступности.

Международный характер организованная преступность имела и в первой половине XX века. Например, во время действия сухого закона в США в 1920-е годы организованные преступные группы были вынуждены устанавливать контакты за пределами своих национальных границ. Эти контакты были необходимыми для поставки незаконных спиртных напитков. Однако эти международные связи были ограниченными, а иногда случайными и кратковременными (разовыми).

Преступность становится устойчиво интернациональной в том случае, когда в одной стране или группе стран имеется спрос на незаконный товар, а в другой стране это благо производится или имеется. Кроме того, необходимы надежные средства связи и доставки этого блага. Такие условия в мире сложились в последней четверти XX века. Именно со середины 1970-х годов началось бурное становление и развитие ТОП. Среди основных факторов, определивших этот процесс можно выделить:

1. Формирование мировой инфраиндустрии, особенно мировых информационно-транспортной и транспортной инфрасистем. ТОП, как и любой бизнес в мировой экономике, получила возможность эффективного управления и осуществления своей преступной деятельности.

2. Формирование интеграционных сообществ с открытыми национальными границами, например, ЕС. Это значительно облегчает перемещение незаконных грузов.

3. Рост спроса во многих странах мира на незаконные материальные блага и услуги, измеряемый сотнями млрд долларов в год.

4. Усиление политической неустойчивости и ухудшение социально-экономических условий в ряде стран и регионов мира, приводящих к международной специализации экономик этих стран на криминальном бизнесе. Ярким примером может служить экономика Афганистана. Афганистан на рубеже XX-XXI веков стал лидером по производству наркотиков.

5. Различная эффективность систем уголовного правосудия и деятельности правоохранительных органов в разных странах мира. Действие этого фактора сказывается в значительной степени на определении места нахождения преступной организации и направлениях ее деятельности.

Стремясь уклониться от встреч с сильными правоохранительными органами, ТОП обосновывается в странах, где существуют минимальные условия для риска. И из этих стран осуществляют управление поставками нелегальных товаров на те рынки, где можно извлечь максимальную прибыль.

Доходы от преступной деятельности они также направляют по каналам мировой финансовой системы в те центры, где существуют «налоговые убежища», а банки не особенно интересуются источниками происхождения доходов.

Основными формами транснациональной организованной преступности (ТОП) являются:

- наркобизнес;
- международный незаконный оборот оружия;
- организованные формы незаконной миграции;
- торговля органами человеческого тела;
- кража и контрабанда автомобилей;
- компьютерные преступления в международных информационных сетях;
- незаконная торговля дикими животными;
- организованные посягательства на объекты культуры и произведения искусства;
- незаконное уничтожение опасных отходов и др.

Рассмотрим две из названных форм ТОП – самую масштабную и опасную: наркобизнес и наиболее современную: компьютерные преступления в международных информационных сетях.

Мировой наркобизнес можно рассматривать как индустрию с отдельными стадиями производства, транспортировки и распространения наркотиков на оптовом и розничном рынках. По имеющимся оценкам, мировая торговля наркотиками превышает масштабы торговли нефтью. В первой половине 1990-х годов она достигала уровня 500 млрд долларов США в год.

Крупнейшие центры по производству наркотиков находятся в Южной Америке и в Азии. Эксперты оценивают мощности подпольных лабораторий колумбийского наркобизнеса по производству современных наркотиков в 350 тонн в год. В первой половине 1990-х годов Боливия, Колумбия и Перу получали за счет наркобизнеса от 20 до 30 % ВВП.

В Азии бесспорным лидером по производству наркотиков к концу 1990-х годов стал Афганистан. По некоторым оценкам, здесь производится сегодня около 75 % мирового объема опиума и героина. Это количество наркотика вдвое превышает совокупный спрос на рынках США и Западной Европы.

Поток наркотиков из Афганистана, главным образом через Таджикистан, устремился в страны СНГ и Россию, в частности. За 1990-е годы Рос-

сия стала не только одним из транзитных путей международного наркобизнеса, но и крупным потребителем наркотиков. Количество наркоманов в России оценивается на уровне от 6 до 12 млн чел.

Наркомания в России резко помолодела. Среди зарегистрированных российских наркоманов в конце 1990-х 55 % было в возрасте до 20 лет, в том числе 20 % – до 16 лет. Сегодня наркодельцы успешно вовлекают в свой преступный бизнес 12-летних школьников. Учитывая, что средняя продолжительность жизни с момента первого укола обычно составляет 7-10 лет непрерывного потребления, можно сделать печальный вывод: нынешний российский наркоман не доживет и до 25-30 лет. Конец один – смерть. От СПИДа, от передозировки, от цирроза печени, в тюрьме. Таким образом, на российском примере мы видим, что международный наркобизнес стремительно разрушает главную производительную силу мировой экономики – человека.

Еще одной современной формой ТОП являются компьютерные преступления в международных информационных сетях. Их можно разделить на 4 группы:

1. Похищения персональных данных пользователей Интернета. Данные о месте жительства, благосостоянии и поведении потребителей представляют немалую ценность для маркетологов.

2. Воровство номеров кредитных карточек и списание денег с банковских счетов. Эти преступления начались еще в начале 1990-х годов. Самыми известными киберворами 1990-х годов стали петербуржец Владимир Левин, списавший со счетов одного из банков США около 12 млн долларов. И американец Кевин Митник, ограбивший несколько банков и приговоренный к 45 годам тюремного заключения.

3. Атаки на корпоративные серверы и сайты общего пользования. На сервер сети организуется одновременная посылка множества запросов, которые парализуют работу системы. Тем самым происходит фактический отказ в обслуживании клиентов на определенное время, что наносит экономический ущерб той или иной компании.

4. Создание компьютерных вирусов и рассылка их по электронной почте. Появившийся в 2000 г. в Интернете вирус «I Love You» заразил более 15 млн компьютеров и нанес ущерб в 10 млрд долларов.

По данным Европейской комиссии, пользователи Интернета ежегодно отдают собственным интернет-провайдерам за чтение и удаление непрошенных электронных писем около 10 млрд долларов. Компьютерные преступления признаны ею одним из самых серьезных препятствий на пути развития электронной коммерции на континенте.

Таким образом, приведенные факты показывают, что ТОП, затрагивая жизненные интересы граждан всех стран, разрушая или сдерживая развитие мирового хозяйства, превратилась в одну из глобальных проблем мировой экономики.

5. Причины экономической преступности и криминализации экономики

Переход к рынку в нашей стране в самом начале был связан с тем, что, во-первых, экономические отношения подверглись не реформированию, а, скорее, деструктивной деформации; во-вторых, ярко проявили себя дисфункции социальных институтов, призванных регулировать эти отношения в хозяйственной системе. Отсутствие чёткой программы социально-экономических преобразований, упование на самодостаточность рыночных регуляторов и ряд других обстоятельств обусловили возникновение и воспроизводство в сфере экономической деятельности безнормативности поведения как устойчивого и массового явления. Девиация (отклонение) превратилась в норму. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что полноценные товарно-денежные отношения в нашем обществе не могли возникнуть естественно-исторически, поскольку этот путь на многие десятилетия был прерван. В связи с этим, их появление и развитие всецело детерминировано намерениями и действиями реформаторов. Иными словами, формирование современной системы рыночных отношений в России происходит в основном революционным путём, за счёт реформ «сверху». Поэтому столь велико воздействие так называемого субъективного фактора на ход всех российских социальных преобразований. Соответственно, велика и цена ошибок при решении тех или иных стратегических задач рыночного реформирования.

Командно-административная система экономических отношений, сложившаяся в нашей стране в советский период, отличалась крайне высокой степенью нормативной заданности и жесткостью административно-законодательного контроля, отсутствием экономических стимулов высокопроизводительного труда и интенсивного развития и т. п.

Детерминирующим фактором ее глобального разрушения стал, прежде всего, обусловленный общим кризисом системы тоталитарного социализма и политическим противостоянием правящих элит распад государственности вообще и механизмов государственной власти, в частности. Все это привело к демонтажу плановой системы хозяйственного управления, утрате способности управления экономическими и социально-политическими процессами в стране, а в дальнейшем и к распаду страны в целом.

Однако, провозгласив курс на переход к рыночному хозяйству, государство в лице новой политической власти оказалось не способным наладить действенное регулирование социально-экономических процессов, включая решение ряда принципиально важных с позиции сохранения экономического и социального равновесия задач: реализация принципов свободного предпринимательства – конкуренции и равных стартовых условий для всех участников экономических отношений; борьбы за передел собственности в рамках легитимного русла; поддержание эквивалентности

обмена в экономике и реализация связанного с ним принципа социальной справедливости; обеспечение согласования публичных, частных и общественных экономических интересов и др.

В результате в системе хозяйствования стали складываться экономические отношения (институциональные и неинституциональные) с изначально низкой степенью легитимности, следствием чего наблюдалось появление и масштабное воспроизводство безнормативности экономического поведения (особенно в сфере возрождаемого предпринимательства) и резкое усиление степени его криминальной направленности. Этому способствовал ряд других обстоятельств субъективного порядка, прежде всего – образование правового вакуума в сфере регулирования экономических отношений.

Отсутствие необходимой правовой базы с наибольшей силой проявило свои дестабилизирующие, деструктивные последствия в сфере регулирования экономических отношений при разделе собственности в ходе разгосударствления и приватизации, в процессах обвальной либерализации цен и торговли. Именно в этих сферах уровень криминогенности в переходный период достиг беспрецедентной отметки. Недооценка правового аспекта рыночных преобразований, ставшая характерной чертой проводимых реформ, и связанное с этим доминирование экономического подхода привели к резкому усилению дифференциации населения по уровню доходов и жизни, сверхбыстрому по своим темпам и величине незаконному обогащению немногочисленного слоя лиц (в основном, за счёт криминальных способов первоначального накопления капитала), к обнищанию основной массы россиян.

В сфере приватизации преобладание экономического подхода наиболее ярко выразилось, например, в провозглашении как минимум двух принципиальных установок. Первая касалась объявления государственной собственности как бы ничейной, бесхозной. После его усвоения (за годы горбачёвской перестройки) была провозглашена следующая – о приоритетности задачи формирования «среднего класса», широкого слоя частных собственников в максимально сжатые сроки и вне зависимости от происхождения источников доходов. Реализация этих установок позволила идеологически «оправдать» глобальное по масштабам расхищение национального богатства в ходе далёкого от понятия «цивилизованный» передела собственности, сравнимого, пожалуй, лишь с тем, что был осуществлён в своё время большевиками.

Преобладание политического подхода над правовым и экономическим в российском варианте рыночных реформ помимо приватизации можно наблюдать и в других сферах деятельности органов власти. Например, в сфере ценообразования. Введённая в одночасье административным путём так называемая либерализация цен вызвала неконтролируемый рост прибыли как старых, так и новых монополий, экономически неоправдан-

ное обогащение за счёт принявших гигантские масштабы чисто спекулятивных операций в сфере обращения, привела к расхищению национального дохода и богатства, послужила, наряду с другими причинами, толчком к явному проявлению социально-опасной тенденции сверхбыстрой люмпенизации и обнищанию основной массы населения.

В итоге эта поспешная, экономически не просчитанная и законодательно не обоснованная акция способствовала невиданной криминализации отношений в сфере обмена, почти полному подчинению механизмов ценообразования в розничной торговле интересам криминальных структур и сообществ.

Исследуя причины криминализации экономических отношений и роста экономической преступности, выделяют следующие факторы:

- 1) обнищание и люмпенизация широких слоёв населения;
- 2) закрытие предприятий и рост безработицы;
- 3) деструкция социальных норм;
- 4) разрушение традиционных морально-нравственных императивов, потеря духовных идеалов и ориентиров;

- 5) сознательное ослабление на первых этапах реформ борьбы с экономической преступностью, вытекавшее из изначально порочной установки о необходимости и полезности использования теневых капиталов в качестве базы рыночных реформ, о том, что сами мероприятия по формированию рынка, якобы автоматически и довольно быстро позволят устранить «свыше 90 % объёма операций теневой экономики»;

- б) целенаправленные действия самого преступного мира и коррумпированной части чиновничества. Воспользовавшись переходной ситуацией в экономике, наличием организационно-экономического и правового хаоса в регулировании формируемых рыночных отношений, этот теневой альянс использует экономические преступления (порождая беспрецедентный рост их количества) в качестве главного «инструмента» в борьбе за ускорение достижения своих стратегических корпоративных целей, при этом обеспечивая: незаконное первоначальное накопление капитала (в криминальных, полукриминальных, теневых формах) в процессе приватизации, акционирования, а также за счёт различных видов мошенничества в сферах бизнеса, банковской деятельности и др.;

- 7) отмывание преступных капиталов за счёт создания новых, либо покупки действующих предприятий т. п. Получение свободы действий под прикрытием создаваемых коммерческих структур, изначально преследующих преступные цели и использующих внеэкономические методы конкурентной борьбы;

- 8) развал государственных органов власти, правоохранительных структур и другие негативные явления.

Глава 2. Оценка состояния, перспектив, характера террористических рисков

1. Трансформации современного терроризма и среднесрочный прогноз террористической активности

На сегодняшний день требуется трезвая оценка состояния, перспектив, характера террористических рисков.

В современном терроризме явно обозначились несколько новых трендов.

Во-первых, терроризм становится преимущественно профессиональной деятельностью. Профессионализация терроризма, его мобильность и адаптивность заставляют пересмотреть сам формат стратегии и тактики правоохранительных органов.

Во-вторых, происходит изменение конфигурации сил в террористических и экстремистских коалициях, прежде всего, за счет трансферта прошедших обучение профессиональных террористов и идеологов экстремизма в государства Центральной Азии, регионы России со значительной долей мусульманского населения.

В-третьих, терроризм фактически стал новой, альтернативной формой войны. Имеет место переплетение боевых действий и террористических акций. Террористическая деятельность приобрела формат модифицированной партизанской войны, что обусловило и переход силовых структур государств от форматов войсковых действий к технологиям точечных контртеррористических операций.

В-четвертых, активно создаются альтернативные или параллельные сети террористических организаций. Например, Аль-Каида фактически стала развиваться по правилам сетевого маркетинга, по правилам франчайзинга. Например: в национальные перечни России и Казахстана помимо Аль-Каиды входят такие террористические организации как «Асбат-аль-Ансар», «Братья-мусульмане», «Жамаат моджахедов», «Исламская партия Туркестана», «Лашкар-и-Тайба», «Общество социальных реформ», «Хизбут-Тахрир».

Эти тренды обеспечивают эскалацию диверсионно-террористических угроз на территорию и России, и сопредельных государств, в том числе Центральной Азии. Мы реально можем столкнуться с несколькими региональными войнами на своей территории или на территории наших военно-политических союзников.

В докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ), посвященном глобальным рискам резюмируется, что из 23 видов угроз, стоящих перед планетой, 15 только усугубились. Это глобальное изменение климата, внезапный рост цен на нефть, замедление глобализации. К их числу относятся

и терроризм. По мнению экспертов ВЭФ, некоторые из угроз способны нанести ущерб мировой экономике в триллион долларов. Причем вызванные ими негативные последствия могут наложиться друг на друга.

Среди наиболее значимых факторов, формирующих террористические угрозы, исследователями выделяются следующие:

- 1) реализация стратегии дестабилизации;
- 2) операции «ложного» терроризма;
- 3) устойчивая связь географии повышенной террористической активности с регионами добычи углеводородов;
- 4) качественные изменения «реального» терроризма, сделавшие его новой формой войны;
- 5) расползание радиоактивных материалов, их выведение в неконтролируемый оборот, реальность угрозы радиологического терроризма.
- 6) угроза биотерроризма.
- 7) дефицит водных ресурсов как фактор террористических рисков.

Что представляет собой стратегия дестабилизации? Это фактически переадресация ответственности за террористические действия таким субъектам, которые не имеют к этому действительного отношения. Однако, стратегия дестабилизации может быть представлена действиями, которые лишь внешне сходны с террористическими актами.

Обращает на себя внимание тот факт, что в последние годы заметно участилось количество террористических актов, совершаемых как в Европе (прежде всего, Испании с ее мятежной провинцией басков), так и в других регионах мира, за совершение которых ни одна террористическая организация не взяла на себя ответственность. Либо ответственность объявлялась через значительный промежуток времени.

Специалисты справедливо подчеркивают, что терроризм следует рассматривать как насильственные действия, замышляемые не только в целях привлечения внимания к определенному делу, но в результате получаемой огласки донесения до широкой аудитории определенных идей². По словам Фредерика Хейкера, психиатра и видного специалиста по терроризму, террористы стремятся «устрашать, а путем устрашения – господствовать и управлять. Они хотят произвести впечатление. Они работают на аудиторию и призывают аудиторию к участию»³. Принимая во внимание то обстоятельство, что терроризм по своей природе носит демонстрацион-

² Существует более сотни определений этого понятия. Например, согласно определению Государственного департамента (статья 22, раздел 2656 Кодекса законов США), терроризм – это «преднамеренное политически мотивированное насилие в отношении невоенных целей, которое совершается субнациональными группами или тайными агентами и целью которого обычно является воздействие на аудиторию». Специалисты сходятся в том, что едва ли возможна выработка универсального понятия терроризма.

³ Frederick J. Hacker, *Crusaders, Criminals, Crazyies: Terror and Terrorism in Our Time*. New York: W. W. Norton, 1976. P. XI.

ный характер и всегда преследует конкретные, как правило, политические цели, сопоставление указанных цифр не может не настораживать.

Рассматривая механизм стратегии дестабилизации, можно с уверенностью сказать, что он был апробирован и отчетливо проявился при формировании так называемых секретных армий НАТО на территории суверенных государств Европы в период «холодной войны».

Сам по себе тактико-стратегический прием создания на оставляемой территории тайных воинских подразделений не нов. Он использовался и русской армией в период Отечественной войны 1812 года, и армией СССР в период Великой отечественной войны, когда было ясно, что территория будет временно оккупирована военным противником. В результате было обеспечено партизанское движение, ведущее активные диверсионные действия на оккупированных территориях.

Однако в период «холодной войны» специализированные воинские подразделения Северо-Атлантического альянса были призваны решать задачи, соответствующие новой политической ситуации, геополитическому военному балансу сил в послевоенной Европе.

Тайные структуры НАТО снаряжались, финансировались и обучались Центральным разведывательным управлением совместно с МИ-6, британской разведывательной службой, для борьбы с вооруженными силами Советского Союза в случае войны, а также для того, чтобы совершать террористические акты в различных странах.

На сегодняшний день очевидным остается факт – даже и после окончания «холодной войны» стратегия дестабилизации получила свое дальнейшее развитие.

В прямой связке со стратегией дестабилизации, проводимой НАТО, находится такой феномен как операции «ложного» терроризма (False flag terrorism). Выражение False flag operations (операции «ложный флаг») используется для обозначения террористических актов, тайно направляемых правительствами или организациями, представляемых затем как теракты, проведенные другими людьми⁴.

В новейшей истории типичным объектом операции ложного терроризма стал Ирак и лично Садам Хусейн. Формальным поводом для начала агрессивной войны США против Ирака стала, как известно, неподтвердившаяся информация о наличии в Ираке химического и биологического оружия и готовности режима Хусейна применить его в целях устрашения потенциального противника – Ирана и Сирии. Кроме того, общественное мнение подверглось массивной информационной атаке, формирующей ложное представление о том, что теракты 11 сентября в США связаны с деятельностью не только «Аль-Каиды», но и Ирака. Сформировались та-

⁴ См. подробнее: Гансер Д. Необъявленный терроризм НАТО // Voltairenet. 11.01.2007; NATO's secret Armies: Terrorism in Western Europe (НАТО: секретные армии в Европе). М., 2006.

кие понятия как «ось зла», «исламофашизм», «террористическое государство».

Проведение операций ложного терроризма сопровождается гиперактивной пропагандистской кампанией, призванной обеспечить общественную поддержку и легитимизировать проведение военных операций, весьма далеких от подлинных целей пресечения и предупреждения терроризма.

Таким образом, цель операций «ложного терроризма» – создание «политической крыши» военным операциям и установление политического контроля в случае невозможности непосредственного военного контроля. Другая цель – манипулирование общественным мнением при решении геополитических задач.

Очевидна и еще одна характеристика операций дестабилизации и операций ложного терроризма. Геоэкономическая карта мира оказывается «матрицей», на которую налагается «предметный слой» географии современного терроризма.

Как отмечает Даниэль Гансер – сотрудник Швейцарского Центра исследований проблем безопасности – настоящей причиной войны является контроль над сырьевыми и энергоресурсами. И тот, кто хотел бы завладеть ими, должен маскировать свои намерения посредством таких манипуляций.

По обоснованному мнению российских аналитиков, речь идет о борьбе в том числе и за контроль над энергоресурсами евразийского континента, которые расположены в «стратегическом эллипсе» – от Азербайджана через Туркменистан и Казахстан до Саудовской Аравии, Ирака, Кувейта и Персидского залива. Именно в этом регионе, где происходит война с терроризмом, сконцентрированы крупнейшие запасы нефти и газа.

Очевидно, что речь идет о геостратегической игре, средством которой выступает терроризм.

По мнению аналитиков речь идет о двух принципиально важных с точки зрения энерготранзита регионах. Во-первых, это каспийско-черноморский регион.

США заинтересованы в перенаправлении основных нефтегазовых потоков из Средней Азии в обход России. Для этого американцам необходимо сохранить безусловный контроль над нефтепроводом Баку — Тбилиси — Джейхан и обеспечить себе военное присутствие в Каспийском море. США уже создали в Азербайджане военно-морскую группу быстрого реагирования Caspian Guard.

Как отмечают наблюдатели, помимо стремления овладеть богатейшими энергоресурсами Каспия и транспортными магистралями «Европа-Азия», США пытается вытеснить Россию из Центральной Азии, дополнительно изолировать Иран и противодействовать усилению позиций Китая в регионе.

Пресловутый Каспийско-Персидский энергетический Эллипс включает государства СНГ и сопредельные государства, стабильность которых, мягко говоря, не очевидна.

Именно на территориях стран Содружества, расположенных в Центральной Азии и на Кавказе, сегодня разворачивается основной театр политических манипуляций под флагом борьбы с терроризмом.

На смену открытым вооруженным столкновениям регулярных армий приходят войны неявные, засекреченные. Они осуществляются с чужих территорий и якобы третьими силами. В последнем случае мы имеем дело с явлением, максимально закамуфлированным под терроризм.

Такие государства Центральной Азии и Южного Кавказа как Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Кыргызстан, Грузия, Армения и Азербайджан составляют в версии Бжезинского территориальное ядро «Евразийских Балкан».

По оценкам ряда аналитиков, США стоят на пороге серьезного энергетического кризиса. Уже сейчас при собственной добыче 340 миллионов баррелей нефти они вынуждены импортировать более 600 миллионов. Поэтому, прогнозируя обострение проблемы нехватки энергоресурсов уже в ближайшие десятилетия, американцы, используя свое военное и экономическое превосходство, загодя берут под контроль основные маршруты транспортировки углеводородного сырья.

Если внимательно проанализировать географию новых военных баз США (созданных и еще только запланированных), становится ясно, что Соединенные Штаты целенаправленно устанавливают полный контроль над нефтегазовыми ресурсами Центральной Азии, Каспийского региона, Среднего и Ближнего Востока и маршрутами их перевозок⁵.

Ситуация заметно осложняется тем, что «окончательно сформировались две экстерриториальные зоны конфликтов: афгано-таджикская граница и Ферганская долина, прямой коридор к которым имеет исламистский, террористический и наркотический трафик из Афганистана»⁶.

В этой связи можно прогнозировать эскалацию террористической угрозы в Центральной Азии в ближайшие 2-3 года.

Учитывая изложенное, едва ли можно согласиться с мнением о том, что угроза для России на Юге оформится не ранее среднесрочной перспективы (10-15 лет)⁷. По мнению экспертов при худшем варианте развития событий Россия может столкнуться здесь даже с несколькими региональными войнами на своей территории или на территории наших военно-

⁵ Ефимов Н. Н. Глобализация: военный аспект // Красная звезда. 2011.

⁶ Перспективы войны в Закавказье и Средней Азии [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru (дата обращения: 13 июня 2008 г.).

⁷ См. например: Кортуннов С. Прогноз для России [Электронный ресурс]. URL: www.aquilonclub.ru.

политических союзников. Такая угроза уже сформировалась и государства СНГ должны адекватно реагировать на нее.

Самостоятельным фактором нестабильности следует считать также мутации современного терроризма.

Здесь следует выделять приобретение террористическими группами признаков «сетевой» организации, переход ядерного терроризма с использованием «грязной» бомбы и биологического терроризма в разряд реальных угроз.

Оценивая основные тенденции глобальных террористических угроз на ближайшие несколько лет, эксперты Института обороны и стратегических исследований при Наньянском технологическом университете (IDSS) (Сингапур), выделяют следующие:

- большинство стран начнут относиться к терроризму как к угрозе их собственной безопасности,
- Ирак превратится в международный эпицентр для воспроизводства международного терроризма,
- террористическая угроза в Афганистане возрастет,
- параллельно с Аль-Каидой будут выстроены и другие глобальные террористические центры,
- изменения в стратегии будут связаны с глобальным движением Джихад.

Ирак уже заменил Афганистан как эпицентр Джихада. Как Афганистан произвел последнее поколение бойцов, так движение в Ираке производит и катализирует появление нового поколения террористов-самоубийц и партизан.

С эскалацией терактов в Ираке и возобновлением насилия в Афганистане возрастет угроза политически мотивированного насилия, как на Ближнем Востоке, так и в Азии.

Угроза Северной Америке, Европе и Австралии будет возрастать из-за продолжающейся радикализации эмигрантов. Кроме того, пористость границ между террористическими группами привела к большему сотрудничеству между ними. Широкий обмен идеями, технологиями и даже специалистами между группами возрастает и резко увеличивает угрозу.

Таким образом, если рассматривать терроризм не столько с формально-юридической точки зрения как уголовно-наказуемое деяние, а с позиций военно-политических подходов, то следует признать, что **терроризм является сегодня результатом трансформаций военных технологий.**

По результатам специальных исследований⁸ можно судить о характере современных террористических акций: в каждом втором случае тер-

⁸ См. подробнее: Стратегическая оценка прогресса в борьбе с террористической угрозой. Государственный департамент США: Управление по борьбе с терроризмом [Электронный ресурс]. URL: usinfo.state.gov.

рористические акты прямо связаны с боевыми действиями. Это обстоятельство само по себе указывает на доминирование в террористическом арсенале именно военных технологий.

Все чаще специалисты рассматривают терроризм, как особую форму войны.

Известно, что Военная доктрина Российской Федерации среди угроз военной безопасности особо выделяет следующие угрозы террористического профиля:

- ✓ международный терроризм;
- ✓ противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки в стране;
- ✓ создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных формирований;
- ✓ незаконное распространение (оборот) на территории РФ оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий;
- ✓ организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности Российской Федерации.

Анализ этого документа позволяет утверждать, что с точки зрения военно-политической безопасности современное государство рассматривает терроризм как угрозу военного характера.

Говоря об угрозе радиологического терроризма можно с уверенностью сказать, что ядерный терроризм реален.

В период, последовавший после распада СССР, и получивший название «окончание «холодной» войны», модно было считать, что угроза ядерного конфликта аннулирована. Успокоенность наступила преждевременно, сегодня такая угроза реанимирована. Однако еще большей угрозой стал ядерный терроризм.

Специалисты-атомщики полагали, что продолжающийся научно-технический прогресс в условиях глобализации сделает ядерное оружие доступным для большинства стран к 2020 году. Но все произошло гораздо быстрее. Расширение «клуба ядерных держав» негласно происходит за счет еще более 30 государств, ядерные технологии которых уже достигли достаточно высокого уровня.

Ядерная угроза в мире сейчас более велика, чем когда-либо со времен самых острых конфликтов холодной войны. Так оценивает ситуацию газета Independent, ссылаясь на специалистов из чикагской организации «Бюллетень ученых-атомщиков». Может быть, самая большая опасность

заключается в том, что организации типа «Аль-Каиды» стремятся заполучить в свои руки ядерное оружие, чтобы его использовать.

О «расползании» радиоактивных материалов по территории государств СНГ, Европы, Североамериканского континента написано немало. Достаточно обратиться к фактам, освещавшимся в средствах массовой информации в последние годы.

Серьезное свидетельство о попытках завладения «Аль-Каидой» обогащенным ураном было получено в ходе судебных слушаний по делу террористической сети бен Ладена (Нью-Йорк, февраль 2001 г.). Свидетель обвинения Джамаль аль-Фадль указал, что переговоры с гражданином Судана о приобретении урана из Южной Африки велись еще в 1993 г. Тогда представители спецслужб США указали, что у них нет сведений о наличии у «Аль-Каиды» урана. В сентябре 2006 г. один из лидеров «Аль-Каиды» в Ираке Абу Хамза аль-Мухаджер призвал ученых вступать в организацию и экспериментировать с радиоактивными устройствами для применения таковых против коалиционных войск. Al Arabiya в октябре 2006 г. продемонстрировал видеообращение Абу Яхима («Аль-Каида») с призывами учиться собирать ядерную бомбу Джихада.

По мнению экспертов, бурно развивается «черный рынок» ядерных материалов, технологий и экспертизы, охвативший ряд государств – членов Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) (Ливия, Иран, Ирак, КНДР, Саудовская Аравия, Алжир, Египет, Индонезия)

При этом нет уверенности в достаточной сохранности накопленных многими странами запасов ядерных материалов и, в отдельных случаях, даже ядерных боеприпасов, которые могут попасть в руки террористов путем хищения, подкупа или, как следствие, политической дестабилизации или гражданской войны.

Генеральный директор Международного агентства по атомной энергии Мохаммед аль-Барадеи в одном из своих обращений сообщил, что за последнее десятилетие МАГАТЭ зафиксировало в разных странах мира 650 попыток контрабанды ядерных материалов, и призвал мировое сообщество умножить усилия по защите имеющихся на планете запасов ядерных материалов от возможных посягательств со стороны террористов.

Проследим статистику с начала нового столетия: начиная с 2002 г. число фактов контрабанды радиоактивных материалов, пригодных для изготовления «грязной» бомбы, в Европе удвоилось. МАГАТЭ называет цифру 300. МАГАТЭ также предупреждает, что реальный уровень контрабанды может быть значительно выше, поскольку еще 344 случая за последние 11 лет не были подтверждены ни одной из 75 стран, ведущих мониторинг незаконной торговли радиоактивными материалами.

Федеральная таможенная служба России констатирует, что в 1995 году было пресечено четыре факта перемещения товаров и транспортных средств с повышенным уровнем ионизирующего излучения через границу.

В 2004 году – уже около 200. При этом, в 2004 году 80 % таких случаев пришлось на ввоз в Российскую Федерацию, а 20 % – на вывоз.

По данным Генеральной прокуратуры РФ за последние десять лет пресечено более 40 фактов хищений ядерных материалов.

Надежность хранения радиоактивных материалов – одна из актуальных проблем. Но если западные специалисты обращают внимание на вероятность их утечки с «легальных» объектов энергетики и армии, то ученые-ядерщики государств СНГ ставят вопрос более реалистично. Они обращают внимание на такие объекты как медицинские и научные учреждения, заброшенные промышленные объекты, законсервированные рудники, отработанные «хвостохранилища». И здесь, действительно, проблема существует.

По мнению технических экспертов МАГАТЭ, создание «грязной» бомбы возможно с использованием *любых* радиоактивных изотопов. Цепная реакция в такой бомбе невозможна, но ее использование приведет к радиационному загрязнению местности. Интенсивность его в ряде случаев не будет достаточно высока, чтобы существенно повлиять на здоровье людей, однако само применение такого устройства и угроза рассеивания радиации может вызвать страх и панику среди населения.

Таким образом, ядерный терроризм является наиболее опасной разновидностью терроризма будущего.

На рубеже веков были созданы все предпосылки для его появления:

- наличие у ряда государств ядерного оружия (США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Пакистан), имеющих существенные претензии друг к другу;
- появление большого числа так называемых «пороговых государств» (по оценкам специалистов по меньшей мере 30 стран находятся а пороге создания ядерных боеприпасов);
- активное накопление ядерных боеприпасов, несмотря на провозглашенный в мире процесс разоружения;
- существование на территории ряда стран мира промышленных и исследовательских атомных реакторов;
- наличие множества различных ядерных объектов инфраструктуры.

Все это создает объективные предпосылки для расширения сферы деятельности преступных и террористических группировок и распространения возможных актов терроризма на ядерно-оружейную и ядерно-промышленную сферы.

Также необходимо отметить, что эти процессы происходят на фоне устойчивого уранового дефицита.

(цифры на слайде дают ясное представление о мировых запасах урана)

Данные американской компании International Nuclear Inc:

- с 1985 по 2003 гг. коммерческие запасы урана в мире сократились на 50 %;

- на шахтах добыто около 55 % всего урана, использованного в 2013 г. и 45 % урана использовано после утилизации ракет;
- в 2005 г. мировое производство урана составило около 40 тыс. т при годовом потреблении 69 тыс. т. Урановый дефицит пока еще покрывается складскими запасами и вторичными источниками;
- по прогнозам МАГАТЭ, к 2020г. годовое производство урана вырастет до 65-70 тыс. т при росте потребления до 82-85 тыс. т.
- 10 стран, ответственных за 94 % мировой добычи урана: Россия, Казахстан, Узбекистан, США, Канада, Австралия, ЮАР, Намибия, Нигер и Габон.

Наряду с химическим и ядерным терроризмом особую угрозу представляет **биотерроризм**, под которым в самом широком смысле следует понимать умышленное применение террористическими организациями, группой лиц или террористом-одиночкой биологических средств против людей (крупного региона, города, отдельного объекта), сельскохозяйственных животных, культурных растений с целью уничтожения людей, нанесения больших экономических потерь стране, навязывания определенной линии правительству в решении внутренних и внешних споров.

По обоснованному мнению ученых, «...биотерроризм сегодня – это не только бактерии и вирусы, которые провоцируют эпидемии. Сегодня речь идет о биотерроризме на генном уровне. Через воду, продукты питания в наш организм внедряется видоизмененный ген, несущий определенный тип информации. Более того, любое научное достижение в области генной терапии может быть превращено в биооружие.

Например, одним из способов лечения рака является блокирование патологического гена. Если эту же технологию использовать для блокировки жизненно важного гена, синтез белков в организме будет непоправимо нарушен. Теоретически возможно на генетическом уровне запускать любые механизмы самоуничтожения организма. При этом врага не удастся „схватить за руку“ и бороться с ним будет чрезвычайно сложно».

Таким образом, угроза биотерроризма – это еще один фактор формирующий террористическую угрозу в мире.

Конец XX-начало XXI в. ознаменовались рождением нового феномена – глобального (или катастрофического) терроризма.

После трагедии 11 сентября 2001 г. человечество изменило отношение к терроризму, его возможным масштабам и последствиям. Многочисленные теракты с массовыми жертвами от «Норд-Оста» и Беслана до трагедий Бали, Мадрида, Лондона и Мумбаи являются кровавым подтверждением изменившего облика современного терроризма.

Катастрофический терроризм (супертерроризм) отличает ряд совершенно новых характеристик.

Данный вид терроризма стремится к глобальному охвату и уже поэтому совершенно не обязательно ассоциируется с какой-либо конкретной политической проблемой. В отличие от терроризма как тактике решения конкретной политической проблемы супертерроризм преследует неограниченные цели, которые, как правило, не рассматриваются террористами как предмет для переговоров. Примерами могут служить стремление «аль-Каиды» спровоцировать системный кризис международных отношений и бросить вызов Западу в целом или идея японской религиозной секты «Аум Сенрике» о мировом господстве⁹.

Не трудно догадаться, что неограниченные цели предполагают использование более продвинутых и высокотехнологичных средств как можно более массового разрушительного действия.

В этой связи особую тревогу мировой общественности вызывает вероятность применения террористами оружия массового поражения (ОМП), которое становится более доступным в эпоху глобализации.

Бурное развитие современных биотехнологий дает широкий спектр возможностей использовать передовые достижения в различных направлениях деятельности человека, нередко «противоположных». С одной стороны – для лечения, с другой стороны – для создания оружия, в том числе биологического – для уничтожения людей.

В классификации современных рисков по степени угрозы опасность распространения биологического оружия, особенно его новых форм ученые ставят на первое место, далее следуют химическое и ядерное оружие.

По мнению специалистов, биологическое оружие опаснее тем, что оно обладает следующими характеристиками:

- намного больший масштаб зараженной территории, что приводит к заражению большего количества людей;
- слабый контроль зоны распространения, в связи с тем, что биологические агенты являются живыми и быстро размножающимися организмами;
- причиненный ущерб не всегда возможно компенсировать;
- длительность латентного периода;
- общность симптомов при огромном разнообразии возможных причин патологии.

Все эти качества крайне затрудняют диагностику, лечение и профилактику.

В настоящее время возможно:

- создание некоторых классов генов, приобретающих смертоносные функции только лишь после встраивания в клетку хозяина, организм которого сам синтезирует яд, его и убивающий;

⁹ Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А. Арбатова. М.: Росспэн, 2008. С. 24.

- этнически нацеленного оружия, выбивающего даже отдельные группы среди популяций;
- однонаправленного биологического оружия, безопасного для агрессора, например на основе «медленных» и «спящих» вирусов с большими латентными периодами;
- генетических конструкций, идентичных фрагментам человеческого генома, которые в определенных условиях вызывают заболевания (доказать внешнее воздействие, при этом вообще невозможно)¹⁰.

При распространении патогенов, которые распространяются достаточно легко, сделать это можно так, чтобы источник инфекции остался неизвестным. Открывается возможность «тихой биологической войны», в которой противник даже не узнает, откуда исходит опасность. При этом исчезает последний сдерживающий фактор¹¹

В начале 2007 года Национальный совет по разведке в США подготовил специальный доклад по теме перспективы развития терроризма, в котором биотерроризм был назван «наиболее приемлемой формой проведения акций для малочисленных групп боевиков», а также обращается внимание на рост активности боевиков в поисках доступа к оружию массового поражения¹².

Еще раньше в 2005 году Генеральный секретарь Интерпола Рональд Ноубл тревожно отметил следующее: «На мой взгляд, глобальная сеть «Аль-Каида», ее желание совершить нечто невообразимое и собранные доказательства о террористических амбициях однозначно и четко предвещают опасность высшего порядка в отношении того, что «Аль-Каида» совершит теракт с применением биологического оружия»¹³. Эту информацию можно считать показательной.

Пока наука не дала четкого определения биологическому терроризму, однако, нет сомнения в том, что в самом широком смысле под **биотерроризмом** следует понимать умышленное применение террористическими организациями, группой лиц или террористом-одиночкой биологических средств против людей (крупного региона, города, отдельного объекта), сельскохозяйственных животных, культурных растений с целью уничтожения людей, нанесение больших экономических потерь стране, навязывания определенной линии правительству в решении внутренних и внешних споров.

Биологический терроризм имеет целый ряд негативных последствий:

¹⁰ См.: Спиринов А. Ф. Биологическая революция: угрозы мнимые и реальные // Химия и жизнь. 2000. № 9.

¹¹ Там же.

¹² См.: Севостьянов В. Терроризм на ... самокупаемости // Военно-промышленный курьер. 2007. № 10.

¹³ См.: URL: <http://www.inopressa.ru/jpost/2005/11/22/12:06:44/interpol>.

- **медицинские** – массовые заболевания людей с тяжелым течением болезни и высокой степенью летальных исходов, паника, страх, нервно-психические расстройства, инвалидность, паралич воли, истощение медицинских ресурсов, нарушение работы лечебных учреждений;

- **экономические** – заболевания и падеж продуктивных сельскохозяйственных животных, уничтожение урожая культурных растений, которые являются основным источником питания населения, массовый голод, рост числа беженцев, разруха, дискредитация страны на мировом рынке как торгового партнера, чрезмерные материальные и финансовые затраты на проведение противоэпидемических, карантинных и других мероприятий по ликвидации эпидемии;

- **политические и военные** – устранение или шантаж нежелательных политических лидеров, создание обстановки недоверия к руководству страны, активизация деятельности политической оппозиции, скрытый вывод из строя живой силы противника без вступления в контакт с его вооруженными силами.

По мнению ученых, перспективными средствами **биотерроризма** следует считать возбудители сибирской язвы, чумы и оспы.

В классификации биологического оружия самым опасным агентом считается **сибирская язва**. События осени 2001 г. в Америке напомнили об этом человечеству.

До применения в 2001 г. его пытались использовать японцы: как в печально знаменитом «отряде 731» до и во время Второй мировой войны, так и сектанты «Аум Сенрике» 60 годами позже. Однако еще раньше, во время Первой мировой войны сибирскую язву пытались использовать в диверсионных целях немцы. Интересно, что последний факт был доказан в 1998 г., когда английские специалисты из Портон Дауна обнаружили возбудителя в образцах, изъятых в Швеции у задержанных диверсантах 90 лет назад¹⁴.

Эта болезнь протекает преимущественно в виде кожной формы, легочная и кишечная встречаются намного реже. Заразиться этой смертельно-опасной инфекцией можно через почву, куда бациллы обычно попадают из размытых скотомогильников (в настоящее время только в России существует 35 тыс. могильников).

Возбудитель сибирской язвы обладает уникальным свойством – образовывать споры, весьма устойчивые к неблагоприятным условиям внешней среды и быстро активирующиеся при попадании в организм жертвы. В скотомогильниках патоген может оставаться жизнеспособным десятки, а возможно сотни лет. Сибирская язва (при использовании как биологическое оружие) представляет собой мельчайший, легкий порошок, распыле-

¹⁴ Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / под ред. А. Арбатова. М.: Росспэн, 2008. С. 44.

ние нескольких килограммов которого над крупным городом может вызвать сотни тысяч случаев заболевания.

Для развития инфекции достаточно всего несколько десятков спор, попавших в легкие. Начальные симптомы сибирской язвы неспецифические и сильно напоминают банальное острое респираторное заболевание¹⁵.

Серьезным биологическим агентом считается **чума**. В сентябре 1994 г. в индийском городе Сурат стало известно о первых нескольких случаях заболевания. Тогда около 500 тыс. человек на протяжении 2 дней оставили город, распространяя инфекцию по всей Индии и за ее пределами. Это привело к глобальной панике, экономические потери страны составили 2 млрд долларов США вследствие бойкота ее товаров и других карантинных мероприятий.

Возбудитель чумы является продуктом весьма быстрой (за несколько тысяч лет) эволюции другого патогена – возбудителя псевдотуберкулеза. Все три известные пандемии чумы вызывались генетически различными вариантами возбудителя, а недавние исследования французских ученых на Мадагаскаре показывают, что эволюция патогена идет быстрыми темпами до сих пор.

Натуральная оспа считается ликвидированной инфекцией, однако она продолжает угрожать человечеству. Смертность от оспы среди вакцинированных пациентов составляет 3 %, среди невакцинированных – 30 %. Оспа влияла на судьбу народов и ход истории, тормозила экономическое и культурное развитие стран и регионов, была причиной гибели многих развитых цивилизаций. Последний случай заболеваний был зарегистрирован в 1977 г. в Сомали.

Если рассматривать обозримую перспективу – 10-20 лет, то значительная часть населения Земли все еще вакцинирована от оспы. Это значительно облегчает проведение противоэпидемических мероприятий и упрощает раннюю диагностику. Однако в силу того, что вакцинация может сопровождаться побочными эффектами (например, при иммунодефицитных состояниях), существует необходимость разработки осповакцины нового поколения. Это не потеряло актуальность еще и потому, что в мире существует оспа обезьян, способная поражать людей.

Биологический терроризм, как и другие виды терроризма с применением оружия массового поражения, не получил широкого распространения в современном мире, однако, последние десятилетия XX и начало XXI века охарактеризовались увеличением попыток его применения негосударственными экстремистскими организациями. В тоже время исторические

¹⁵ Investigation of Bioterrorism-Related Anthrax and Adverse Event From Antimicrobial Prophylaxis // The J. of the American Medical Association. 2001. Vol. 286. P. 2536-2537.

источники содержат множество фактов применения биологических поражающих веществ, преимущественно в военных целях¹⁶.

Однако, по мнению экспертов, опасность биотерроризма заключается также в расширении спектра потенциальных биологических агентов, виды и формы которых могут быть непредсказуемыми. Существует вероятность, что террористы воспользуются микроорганизмами, которые ранее не рассматривались как биологическое оружие, либо не отвечали требованиям классического оружия. В этой связи необходимо периодически пересматривать списки опасных биологических агентов, с целью их дополнений.

Еще одна проблема, о которой хотелось бы напомнить – это объем и разнообразие информации, доступной в Интернете, которая становится практически безграничной и зачастую бесконтрольной. Это относится не столько к закрытой информации, сколько к размещению на сайтах данных, явно провоцирующих на противоправные действия.

Нет сомнения в том, что для предотвращения масштабных терактов огромную роль играет недоступность определенного круга знаний технологий и материалов для потенциальных злоумышленников.

Здесь, на мой взгляд, имеется большое поле деятельности для правоохранительных органов, как нашего государства, так и силовых структур многих заинтересованных стран, для которых вопросы национальной безопасности являются первостепенными.

В заключение следует отметить, что исследования в направлении выявления и уничтожения штаммов возбудителей особо опасных инфекций, которые, попав в руки террористов, могут представлять собой серьезную угрозу, - одна из первостепенных задач. Это проблема не только государственного, но и международного уровня.

В связи с географической близостью к источникам терроризма, России и другим странам Европы настоятельно необходимо незамедлительно начать сотрудничество в данном направлении.

Ключевым элементом в укреплении борьбы с международным биотерроризмом должна стать разработка общих мировых стандартов по безопасности и защите.

Следует также затронуть **проблему дефицита водных ресурсов.**

На первый взгляд данная проблема далека от проблем терроризма, однако, все не так просто.

Пока все мировое внимание сфокусировано на ценах на нефть и другие энергоносители, именно вода по-прежнему остается и может стать еще более важным фактором региональной нестабильности и причиной конфликтов.

¹⁶ Противодействие биологическому терроризму / под. ред. Г. Г. Онищенко. М.: Петит-А, 2013.

В начале 2008 г. Международный институт управления водой сделал заявление о том, что дефицит воды в мире нарастает быстрее, чем ожидалось.

К 2010 году дефицит воды во многих развивающихся странах признается одной из серьезнейших политических и социальных проблем эпохи.

Всемирный совет предпринимателей по устойчивому развитию огласил прогноз, в соответствии с которым водные конфликты уже к 2015 году станут обычными во многих странах. В целом же в этот период в связи с нехваткой воды прогнозируется рост общественных беспорядков, активизация миграционных процессов.

30 января на ежегодном экономическом форуме в Давосе Швейцарии был опубликован актуальный доклад: нашему миру предстоит угроза кризиса «водное банкротство» – в предстоящие 20 лет конкуренция человечества в сфере водных ресурсов ожесточится. Ожидается резкое увеличение спроса на водные ресурсы в разных энергетических отраслях.

Например, в США рост достигнет 165 %, в ЕС – 130 %. Это создает серьезную угрозу сельскому хозяйству, кроме того, вода будет по цене дороже, чем нефть.

За последние 50 лет произошло не менее 40 межгосударственных споров из-за водных ресурсов, в ходе которых применялось вооруженное насилие. Вода становится не только товаром, но и средством социального и даже политического контроля.

По прогнозам многих экспертов, уже в ближайшие 20-25 лет проблема пресной воды станет глобальной и на смену нынешним войнам за углеводороды придут войны за воду. Некоторые из этих войн фактически уже идут. Достаточно оценить состояние и перспективы межгосударственных конфликтов в ряде регионов мира.

Один из примеров: известно, что границы, существующие на картах Ближнего Востока и Северной Африки, в значительной степени являются результатом непрерывных конфликтов из-за воды, перемирий и планов мирного урегулирования.

К числу главных конфликтов, связанных с распределением воды в этих регионах, следует отнести:

- конфликт между Турцией и Сирией (из-за рек Тигр и Евфрат);
- конфликт между Египтом, Суданом и Эфиопией (из-за реки Нил);
- конфликт между Израилем, Палестинской Автономией и Иорданией (из-за бассейна реки Иордан).

В ближайшем будущем сочетание политической борьбы, чрезмерной эксплуатации природных ресурсов, а также их загрязнение может сделать нехватку пресной воды предпосылкой для увеличения напряженности в этом регионе. В свое время покойный король Иордании Хусейн утверждал, что «...единственный вопрос, который ввергнет Иорданию в войну, – это

вода». Того же мнения придерживается и бывший генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос Гали, утверждающий, что «следующая война на Ближнем Востоке будет за воду».

Поскольку сегодня качество водных ресурсов ухудшается, а спрос на воду увеличивается, конкуренция среди потребителей водных ресурсов постепенно усиливается. Такая ситуация оказывает наибольшее дестабилизирующее влияние на развитие территорий, находящихся в бассейнах рек, которые пересекают государственные границы.

Речь пойдет о трансграничных реках на нашей территории и территории государств СНГ.

Проблема водопользования в верхнем течении Иртыша пока не приняла столь острые формы, как на Ближнем Востоке или в Кашмире, но также осложняет отношения между странами-соседями. Исток Иртыша расположен на территории Китая, затем река течет по территории Казахстана и России. В конце 90-х годов власти Китая объявили о планах строительства канала в верховьях Иртыша для орошения испытывающих острую нехватку воды земель в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Казахские ученые быстро подсчитали, что после отвода вод на нужды орошения к 2020 году русло Иртыша на всей территории Казахстана и вплоть до Омска, где в него впадает река Омь, может превратиться в цепь болот и стоячих озер. А это будет иметь катастрофические последствия для экономики и экологии не только Казахстана, но и российских областей Западной Сибири.

Особую тревогу вызывает ситуация, сложившаяся на территории СНГ.

Международное внимание к Центральной Азии сосредоточено на ее нефтяных и газовых запасах и ее роли в войне с терроризмом. В то же время регион является родиной нескольких давних водных споров, которые имеют все шансы стать причиной дестабилизации обстановки в регионе.

Хотя Центральная Азия и богата водными ресурсами, более 90 % их объема сконцентрированы в Кыргызстане и Таджикистане, где протекают две главные реки региона – Сырдарья и Амударья.

В то же время, Узбекистан и Казахстан являются главными потребителями воды в регионе, причем на долю Узбекистана приходится более половины потребляемых водных ресурсов. Кыргызстан и Таджикистан контролируют водные ресурсы, которые требуются для других государств Центральной Азии. Однако государства, в которых находятся верховья рек, рассматривают воду как стратегический товар, поскольку они бедны другими ресурсами и используют воду для производства электроэнергии для собственных нужд.

По оценкам специалистов за последние 60 лет площадь ледников Таджикистана уменьшилась на 30 %; Кыргызстан за последние 40 лет потерял около тысячи высокогорных ледников (-14 %).

В 2008 году дефицит воды в среднем по бассейнам рек Амударьи и Сырдарьи составил 25 %, что, по мнению специалистов, привело к потере 35 % урожая.

Несомненно, эти обстоятельства усугубляют не только экономическую, но и социальную составляющую процессов развития государств Центральной Азии.

Разорение личных хозяйств, вынужденный запрет на посевы риса, угроза голода и распространения эпидемий, вынужденная миграция, рост межэтнической напряженности – вот результат отложенных решений проблемы нехватки воды. Все это прямо влияет и на конфликтность в межгосударственных отношениях.

Не менее тревожно с точки зрения влияния на стабильность социальной и экономической ситуации выглядит экологическая катастрофа Аральского моря. Рост потребления воды в регионе уменьшил уровень воды в Аральском море, которое питает Сырдарья и водные системы реки Амударьи. За последние 10 лет Арал потерял 80 % своего объема, соленость воды возросла в 12 раз. Прекращены традиционные виды промысла для населения и орошение сельскохозяйственных земель.

Что касается **миграционных процессов**, то негативные последствия, экономические и социальные, будут сказываться, прежде всего, на России.

Как известно, нелегальные мигранты подрывают не только экономику нашего государства, но и сферы ее безопасности. Тяготы этих последствий несут, в том числе, и правоохранительные органы.

Другой источник дестабилизации – отсутствие соглашения по правовому статусу Каспийского моря между пятью прибрежными государствами (Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркмения).

Каспийское море – самый большой в мире внутренний водный объект. Море богато как осетром, источником для производства икры, как и запасами углеводородов. Общий объем нефтяных запасов (разведанных и возможных) составляет 235,7 миллиардов баррелей, а газовых запасов (разведанных и возможных) – 560 триллионов кубических футов, согласно информации Энергетической Информационной Администрации США.

До краха Советского Союза Каспийское море было поделено между Ираном и Советским Союзом на основе Договора о дружбе 1921 года и Соглашения о Торговле и Навигации 1940 года.

Но некоторые проблемы остались нерешенными, например, защита окружающей среды и развитие ресурсов морского дна.

Также не была достигнута договоренность о том, считать ли Каспий морем или озером.

В одном случае это привело бы к равному разделу Каспия, согласно Морской Конвенции ООН, в другом – к использованию механизма совладения.

После краха Советского Союза шесть прибрежных государств определили свои позиции по статусу Каспийского моря, отличные друг от друга и откорректированные с учетом растущей важности энергоресурсов в регионе.

Примечательно, что Россия, Казахстан и Азербайджан одобрили разделение водной поверхности и морского дна, основанного на принципе «срединной линии», которое было отклонено Ираном и Туркменией.

Кроме того, Россия одобрила двусторонний «поэтапный» подход к решению спора, в то время как Иран предпочел вариант многостороннего совладения, по которому все пять прибрежных государств договариваются о совместном развитии ресурсов морского дна, совместном освоении или справедливом разделе акватории моря.

При дележе моря, используя принцип срединной линии, дно было бы распределено между Казахстаном, Азербайджаном, Россией, Туркменией и Ираном, они получили бы 28, 21, 19, 18 и 14 % соответственно; если же был бы принят принцип совладения, поддерживаемый Ираном, каждое государство получило бы по 20 % морского дна.

В будущем напряженность будет лишь повышаться, превращая регион в глобальную энергетическую горячую точку.

Таким образом, Центральная Азия оказывается регионом, в котором борьба за воду будет проходить наиболее остро.

Хочется отметить, что еще в июне 2008 г. в столице Таджикистана Душанбе состоялась Международная конференция по сокращению стихийных бедствий, связанных с водой. Основной тезис конференции: вода, точнее ее нехватка, – повод для конфликтов, в том числе для всплеска террористической активности.

Действительно, на фоне терактов, распространения ядерного оружия, роста наркотрафика легко потерять важнейшие императивы безопасности человека, включая связанные с водой.

На фоне грядущего мирового продовольственного кризиса такая ситуация объективно приведет к кумулятивному эффекту. **Цена дефицита воды – общественные беспорядки, массовая миграция и экономический крах.** Создаются все предпосылки для стихийных и управляемых конфликтов, как внутри государств Центральной Азии, так и между ними. Соблазн передела ресурсов неизбежно спровоцирует обострение давних споров и конфликтов – территориальных, этнических и религиозных.

Государства могут реально оказаться на грани войны террористическими средствами или даже настоящей локальной войны. Фактор этнических общин, проживающих в приграничных территориях, может также сыграть свою роль в обострении национально-этнических и религиозных противоречий, в основе которых находятся неурегулированные экономические проблемы. В результате мы можем столкнуться с волной экономически обусловленного сепаратизма.

Подводя итоги к сказанному, хочется отметить тот факт, что мировое сообщество все чаще стало рассматривать терроризм, как новую форму войны, что явно подтверждается расширяющейся географией активности этого явления и изменяющимися формами его проявления.

2. Социально-экономические аспекты исламского терроризма

Появление Исламского государства Ирака и Леванта (Левант, в узком смысле слова, включает Сирию и Ливан) для мировой общественности стало полной неожиданностью.

Позже оно сменило название на Исламское государство («ИГ»). И когда неправдоподобно быстро в рамках этого «государства» оказалась обширная территория Сирии и особенно Ирака, то сразу же возникло много вопросов.

Куда уходят его корни? Какая у него идеология и стратегическая цель? Откуда человеческий ресурс? Где оно берет деньги? Откуда оружие? Почему его базой стали Ирак и Сирия?

Появление «ИГ» – это «весомый вклад» в международный терроризм, который мировым сообществом считается одной из наиболее значимых угроз современности.

Для анализа и глубокого понимания социально-экономических предпосылок формирования Исламского государства необходимо обратиться к истории.

В период противостояния СССР и США среди стран социалистической ориентации числились Египет, Сирия и Ирак. Между этими странами наблюдались более-менее тесные связи в области экономики, геополитики, идеологии. В дальнейшем на волне подъема арабского национализма Египет в 1958 году объединился с Сирией и государство стало называться Объединенная Арабская республика (ОАР). И хотя Сирия, недовольная условиями союза, уже в 1961 году из него вышла, Египет вернулся собственному названию только в 1971 году. Это произошло вскоре после смерти президента Гамаль Абдель Насера (1970 г.), который был кумиром для арабских националистов, а египетская антимонархическая революция 1952 года стала предтечей революций с целым рядом стран. Пришедший ему на смену Анвар Садат, в отличие от своего предшественника, не питал иллюзий как насчет возможности объединения разноликого арабского мира, так и относительно социалистического будущего страны, и взял курс на сближение с США и достижение мира с Израилем. За это он был объявлен предателем в радикальных кругах арабских стран, после чего утратил авторитет в странах «социалистического лагеря» и погиб в 1981 году в результате теракта, организованного исламистами (одной из боевых групп «Братьев-мусульман», под названием «Аль-Джихад»).

Что же касается Ирака и Сирии, то их отношения, говоря фигурально, строились по марксистскому (или гегелевскому) закону единства и борьбы противоположностей.

Сирийцы христианин Мишель Афляк, суннит Салах Битар при активном содействии алавита Акрама Хаурани образовали общеарабскую партию, в 1954 году получившую название БААС («Возрождение»), в русской аббревиатуре ПАСВ – Партия арабского социалистического возрождения. Она создала свои отделения в ряде арабских стран, в Сирии пришла к власти в 1963 году, в Ираке – в 1968 году. Хотя в какой-то момент эти страны хотели объединиться, но по большей части они враждовали. Тем не менее, режимы имели светский характер, их идеологией был арабский социализм, в котором социалистические элементы сочетались с панарабизмом и антиимпериализмом. Религиозные общины в лице суннитов и шиитов были в обеих странах, но то, насколько они были представлены во власти, вооруженных силах и бизнесе, до поры до времени не выходило на поверхность политической жизни в Ираке. В этой стране ведущую роль в жизни общества и соответственно во власти, в вооруженных силах и бизнесе традиционно играли сунниты, живущие преимущественно в северо-западных районах и составляющие около 30 % населения. (Считается, что доминирование суннитов в Ираке берет корни еще в XV веке, когда страна была завоевана оттоманами-суннитами.) Шииты же составляют более 60 % населения и живут в основном на юго-востоке страны, в том числе в пограничных районах с Ираном, в котором шиизм является господствующей религией.

Фактически единолично правивший Ираком с 1979 по 2003 год Саддам Хусейн отличался крайней жестокостью и шел к руководству страной, что называется, по трупам.

После захвата партией БААС власти президентом стал генерал Ахмед Хасан Бакр. Саддам Хусейн с его необыкновенной работоспособностью, коварством и упорством в достижении цели, планомерно продвигался к руководящим постам в партии, установил контроль над спецслужбами и стал играть важную роль в политике государства. При правлении А. Х. Бакра были проведены многие прогрессивные преобразования в социально-экономической и культурной сфере, в области медицины и т. д. Строились дороги, промышленные предприятия и т. д. За счет больших доходов от нефти значительно повысился жизненный уровень иракцев. Были установлены дружественные отношения и широкое сотрудничество с Советским Союзом.

Складывались все предпосылки к тому, чтобы Ирак стал одной из новых индустриальных стран. Но в 1979 году произошла шиитская революция в Иране, появилось брожение в шиитских районах Ирака, куда проникали иранские пропагандисты, активизировалась борьба за независимость курдов. В этой обстановке возникли разногласия в иракском руко-

водстве, которые закончились 11 июля 1979 года дворцовым переворотом, уходом с поста Бакра и приходом к власти Саддама Хусейна. А дальше начались карательные операции против курдов с применением химического оружия, репрессии против нелояльных шиитов и войной с Ираном, продолжавшейся с 1980 по 1988 год.

Кстати, США, оказавшись в острой конфронтации с режимом Хомейни, подталкивали Саддама к этой войне и, как говорят, даже негласно помогали Багдаду оружием.

Война с Ираном потребовала немалых расходов, Ирак влез в большие долги, и Хусейн решил их погасить за счет богатого нефтью соседнего Кувейта, который был оккупирован иракской армией и объявлен 19-й провинцией Ирака. (Объяснялось это тем, что Кувейт когда-то принадлежал Ираку.) В мире не согласились с таким поворотом событий, и ООН потребовала от Хусейна немедленно вывести войска из Кувейта. Лично хорошо знавший Саддама Евгений Примаков встречался с ним по поручению советского руководства, пытаясь убедить его не доводить дело до войны. Однако знавший собственную страну, но имевший слабое представление о расстановке сил в мире Хусейн был уверен, что войска коалиции государств во главе США не смогут одержать верх над хорошо вооруженной миллионной армией Ирака. В военной операции, названной «Буря в пустыне», Ирак потерпел сокрушительное поражение, ООН наложила на него санкции, экспорт нефти был крайне ограничен, и саддамовский режим оказался в тяжелом положении. Но Ирак – богатая природными ресурсами страна и народ не голодал. Тем более что ООН приняла программу «Нефть в обмен на продовольствие», по которой Ирак экспортировал нефть и взамен импортировал продовольствие.

Что же касается Сирии, там ситуация складывалась по-другому. Сунниты составляют не менее 60 % населения, а около 40 % – этноконфессиональные меньшинства: алавиты, курды, друзы, исмаилиты, христиане и др.

Алавиты, которых ортодоксальные сунниты считали сектой, не идентифицировали себя как мусульмане и находились на нижних ступенях социальной лестницы, в то время как высшие ступени занимали представители суннитских кланов. В религиозной доктрине алавитов ислам сочетается с элементами древних культов и христианством, поэтому «правовверные» мусульмане к алавитам относятся неоднозначно.

Алавиты, в отличие от традиционных мусульман используют в ритуале вино, почитают Иисуса Христа, отмечают христианские праздники Рождество и Пасху, считают священной книгой Евангелие, часто носят христианские имена, не имели мечетей и молились в молитвенных домах и проч. А с шиизмом их связывает почитание Али, которого они считают подлинным преемником Пророка, при этом алавиты отличаются веротерпимостью.

Сунниты же вообще не считали службу в армии престижной и не стремились в ней служить. Со своей стороны, колониальная держава, которой после распада Османской империи стала Франция, до получения Сирией независимости в 1946 году предпочитала вербовать в силовые структуры представителей национальных меньшинств и в первую очередь алавитов. В итоге ключевые посты в армии оказались в руках алавитов, составляющих, по разным оценкам, от 10 до 16 % населения страны. Они же, алавиты, стали и костяком партии БААС.

Но и после прихода баасистов к власти политическая ситуация в стране была неустойчивой, пока в 1970 году в результате военного переворота к власти не пришел Хафез Асад, отец нынешнего президента Башара Асада. И поскольку в конституции Сирии записано, что главой государства может быть только мусульманин, то алавиты объявили себя шиитской ветвью ислама, и в алавитских поселениях стали строиться мечети.

Однако и Хафез Асад столкнулся с активизацией исламских экстремистов во главе с «братьями-мусульманами» (создавшими свою общину еще в 1937 году), которые на рубеже 1980-х годов в борьбе против «неверных» во власти развернули террористическую деятельность по всей стране. С особой жестокостью они убивали курсантов военных училищ, членов партии БААС и т. д.

Ответ Асада был решительным и беспощадным. Город Хама, в котором исламисты в 1982 году подняли вооруженный мятеж, фактически был стерт с лица земли. Тотальная борьба властей с «братьями-мусульманами» привела к их исчезновению с политической арены.

Многие западные аналитики считали такие действия сирийских властей недопустимо жестокими. Но никто не знает, как бы поступили с «неверными» те, кто захватил бы власть в Сирии. Приведем слова известного арабиста Георгия Мирского, который дает характеристику тем, кто поднял мятеж в Сирии. В суннитском исламе, говорит он, есть течение, называемое «ваххабизмом» (иногда его называют «салафизмом»), носители которого отличаются крайней нетерпимостью к «чужим» и необыкновенной жестокостью. Они «совершали зверства в Афганистане, а сейчас зверствуют в Сирии в борьбе с режимом Башара Асада и уничтожают в Ираке шиитов, курдов, езидов и христиан.

Но так или иначе, Сирия получила мир на 30 лет, в течение которых много было сделано для развития страны. При этом нельзя сказать, что алавиты правили единолично. Во всех структурах, как военных, так и партийных, они не были в большинстве, кроме, пожалуй, спецслужб. Одно время президентом Сирии был курд, а премьером – суннит.

В то же время нельзя сказать, что только конфессиональный фактор привел к гражданской войне в Сирии. За несколько лет до начала «арабской весны» Сирию поразила тяжелая засуха, причем она больше всего ударила по районам проживания суннитов. В два раза уменьшился сток

воды в Евфрате после того, как Турция построила плотину и мощную ГЭС «Ататюрк». Стали истощаться запасы подземных вод. Лишившиеся источников существования крестьяне стали стекаться в города, притом, что Сирия приняла много беженцев из соседних стран, не считая палестинцев. Оказалась рискованной и политика поощрения рождаемости, в результате которой население увеличилось с 5 млн человек в 1963 году до 22,5 млн по состоянию на начало 2013 года. Резко выросла безработица, в том числе среди образованной молодежи, которая, как известно, инициировала волнения в большинстве стран так называемой арабской весны. Демонстрационный эффект в информационную эпоху, если перефразировать слова Ленина, может стать материальной силой.

Говоря о роли образования, нельзя не отметить следующий интересный, по нашему мнению, факт: движущей силой «цветных революций» и «арабской весны» становились люди, получившие образование в США и обладающие, мягко говоря, искаженным представлением об истории родной страны и ее роли на мировой арене, но убежденными в роли США как «гаранта демократических ценностей» и по большому счету «дирижера на мировой арене».

Захваченные идеями западной демократии, молодые люди наивно полагали, что она может прижиться на почве стран иного уровня общественного развития, иной истории и культуры.

В то же время историческое невежество – застарелая болезнь властных кругов Запада и в первую очередь США.

То, что американцы в массе своей слабы в истории, уже давно является притчей во языцех. В СМИ часто приводились примеры, как школьники старших классов путались в самых элементарных исторических фактах. Но, по крайней мере, элита-то должна знать мировую историю! Но знает ли? Многие помнят, как президент Рейган называл Ленина Николаем. Образованный человек должен знать, что страны мира находятся на разных ступенях общественного и культурного развития и соответственно имеют тот политический режим и ту власть, которая исторически и логически сформировалась в данном обществе.

При этом самое время вспомнить тезис Гегеля, о том, «что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно».

Если обратиться к истории, то на определенном этапе странах Европы и, в частности, в достаточно цивилизованной Франции господствовал абсолютизм, и, наверное, на тот период истории страны это было разумно. Но была также Священная Инквизиция, деятельность которой во Франции сохранялась до XIX века.

С этой точки зрения, разумно ли навязывать странам, в которых еще не изжиты родоплеменные отношения, западную модель демократии и, вообще, вмешиваться в естественный для них ход развития? Ведь демократия как институт и ценность предполагает улучшение, а не ухудшение ка-

чества жизни людей. Предполагает гуманизацию общественных отношений, а не раздувание вражды между людьми вплоть до кровавых междоусобных и межконфессиональных войн.

Конечно же нельзя однозначно оценивать роль Саддама Хусейна – наряду с высоким уровнем экономического развития существовали и репрессии, и господство суннитского меньшинства над шиитским большинством.

Но когда американцы навязали Ираку новый порядок и «демократические ценности», почему-то жизнь большинства иракцев превратилась в сплошной кошмар, если не сказать, в ад, и «люди с улицы» рассказывают российским журналистам, что им несравнимо лучше жилось при Саддаме, чем ныне, когда в опасности находится сама жизнь.

Как и следовало ожидать, американская оккупация вызвала сопротивление в иракском обществе, и прежде всего со стороны суннитских радикальных элементов. Исламист Абу Масаб Заркави сформировал в Ираке «Аль-Каиду», а после его смерти в 2006 году эта организация трансформировалась в «Исламское государство Ирака» (ИГИ).

В 2010 году ее новый лидер Абу Бакр Багдади солидаризировался с исламистами, воюющими против Башара Асада, и в 2013 году создал «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). В первой половине 2014 года ИГИЛ установило контроль над десятками иракских городов и поселков, захватило нефтеносные районы и объявило о создании халифата, сменив при этом название на «Исламское государство» (ИГ).

Несмотря на длительный период правления шиитского большинства, шииты имеют слабый опыт государственного управления и военного строительства и за десять лет не смогли создать боеспособную армию. При встрече с джихадистами бойцы иракской армии нередко тут же отступали или разбегались, оставляя боевую технику врагу.

И ситуация в Сирии западным либералам казалась нетерпимой, поскольку представители этноконфессионального меньшинства отец и сын Асады бесменно правили несколько десятков лет при однопартийной системе и в условиях чрезвычайного положения. Справедливость требует сказать, что такое положение конечно же не нравилось многим сирийцам. И когда волна «арабской весны» дошла до Сирии и возникло оппозиционное режиму движение, то на его сторону стали переходить многие из тех, кто еще недавно был в рядах сторонников президента, включая офицеров и даже генералов. Именно они составили костяк светской Сирийской свободной армии. Но, как говорится, дьявол прячется в деталях. Стоило начаться вооруженному противостоянию режиму Асада, как в Сирию со всех сторон потянулись исламисты, включая террористов, экстремистов и наемников, прежде всего из рядов суннитов, которые составляют 90 % исламской общины. Притом что во время ирано-иракской войны Сирия была единственной арабской страной, которая поддерживала сторону Ирана.

(Многие аналитики считали это просчетом Х. Асада, однако когда режим Башара Асада был на грани поражения, то помощь пришла из Ирана и шиитов Ливана – «Хезболлы»). В итоге Башар Асад сумел добиться перелома в гражданской войне, но исламисты не исчезли бесследно. С одной стороны, они сумели сохранить свои базы в Сирии, а с другой – стали вливаться в ряды боевиков «ИГ».

Таким образом, исламисты Ирака, в том числе и сторонники Саддама Хусейна, с одной стороны, и многочисленные отряды исламистов, боровшихся против режима Башара Асада, с другой – и есть армия новоявленного исламского халифата во главе с Багдади, назвавшего себя «халифом всех мусульман». («Халиф» называет и районы в Ираке и Сирии, которые должны войти в состав «халифата».) И эта армия постоянно пополняется (как говорят западные источники, по тысяче каждый месяц) прежде всего из мусульманских стран, в том числе из Ливии (в которой после устранения от власти Муамара Каддафи победила не демократия, а война всех против всех), из Египта после того, как военные отстранили от власти исламистов.

Свою «квоту» исламистов дает и Запад. И, что удивительно, в их числе немало коренных европейцев и белых американцев, включая женщин и даже молоденьких девушек.

При этом эксперты утверждают, что «ИГ» – самая богатая террористическая организация. Она торгует нефтью с захваченных нефтепромыслов, «облагает налогом» бизнес, грабит банки и имущество, торгует людьми, получает помощь от частных лиц некоторых богатых нефтью арабских стран и т. д.

Те, кто стремится насаждать демократию в чужих странах, часто не знают, как шло ее становление в собственных странах

Для многих ученых долгое время было загадкой, почему американцы, имея такие глубокие традиции демократии и мощный интеллектуальный потенциал, так упрощенно представляют себе развитие демократии в странах иного, скажем так, низкого уровня социально-экономического и общественного развития, или иной культуры (например, мусульманской).

По их мнению, сказывается инерция многолетнего противоборства двух общественных систем, когда Советский Союз стремился укрепить свое влияние в мире за счет распространения идеи социализма, если не коммунизма, а США стремились к тому же, но за счет распространения идеи демократии. К тому же в Америке, общество которой формировалось из переселенцев, не было титульной нации (не считая и индейцев, частично истребленных, частично загнанных в резервации), не было царей, королей, знати и т. д. Поэтому переселенцы, большинство которых в то время составляли выходцы из Англии (где уже пустила корни пусть еще и ограниченная рамками верхушки общества демократия), смогли выработать в целом демократическую конституцию (1787 г.) еще на сравнительно низ-

ком уровне развития большинства штатов. Потом в нее вносились поправки, расширявшие права и свободы граждан, например, «Билль о правах» (1791 г.), до принятия которого за критику власти людей сажали в тюрьму. Наконец, не секрет, что американцы, если так можно сказать, «американоцентричны», большинство из них мало интересуется внешним миром и плохо его знает.

А что же касается деятелей Европейского союза и, в частности, Совета Европы, которые так радостно приветствовали «арабскую весну», а правительства стран ЕС нередко и помогали повстанцам, то, по мнению многих специалистов, они не только плохо знают мусульманский мир, но и не помнят историю установления демократии в их собственных странах.

В Англии еще в 1215 году была принята так называемая Великая хартия вольностей, которая ограничивала права короля и давала некоторые привилегии верхушке общества и городам. Победа сторонников парламента над войсками короля в ходе Великой английской революции (1642-1649 годы) расширила права парламента и, тем не менее, еще около двухсот лет демократия была ограниченной имущественным, образовательным и другими цензами. Так, в XIX веке правом избирать и быть избранным в парламент пользовалось менее 10 % взрослого населения. Женщины же вообще были лишены права голоса, а например, в Швейцарии они получили такое право лишь в 1959 году.

Таким образом, явление «Исламского государства» – это примерно такое же ультрарадикальное террористическое течение, как и «Аль-Каида», прикрывающееся исламом, но на деле ничего общего не имеет с его гуманистической сущностью.

С той только разницей, что «Аль-Каида» ставит своей конечной целью свержение светских режимов и создание «Великого исламского халифата» во всех странах мусульманской конфессии, а «Исламское Государство» уже поставило в повестку дня задачу создания халифата на территории Ирака и Сирии. Никакой новой идеи не имеет ни то, ни другое, поскольку этого и не требует возврат к средневековому халифату, в котором жизнь человека четко прописана от рождения до смерти.

Ультрарадикальные и террористические течения в мусульманском мире порождены как глобальными, так и местными причинами. К первым можно отнести резкую смену миропорядка, крах целого ряда политических режимов, социальных систем, дискредитацию светских объединяющих общество идей (панарабизм, арабский социализм и т. д.). Сюда же надо включить и негативное воздействие на многие развивающиеся страны мирового финансово-экономического кризиса. А еще и далеко зашедшую деградацию вековых норм семейных и гендерных отношений в странах Запада, когда гомосексуализм и однополые браки становятся чуть ли не нормой жизни, что для мусульманских стран абсолютно неприемлемо.

Что касается местных причин, то это в первую очередь нищета, безработица, коррупция, произвол властей, ущемление этноконфессиональных чувств и интересов.

Если говорить конкретно об «Исламском государстве», то это то зло, которое угрожает едва ли не всем странам. Америке и Европе, в которых много выходцев из мусульманских стран, России, в которой примерно 20 % населения принадлежит к исламской культуре, самим мусульманским странам. В частности, в межконфессиональной войне, развязанной исламистами в Ираке, уже погибли многие тысячи иракцев. И в этом большая вина бывшего премьер-министра шиита Нури аль-Малики, антисуннитская политика которого привела к тому, что ряд суннитских племен перешли на сторону «Исламского государства» и тем самым облегчили продвижение джихадистов вглубь территории Ирака. Провозглашенная новым премьером Хейдаром аль-Абади политика опоры на все основные этноконфессиональные группы населения, увольнение из армии многих дискредитировавших себя генералов и высших офицеров, возможно, позитивно скажется на борьбе иракской армии с «Исламским государством».

Что касается нашей страны, то опасность проникновения агентов «Исламского государства» в некоторые регионы вполне реальна, и тут, как и в борьбе с болезнью, лучше профилактика, чем лечение запущенной формы.

По мнению экспертов, источником финансирования группировки являются доходы от криминальной деятельности её членов (в основном грабежей, выкупов, полученных после взятия заложников и т. д.). После ограбления банков в крупных иракских городах финансовый потенциал Исламского государства значительно увеличился. По оценкам экспертов, бюджет организации сейчас может достигать 7 млрд долларов.

Только из банков Мосула была изъята наличность на сумму 500 млн долларов. В частности, в Мосуле в июне 2014 года боевики ИГИЛ ограбили филиал Центрального банка Ирака, присвоив, по разным оценкам, от 900 млн до 2 млрд долларов. Кроме того, террористы получают финансовую помощь от частных инвесторов из стран Персидского залива, в частности из Кувейта и Саудовской Аравии, поддерживающих войну с режимом Башара Асада. Член иранского парламента Мохаммад Салех Джокар утверждает, что ИГИЛ получила финансовую помощь (в том числе от Саудовской Аравии) в объёме 4 млрд долларов на ведение террористической деятельности в Ираке. Халифат ИГИЛ торгует нефтью Ирака и Сирии на чёрном рынке (со скидкой), зарабатывая от 25 до 60 долларов за баррель, получая около 3 млн долларов в день.

24 ноября 2014 года на заседании Контртеррористического комитета ООН сообщили, что за 2013 год «Исламское государство» стало одним из лидеров по финансовой выручке от захвата заложников — 45 млн долларов. По оценке израильского издания журнала Forbes, общий бюджет ор-

ганизации сравним с бюджетом крупной корпорации и составляет около 2 млрд долларов. Основным источником поступлений в бюджет террористической организации стали доходы от продажи нефти (в руках организации находятся несколько крупных нефтяных месторождений и нефтеперерабатывающих заводов в Ираке и Сирии), также террористы захватили сотни миллионов долларов в банках занятых ими городов.

18 февраля 2015 года представитель Ирака в ООН Мухаммад аль-Хаким заявил о том, что «Исламское государство» убивает людей, чтобы продавать их внутренние органы. По его словам в братских могилах жертв «Исламского государства» были обнаружены тела людей со следами хирургических операций. У этих людей отсутствовали почки и другие внутренние органы. Также он заявил о том, что в Мосуле сторонники «Исламского государства» убили несколько десятков врачей за отказ от участия в операциях по изъятию органов для последующей продажи.

Также ИГИЛ получает доход от транзита наркотиков. По данным главы ФСКН Виктора Иванова, ежегодный доход ИГИЛ от транзита афганского героина в Европу составляет до миллиарда долларов.

ИГИЛ начал чеканить собственную «валюту» – исламский динар. Заявлено, что курс динара составляет 139 долларов США.

3. Социально-экономические аспекты западного радикализма

Вместе с тем, несмотря на значительный «вклад» исламского терроризма нельзя игнорировать тот факт, что значительный опыт создания и финансирования террористических организаций имеется и у западных «коллег» – «Железная гвардия» в Румынии, «Стрела и крест» в Венгрии, «ушташи» в Хорватии или «четники» в Сербии, организация басков «ЭТА», ИРА – Ирландская республиканская армия, и даже американский «Ку-клукс-клан (ККК)» или японская «Аум Сенрике».

Все эти террористические организации, несмотря на разноликость и этническую принадлежность, имеют много общего:

- ✓ разветвленную тайную структуру;
- ✓ наличие стабильного финансирования;
- ✓ наличие собственной разведки, контрразведки, отделов пропаганды и работы с молодежью;
- ✓ наличие собственной идеологии, объясняющей с различных позиций идеологию превосходства собственной нации.

Кроме того, как показывает опыт, представители различных террористических организаций способны кооперироваться в рамках конкретной задачи. Например, еще в годы Великой отечественной войны в состав СС входили дивизии «Галичина», состоявшая из этнических украинцев, «Валлония», состоявшая из бельгийцев, «Викинг» – из жителей Скандинавии,

не говоря уже о таких формированиях, как УНА-УПА, РОА, «Власовцы», «Туркестанские батальоны», «Лесные братья» и прочие «хинди» – так называли немцы комбатантов негерманского происхождения, воевавших на стороне Германии.

В настоящее время известно, что в составе Вооруженных сил Украины (ВСУ) помимо американских военных инструкторов, воюют представители Польши, Германии, Прибалтики, Чечни, причем многие из них придерживаются ультрарадикальных взглядов и воюют в составе так называемых «батальонов национальной гвардии», которые с недавнего времени вошли в ВСУ.

На примере ближайшей с Запада к России страны – Украине, с которой к тому же Россию исторически связывают многие социально-экономические и геополитические факторы, попробуем рассмотреть проблему социально-экономической дестабилизации и хомодеструктивного воздействия на человека и общество.

Многие исследователи считают, что крайняя форма украинского национализма, которую назвали «интегральным» национализмом, зародилась в Галичине. Идеологию «интегрального» национализма развил Дмитрий Донцов — эмигрант из Восточной Украины, русский по национальности.

Ничего конкретного о типе будущего независимого государства идеологи интегрального национализма не говорили. Они мало что могли сказать о его социально-экономическом строе, но подчёркивали, что он будет иметь аграрный характер и опираться на сотрудничество между государством, кооперативами и частным капиталом. Политическая система будущей страны должна была строиться на власти единственной националистической партии, где состояли бы проверенные «борцы» и «лучшие люди», а во главе должен был стоять вождь (проводник), облечённый неограниченной властью.

О. Субтельный и И. Лысяк-Рудницкий считают, что западный фашизм, развившийся в городской промышленной среде, весьма отличался от украинского интегрального национализма, который стоял ближе к таким праворадикальным движениям аграрных обществ Восточной Европы, как «Железная гвардия» в Румынии, «Стрела и крест» в Венгрии, «усташи» в Хорватии или «четники» в Сербии.

Ядром Организации Украинских Националистов была такая своеобразная социальная прослойка как радикальная интеллигенция и полуинтеллигенция. Когда-то Н. Бердяев заметил: у нас интеллигенцию могли образовывать даже люди, которые не жили интеллектуальным трудом и вообще не слишком интеллектуальные; в отличие от западной интеллигенции, которая в социо-экономическом плане была привилегированным, достаточно обеспеченным средним классом, наша социально и национально сознательная интеллигенция часто была пролетарским, едва ли не люмпени-

зированной слоем, у которого «буржуазные добродетели» уважением не пользовались.

Украинские, как и российские, радикалы избытком богатства не страдали, при этом интеллигенты-радикалы были группировкой, которая напоминала религиозную секту с нетерпимой тоталитарной моралью и стремлением к монополизации всех сфер социальной жизни. Венгерский марксист Дьердь Лукач измерял революционность не радикальностью цели и способов борьбы, а тотальностью ко всем проявлениям жизни. С экзистенциальной точки зрения, это своего рода стремление к Абсолюту, жесткая реакция на доминирующий в обществе раскол сознания, богоискательство, религиозность, выраженная в нетеистической светской форме с элементами социального садизма и деструктивности. Кстати, существует очевидная психологическая общность между радикалами украинскими и российскими, включая народовольцев, эсеровских террористов, даже большевиков. Официальная наука, ориентированная на устоявшийся поверхностный позитивизм, такие вещи плохо понимает, притом что глубинная психология уже давно и убедительно показала, что истолковать социум только в рациональных терминах невозможно уже хотя бы потому, что человек – это существо иррациональное на 60-80 %.

В межвоенной Польше украинские национал-радикалы не имели никакой социальной перспективы. Ощущение собственной никчемности из-за неумения рационально решить социальные проблемы и невозможности делать это в условиях дискриминации украинцев поляками было рационализировано в национальных символах и активизировало, по Эриху Фромму, иррациональные авторитарно-садистские и деструктивные импульсы. Поэтому терроризм ОУН следует рассматривать не только как способ национальной борьбы, но и как средство удовлетворения иррациональных страстей, которые разумного объяснения не имеют. При этом не только «интегральный» национализм был причиной террора ОУН, а психология радикальной части западноукраинского социума была готова к восприятию этой идеологии для рационализации тех импульсов, которые двигали радикалами.

Ещё до окончательного оформления интегрального национализма в Галичине и среди эмигрантов в Чехословакии возникли разрозненные группы украинского сопротивления. В 1920 г. группа офицеров организовала подпольную Украинскую военную организацию (УВО) – предшественницу ОУН. Командиром был избран Евгений Коновалец – полковник корпуса Сечевых Стрельцов и участник украинской революции в Восточной Украине, пользовавшийся авторитетом в среде патриотов. Сначала УВО была, по сути, военной организацией. Она тайно готовила ветеранов в Галичине и интернированных солдат в Чехословакии к антипольскому восстанию, а также вела террористические акции для дестабилизации Польши. Наиболее резонансным был покушение на маршала Пилсудского

в 1921 г. и массовый саботаж в 1922 г. УВО поддерживала связи с восточно- и западноукраинскими правительствами в изгнании, а главное – получала финансовую поддержку от западноукраинских политических партий. Но после признания Антантой в 1923 г. суверенитета Польши над Восточной Галичиной многие члены вышли из УВО, а сама организация потеряла финансовую поддержку. Это, кстати, ещё одна авторитарная черта характера: украинцы слишком уважают «ценные указания» различного высокого начальства, особенно «евро-атлантического разлива», даже если они являются откровенной подлостью или глупостью. УВО не отказалась от терроризма, что оттолкнуло от неё многие легальные партии, а преследование поляков заставило Коновальца и большую часть руководства бежать из Галичины и основать штаб-квартиру за границей.

Отсутствие поддержки в украинском обществе и среди «западных демократов» вынудила Коновальца обратиться за помощью к единственной стране в Западной Европе, которая стремилась к изменениям несправедливого Версальского устройства – Германии, бывшей, к тому же, врагом Польши (заметим, задолго до прихода к власти Гитлера). УВО начала вербовать в свои ряды гимназистов и студентов, для создания разветвлённой сети ячеек установила контакты с патриотическими студенческими группами: «Украинская националистическая молодёжь» в Праге, «Легия украинских националистов» в Подебрадах (Чехословакия) и «Союз украинской националистической молодёжи» во Львове. В 1929 г. представители УВО и студенческих групп основали в Вене Организацию Украинских Националистов (ОУН), большую часть которой составляла радикальная молодёжь Галичины, а руководил из-за границы Коновалец и его штаб.

ОУН, как и УВО, оставалась «подпольной армией», основанной на военных методах руководства, конспирации и строгой дисциплине. Кроме террора, ОУН ставила более широкую задачу возглавить широкое революционно-националистическое движение, пропаганду своих идей в массах, в первую очередь среди молодёжи, подчинение всех сфер общества, включая хозяйственные, образовательные, молодёжные организации. Радикализм и революционность, стремление вырастить новую породу «сверхукраинцев» привлекало в ОУН молодых людей, ограбленных польской властью, озлобленной безработицей и поражениями отцов. Почти в каждой школе и университете Галичины и за границей, где учились украинцы, были ячейки ОУН. Организовывались массовые протестные акции, бойкоты польских товаров, издавалась массовая литература для пропаганды идей среди рабочих и крестьян. Привлекались молодые поэты – Евгений Маланюк, Олег Ольжич, Олена Телига.

В течение 1930-х гг. ОУН осуществляла нападения на правительственные учреждения и почтовые конторы для получения средств, проводила акции саботажа и убийства. Кстати, здесь просматривается прямая аналогия с российским терроризмом, только не на национальной, а на со-

циальной почве: боевики «Земли и Воли» и «Чёрного передела», эсеровские террористы и большевистские «эксы» с участием в том числе и Иосифа Джугашвили (он же Коба, он же Сталин) тоже проводились во имя «светлого будущего».

ОУН не считала насилие и террор самоцелью, а была убеждена, что таким образом ведёт национально-освободительную борьбу. О. Субтельный сравнивает ОУН с антианглийской террористической организацией «Шинн фейн» в Ирландии. Можно также провести параллели с партией ЭТА Страны Басков в Испании или террористами Рабочей партии Курдистана, которая кроме национально-освободительной имеет также социальную, левопопулистскую окраску. Цель ОУНовского террора состояла в том, чтобы убедить украинцев в возможности сопротивления и держать украинское общество в состоянии «постоянного революционного брожения» или «перманентной революции».

В 1930-х гг. ОУН организовала более 60 покушений и убийств. Наиболее резонансными были убийства: Эмилиана Чеховского (1932 г.) – комиссара польской полиции во Львове; Алексея Майлова (1933 г.) – советского консула во Львове; Бронислава Перацкого (1934 г.) – министра внутренних дел Польши, которого ОУН обвинила в пацификации. Террору поддавались и украинцы, которые осуждали экстремизм ОУН.

Некоторые акции ОУН вообще выходили за рамки здравого смысла, были направлены против тех поляков и украинцев, которые выступали за межнациональное примирение. Например, в 1931 г. был убит Тадеуш Голувко – известный польский сторонник украино-польского компромисса, а в 1934 г. – авторитетный украинский педагог Иван Бабий. Это ярчайшее проявление иррациональных разрушительных страстей, что вело к эскалации убийств и насилия. Восхвалять ОУН за такие «акции», как это делают «записные патриоты», – это кощунство и просто глупость.

Но главным деморализующим фактором была критика ОУН со стороны самих украинцев. Родители были возмущены тем, что организация толкала молодёжь и подростков на крайне опасные авантюры, что часто имело трагические последствия. Общественные, культурные и молодёжные организации украинцев резко сопротивлялись попыткам ОУН взять их под контроль. Легальные партии обвиняли националистов в том, что экстремизм давал повод польским властям ограничивать легальную деятельность украинцев. Непререкаемый авторитет митрополит Андрей Шептицкий назвал деятельность ОУН аморальной. Налицо был конфликт между «отцами» в «органическом» секторе и детьми в революционном подполье.

Разгорелся конфликт и внутри самой ОУН. Старшее поколение проводников в лице Евгена Коновальца, Андрея Мельника, Мыколы Сциборского и других, хоть и прошли испытание украинской революцией 1917-20 гг., но были воспитаны в «цивилизованное» время либеральной Австро-Венгрии. Они сомневались относительно тактики ОУН в крае,

включая убийства, но, будучи за границей, они не могли на расстоянии контролировать действия молодых и «горячих» галицких проводников. Тем более, что Коновалец в основном добивался помощи от иностранных государств, в первую очередь Германии. Большинству же галицкого провода, включая Степана Бандеру, Романа Шухевича, Ярослава Стецько, Мыколу Лебеда и др., было едва за 20 лет. Они росли в атмосфере польского господства и размеренный стиль жизни их руководителей за границей вызывал у них презрение и обвинения в приспособленчестве. В частности, во время нападения мадьяров на Карпатскую Русь в Закарпатье центральный провод ОУН, зная о союзе Германии и Венгрии, занял выжидательную позицию, тогда как молодые радикалы из Галичины нелегально переправлялись через польский кордон, принимали участие в боях на стороне.

Однако у Коновальца хватало авторитета и политического мастерства, чтобы не допустить конфликта в ОУН.

С началом второй мировой войны, нападением Германии и СССР на Польшу, Бандера и его товарищи вышли из тюрем, а противоречия между заграничным проводом ОУН и молодыми галицкими радикалами обострились с новой силой. Принципиальных расхождений они не имели, но были противоречия, связанные с тактикой, возрастом и амбициями. На место лидера ОУН прочили Андрея Мельника — близкого соратника убитого Коновальца, человека культурного и выдержанного. Галицкие радикалы обрушили на заграничный провод ОУН шквал обвинений. Мельника обвиняли в том, что слишком надеется на помощь Германии, вместо опоры на массы, за медлительность и пассивность, за допуск к руководству «оппортунистов» и «политических спекулянтов». В сентябре 1939 г. Бандера потребовал создания на базе ОУН подпольной армии, готовую бороться со всеми, кто будет препятствовать украинской независимости, включая Германию. Бандера также призывал к установлению контактов с западными союзниками. Но Мельник и его фракция по старорежимной привычке держались Германии, поскольку «западные демократы» не высказали заинтересованность украинцами, а создание подпольной армии считали ненужным, поскольку это приведёт к карательной реакции немцев, то не даст военно-политических результатов.

В августе 1939 г. в Риме без участия радикалов была проведена конференция, на которой вождём ОУН был провозглашён Андрей Мельник. В ответ 10 февраля 1940 г. фракция Бандеры на конференции в Кракове отбросила решение Римской конференции, объявила себя единственным законным проводом ОУН и выбрала своим проводником Бандеру. Сторонники Бандеры – радикальное молодёжное большинство – стали называться ОУН-Б или ОУН-Р (революционная) или просто «бандеровцами». Умеренные сторонники Мельника назывались ОУН-М или «мельниковцами». Вражда между двумя фракциями достигала такой остроты, что часто они

боролись друг с другом с оружием в руках. Очень много было написано о роли ОУНовского подполья в годы войны, когда существовала упомянутая выше дивизия СС – Галичина, также как и бойцы ОУН, УНА, УПА участвовавшая в геноциде собственного народа.

На сегодня многие исследователи проводят параллели с сегодняшней ситуацией на Украине, вот лишь немногие из «общих мест»:

- 1) марионеточный характер правительства;
- 2) геноцид против собственного населения, включая этнических украинцев;
- 3) фальсификация истории (например, придумана мифическая народность «украинцы», Россия представлена исключительно агрессором, при этом умышленно забыто исконное название Украины в Российской империи «Малороссия», в самой этимологии которого как минимум указано на равноправие Украины в составе Российской империи);
- 4) активное использование агрессивной пропаганды;
- 5) финансирование, осуществляемое из-за рубежа;
- 6) упор на террористические действия как основную тактику и стратегию внутренней политики;
- 7) активная эксплуатация образа врага (в данном случае России) и т. д.

Что же касается последнего пункта, то он представляется логически обоснованным, т. к. эксплуатация образа врага, нагнетание массовой истерии позволит отвлечь украинский народ от собственных проблем (роста безработицы, развала промышленности, передела собственности и беспредела легализованных силовых структур, состоящих из авантюристов, уголовников и иностранных наемников), и, что совсем немаловажно, от определения и выявления лиц, виновных в происходящем хаосе.

Для более полного рассмотрения социально-экономических аспектов западного радикализма на примере Украины отобразим тенденции ее социально-экономического развития в предкризисный (до 2014 года включительно) период.

Мы являемся свидетелями непростых, весьма тревожных событий, происходящих сейчас на Украине, где социально-экономический кризис перерос в острейший внутривластный конфликт. Ситуация резко усугубилась политическим вмешательством извне. Таким образом, внутренний кризис на Украине перерос, в конечном итоге, в сложный внешнеполитический конфликт. Градус напряженности между сторонами конфликта постоянно возрастает. Риторика политиков-участников конфликта становится всё более категоричной и жёсткой. По мнению автора данного исследования, одной из причин рассматриваемого конфликта является сбой в системе экономических взаимоотношений между его участниками: Украиной, Европейским Союзом, Россией, США. Важность исследования причин данного политического конфликта неоспорима вследствие того, что

Россия является в нём не просто сторонним наблюдателем, а представляет и защищает свои экономические и геополитические интересы. Анализу экономических причин политического конфликта на Украине посвящено данное исследование.

Украина – государство в Восточной Европе. Столица – Киев. Население, по данным национальной государственной службы статистики на 1 ноября 2013 года, составляет 45 447 000 человек. Площадь территории Украины около 603 549 км²; занимает 30-е место в мире по численности населения, 44-е по территории и второе – после России – по территории среди европейских стран.

Политическое устройство – унитарное государство, парламентско-президентская республика. Подразделяется на 27 административно-территориальных единиц, 24 из которых являются областями, 1 – автономной республикой и 2 представляют собой города государственного подчинения – Киев и Севастополь¹⁷.

На юге омывается Чёрным и Азовским морями. Имеет сухопутную границу Россией, Беларуссией, Польшей, Словакией, Венгрией, Румынией и Молдавией.

До 1996 г. Украина располагала третьим по величине стратегическим ядерным запасом после США и России.

Украина – индустриально-аграрная страна. Структура экономики широко представлена как различными отраслями промышленности – чёрной металлургией, химической, лесоперерабатывающей, пищевой промышленностью, так и разнообразными отраслями сельского хозяйства – растениеводством, животноводством.

Ключевые показатели, отражающие экономическое развитие Украины в период с 2008 по 2013 г. представлены в таблице 1.

Таблица 1.

**Ряд экономических показателей Украины за период
с 2008 по 2013 гг.¹⁸**

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
ВВП, млрд долл.	180,0	117,2	136,4	165,2	184,1	206,1
ВВП, млрд грн	1440	913	1083	1317	1473	1649
ВВП на душу населения, тыс. долл.	3,719	2,438	2,818	3,413	3,804	4,258
Темп изменения ВВП, %	5,2	-14,8	4,1	5,2	3,0	3,5

¹⁷ На момент окончания исследования Крым и Севастополь, согласно результатам референдума и Указу Президента РФ, одобренному КС РФ и обеими палатами Парламента, перешёл в состав России в качестве субъектов Федерации.

¹⁸ По данным отчёта МВФ.

В таблице представлены следующие экономические показатели: ВВП, выраженный в долларах США по паритету покупательной способности и в национальной валюте, ВВП на душу населения, выраженный в долларах США. Кроме того, представлен темп изменения ВВП.

Как следует из таблицы 1, характер изменения ВВП и ВВП на душу населения связан как с падением рассматриваемых величин в 2009 г., связанным с последствиями мирового экономического кризиса, так и с последующим ростом. К 2013 г. ВВП Украины на душу населения составил 4258000 долларов.

Потребности страны, подлежащие удовлетворению за счёт государственной казны, источники и размеры ожидаемых поступлений в государственную казну отражаются в важном финансовом документе – государственном бюджете. Важнейшие показатели бюджета Украины за период с 2008 по 2013 г. приведены в таблице 2.

Как следует из представленной таблицы 2, структура бюджета Украины представлена статьями доходов, расходов и итоговым балансом.

В течение исследуемого периода доходы Украины имели слабо выраженную тенденцию к увеличению, нарушенную в 2009 г. заметным падением с 232 млрд долларов в 2008 до 210 млрд долларов. К 2013 статья доходов составляла 339,18 млрд долларов.

Таблица 2.

Показатели государственного бюджета Украины за период с 2008 по 2013 гг.¹⁹

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Доходы, млрд грн.	231,7	209,7	240,6	314,6	346,03	339,18
Доходы, % ВВП	24,44	22,96	22,93	23,9	24,56	24,31
Расходы, млрд грн.	241,45	242,43	303,60	333,46	395,66	403,40
Расходы, % ВВП	25,47	26,54	28,04	25,33	28,08	28,31
Баланс, млрд грн.	-12,5	-35,6	-64,3	-23,56	-53,39	-64,70
Баланс, % ВВП	-1,32	-3,89	-5,94	-1,79	-3,79	-3,90

Расходы Украины имели ярко выраженную тенденцию к увеличению в течение всего исследуемого периода.

Важно отметить, что с 2008 по 2010 гг. баланс бюджета оставался дефицитным: расходы превышали доходы. Кроме того, дефицит государственного бюджета Украины непрерывно и неуклонно увеличивался. Небольшое уменьшение дефицита в 2011 г. сменилось резким возрастанием его в последующие годы. К 2013 г. дефицит бюджета составлял около 65 млрд долларов, что соответствует почти 80 % от ВВП.

¹⁹ По данным Министерства финансов Украины.

Результаты денежно-кредитной политика Украины в течение 2010-2013 гг. представлены в таблице 3.

В таблице 3 представлены следующие индикаторы: широкие деньги, состоящие из чистых иностранных активов (ЧИА), чистых внутренних активов (ЧВА).

Как следует из представленной таблицы, величина широких денег в течение указанного периода стабильно возрастает с 597,87 до 881,962 млрд грн.

Что касается объёма ЧИА, то данный параметр имеет явную тенденцию к понижению: с 62,043 до 37, 237 млрд грн. В свою очередь, объём ЧВА имеет явную тенденцию к повышению: с 535,826 до 791,549 млрд грн.

Весьма примечательным является пункт «Вложения в экономику», входящий в состав ЧВА. Как следует из представленной таблицы, объём вложений в экономику Украины со стороны государства непрерывно увеличивается с 743,843 до 881,962 млрд грн.

Таблица 3.

Денежный обзор Украины за период с 2010 по 2013 гг.²⁰

Показатель, млрд грн.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Чистые иностранные активы	62,043	60,968	36,625	37,237
Чистые внутренние активы (всего)	535,826	624,547	688,686	791,549
Внутренний кредит, из которого:	858,853	969,579	1022,288	1126,867
кредит правительству	114,98	151,757	188,751	244,896
вложения в экономику	743,843	764,7	833,537	881,962
<i>Другие статьи</i>	<i>-323,03</i>	<i>-345,17</i>	<i>-333,60</i>	<i>-335,32</i>
Широкие деньги	597,87	661,054	725,311	828,786

Вместе с тем, особого внимания заслуживает пункт «Другие статьи». Как следует из представленных в таблице результатов, объём средств, представленных в указанном параграфе, во-первых, имеет отрицательное значение, во-вторых, имеет практически неизменное значение и составляет, в среднем, в абсолютном исчислении 335 млрд долларов. Кроме того, вызывает недоумение тот факт, что указанный параграф в отчёте МВФ остался нерасшифрованным, поскольку в нём отмечаются довольно крупные средства, например, превышающие ЧИА по абсолютной величине и составляющие около половины от ЧВА также по абсолютному значению.

²⁰ По данным отчёта МВФ.

Отрицательные значения объёмов средств в пункте «Другие статьи» явно указывают на их отток из Украины.

Платёжный баланс Украины представлен в таблице 4.

Как следует из представленной таблицы 4, структура платёжного баланса представлена следующими пунктами: «Счёт текущих операций», «Финансовый и капитальный счёт», «Ошибки и пропуски», «Общий баланс». Также таблица содержит пункт «Финансирование дефицита платёжного баланса».

Таблица 4.
Платёжный баланс Украины за период с 2009 по 2013 гг.²¹

Показатель, млрд долл.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Счёт текущих операций,	-1,7	-3,0	-9,0	-4,5	-15,0
Экспорт товаров	40,4	52,2	69,4	73,5	78,2
Импорт товаров	-44,7	-60,6	-83,2	-91,6	-98,5
Услуги (нетто)	2,4	4,4	4,9	6,0	4,9
Финансовый					
и капитальный счёт	-12,3	6,3	5,8	6,9	16,1
<i>Счёт движения капитала</i>	0,6	0,2	0,1	0	0
<i>Финансовый счёт,</i>	-12,9	6,1	5,7	6,8	16,1
<i>из которого</i>					
<i>прямые инвестиции (нетто)</i>	4,7	5,8	7,0	8,5	9,0
<i>портфельные инвестиции</i>					
<i>(нетто)</i>	-1,6	4,3	1,6	2,2	2,7
<i>другие инвестиции (нетто)</i>	-16,0	-3,9	-2,8	-3,3	4,4
Ошибки и пропуски	0,2	1,4	0,4	0,5	0
Общий баланс	-13,9	4,7	-2,7	-4,4	1,1
Финансирование дефицита					
платёжного баланса	13,9	-5,0	2,5	3,9	-1,1
<i>Общие резервы</i>					
<i>(возрастание: “-“)</i>	5,7	-8,5	2,5	-6,4	4,6
<i>Ресурсы МВФ (нетто)</i>	8,2	3,4	0	2,3	-5,6
Официальное					
финансирование,	0	0,4	0,3	0,5	0
из которого					
<i>Всемирный банк</i>	0	0,2	0,2	0,2	0
<i>Евросоюз</i>	0	0,1	0,1	0,1	0
<i>ЕБРР</i>	0	0,1	0,1	0,2	0

²¹ По данным отчёта МВФ.

Рассмотрим более детально каждый из представленных параграфов.

Итак, «Счёт текущих операций» представлен статьями экспорта-импорта товаров и услуг.

Значение счёта текущих операций отрицательно в течение всего исследуемого периода, имеет тенденцию к снижению и составляет -1,7 млрд долларов в 2009 г. и -15,0 млрд долларов в 2013 г. Это связано с тем, что на протяжении всего исследуемого периода товарный импорт превышал экспорт; что касается сферы услуг, то в этом случае наблюдается обратная тенденция, однако чистый положительный объём экспорта услуг не компенсирует таковой в случае оборота товаров.

«Финансовый и капитальный счёт» представлен «Счётом движения капитала» и «Финансовым счётом», отражающим вектор инвестиционной активности Украины.

В течение исследуемого периода, объём средств, отражаемых в финансовом и капитальном счёте, изменяется, во-первых, с изменением знака, во-вторых, с тенденцией к увеличению. Так в 2009 г. объём средств на указанном счёте составляет -12,3 млрд долларов, а в 2013 г. уже +16,1 млрд долларов. Значения объёмов на счёте движения капитала, во-первых, положительны в течение исследуемого периода, во-вторых, относительно невелики, а в 2012 и 2013 гг. принимают нулевые значения.

«Финансовый счёт» представлен статьями «Прямые инвестиции», «Портфельные инвестиции» и «Другие инвестиции». В течение исследуемого периода «Финансовый счёт», во-первых, изменяется с инверсией знака, во-вторых, имеет тенденцию к увеличению. Соотношение объёмов средств, представленных пунктами «Прямые инвестиции», «Портфельные инвестиции» и «Другие инвестиции» является динамичным как по абсолютному значению, так и по знаку. Например, в 2009 г. значение объёма средств в пункте «Другие инвестиции» отрицательно, а доля указанного параграфа к объёму финансового счёта на указанный год максимальна по отношению к двум другим параграфам. В 2013 г. наблюдается иная ситуация: объём «Других инвестиций» положителен, а максимальную долю в пункте «Финансового счёта» занимают уже «Прямые инвестиции», объём которых в указанном году также положителен.

Как следует из представленной таблицы 4, общий платёжный баланс Украины за период с 2009 по 2013 г. отрицателен, кроме 2010 и 2013 гг. Т. о., платёжный баланс Украины преимущественно дефицитен. В этой связи возникает необходимость финансирования дефицита платёжного баланса. Как следует из представленной таблицы, финансирование дефицита платёжного баланса осуществляется путём использования следующих средств:

1) использования общих резервов Украины; 2) ресурсов Международного валютного фонда (МВФ); 3) ресурсов Всемирного банка; 4) ресур-

сов Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР); 5) средств, предоставленных Евросоюзом.

Следует отметить, что совокупность всех представленных извне средств для финансирования дефицита платёжного баланса, кроме резервов Украины, весьма незначительны.

Исключением является лишь 2009 г., когда МВФ выделил Украине на покрытие дефицита платёжного баланса более половины необходимого объёма ресурсов.

Итак, нетрудно догадаться, что на выполнение государственных программ Украине собственных средств хватает не всегда. Попробуем разобраться с финансовыми обязательствами Украины, возникающими в связи с привлечением для выполнения государственных программ и заказов средств негосударственных организаций и населения страны. Подобные обязательства представляют собой не что иное, как государственный долг. Структура общего долга Украины за период с 2010 по 2014 гг. представлена в таблице 5.

Как следует из представленной таблицы, общий государственный долг Украины, в общем виде, состоит из внешнего и внутреннего долга. Как следует из представленных данных, общий государственный долг непрерывно увеличивается в исследуемый период: с 39,7 млрд долларов в 2010 г. до 73,2 млрд долларов.

Внешний долг Украины составлял 26,5 млрд долларов в 2010 г. и увеличивался непрерывно до 38,7 млрд долларов в 2013 г. По состоянию на январь 2014 г. внешний долг Украины незначительно снизился до 37,4 млрд долларов.

Внутренний долг Украины непрерывно увеличивался с 13,2 млрд долларов в 2010 г. до 35,8 млрд долларов в 2014 г.

Следует отметить, что темп изменения внешнего долга Украины непрерывно и значительно уменьшался: в 2011 г. он составлял 31,1 %, а к 2014 г. его значение уже составило -2,9 %.

Что касается темпа изменения внутреннего долга, то его значение сначала снизилось с 48,3 % в 2011 г. до 11,3 % в 2012 г., а затем возросло до 37,6 % в 2014 г.

Рассмотрим величину, равную отношению величины внешнего долга к внутреннему. Экономический смысл этой величины состоит, очевидно, в том, что отражает нагрузку того или иного долгового инструмента в общем долге.

Таблица 5.

Структура общего долга Украины за период с 2010 по 2014 гг.²²

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Общий государственный долг Украины, млрд долл.,	39,7	54,2	59,2	64,5	73,2
из которого:					
внешний долг, млрд долл.	26,5	34,8	37,5	38,7	37,4
темпа изменения, %		31,1	7,8	3,2	-2,9
внутренний долг, млрд долл.	13,2	19,5	21,7	25,8	35,8
темпа изменения, %		48,3	11,3	18,8	37,6
Отношение внешнего долга/внутренний долг	2,0	1,8	1,7	1,5	1,0

Важно отметить, что отношение объёмов внешнего долга к внутреннему долгу изменяется в течение исследуемого периода. Так, в 2010 г. оно составляет 2, а в 2014 г. уже 1. При общем возрастании долга это свидетельствует о том, что оплата внешнего долга компенсируется только наращиванием внутреннего долга, не меняя сути долговой ситуации.

Итак, возрастание долга, совершенно очевидно, связано с несовершенством экономической модели Украины. Структурные экономические задачи в полном объёме не решались. Вместе с тем, указанные тенденции изменения компонент общего долга Украины свидетельствуют о том, что, во-первых, для финансирования экономики и государственных обязательств и программ Украине остро не хватало собственных средств. Во-вторых, требовалось *постоянно* привлекать как внешние, так и внутренние займы. В-третьих, выполнение обязательств по внешним займам проходило за счёт усиления долговой нагрузки, связанной с увеличением объёма внутреннего займа, ведь, кроме того, падение темпов роста внешнего долга шло наряду с увеличением темпов роста внутренних заимствований.

Очевидно, что *подобная ситуация является грозным признаком внутреннего дефолта*. Уменьшение темпов роста внешнего долга и небольшое уменьшение его объёма, по-видимому, являлось макияжем для рейтинговых агентств и иностранных инвесторов с целью дальнейшего привлечения иностранных кредитов.

Социально-экономические последствия наращивания государственного долга можно представить, если обратиться к таблице 6.

²² По данным Минфина Украины.

Таблица 6.

Долговая нагрузка Украины за период с 2010 по 2014 гг.²³

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
ВВД, млрд долл.	79995	101659	103396	117343	126236	135065
ВВД/ВВП, %	56	56,7	88,3	86,8	76,4	76,6
(ВВД/ВВП) на душу населения	56	56,7	88	86	76,4	77
(ВВП-ВВД) на душу населения, тыс. долл.	1,3535	1,6844	0,299	0,416	0,857	0,905

В таблице 6 представлены следующие параметры: валовой внутренний долг (ВВД) Украины, отношение ВВД к ВВП, приведённым на душу населения, а также разность между ВВД и ВВП, приведённым на душу населения. Важно отметить, что внутренний долг Украины не входит в ВВД, а внешний долг – является частью ВВД, представляющей обязательства Правительства и Национального банка Украины; остальная часть ВВД Украины связана с долгами коммерчески банков и корпораций.

Как следует из представленных данных, ВВД Украины, стабильно возрастает в течение всего исследуемого периода. Возрастает и достигает постоянного значения отношение ВВД/ВВП; данное значение составляет около 80 % от ВВП.

Совершенно аналогичная тенденция наблюдается для параметра ВВД/ВВП, приходящихся на душу населения. Особого внимания, по мнению автора, заслуживает величина ВВД-ВВП, приходящихся на душу населения. Экономический смысл указанной величины – это *показатель уровня жизни населения Украины после того, как своевременно и в полном объёме государство выполнит все свои обязательства перед иностранными кредиторами.*

Как следует из представленных результатов, указанный параметр имел тенденцию как к падению: с 1353 долларов в 2007 г. до 299 долларов в 2010 г., так и к росту до 905 долларов в 2013 г.

Кроме того, не стоит забывать ещё и про внутренние обязательства, которые также необходимо выполнять.

Таким образом, долговая политика Украины, во многом определявшая социальное и экономическое развитие страны, являлась чрезвычайно зависимой от конъюнктуры мирового рынка капиталов. Уровень жизни населения был чрезвычайно уязвим к любым требованиям кредиторов.

²³ По данным Минфина Украины.

Одним из исторических, стратегических партнёров Украины *в течение всего времени существования её в качестве независимого государства* была и есть в настоящее время Россия. Ведь как бы не складывалась мировая политическая конъюнктура, народы России и Украины являются именно братскими, а не только экономическими и финансовыми партнёрами.

Какова же роль России в кредитовании экономики Украины? По словам Президента РФ, совокупный долг украинских предприятий перед Россией, по состоянию на 2013 г., составляет 30 млрд долларов.

Как следует из рисунка, задолженность украинских предприятий перед ведущими российскими банками составила 28 млрд долларов, из них: 20 млрд долларов в виде валютных кредитов, 280 млрд рублей (эквивалентно 8 млрд долларов) в виде рублёвых кредитов. Кроме того, импорт российских энергоносителей обошёлся Украине примерно в 2 млрд долларов.

Состав кредиторов украинских предприятий представлен следующими российскими крупнейшими банками: Газпромбанком, Сбербанком, ВЭБ и ВТБ.

Весьма важным обстоятельством является то, что внешний государственный долг Украины, по состоянию на ноябрь 2013 г., составил 26,3 млрд долларов.

Это означает, что долг Украины перед РФ по своему объёму превысил внешний государственный долг. Долг Украины перед российскими кредиторами составляет половину от общего государственного долга.

Тем не менее, по словам Президента РФ, Россия будет работать с Украиной по урегулированию этой задолженности, а также по газовым долгам, вне зависимости от решения Киева о возможной евроинтеграции. Ответ украинской стороны, представленный Премьер-министром, состоял лишь в том, что у Киева нет никаких договоренностей с Россией о новых кредитах.

Таким образом, экономические интересы России на Украине в финансовом аспекте представлены в виде крупной системы долгов со стороны Украины.

Проведённый анализ позволяет сделать заключение о том, что ***экономическое развитие Украины, во-первых, не является динамичным и устойчивым. Экономика, по сути, сконцентрирована на том, чтобы брать долги с целью погашения текущих обязательств, заботясь лишь о кредитных рейтингах и не заботясь о реальном экономическом развитии. Во-вторых, развитие экономики Украины, по состоянию на 2013 г., чрезвычайно неустойчиво и находится колоссальной зависимости от внешнего локального и глобального негативного воздействия.*** Это немедленно сказывается на уровне жизни населения, создавая угрозу социально-экономических потрясений. Именно такая ситуация, по мнению автора, и сложилась в декабре 2013 г. ***Таким образом, налицо экономиче-***

ские предпосылки внутривнутриполитического кризиса на Украине, возникшего в декабре 2013 г.

Неэффективная, убыточная экономика Украины в течение исследуемого периода времени кредитовалась банками из России, ЕС и США. Доля участия российских банков в экономической системе Украины весьма высока. Значит, любое экономическое решение Украины затрагивает и экономические интересы России.

В начале зимы 2013 года глава Украины дал сигнал на сближение и сотрудничество с Евросоюзом, одновременно проявляя интерес и к России. Простота и сложность ситуации состоит в том, что Украина встала перед проблемой выбора приоритетного союзника.

Это проявилось в стремлении примкнуть либо к Евросоюзу с мало-реализуемой перспективой вступления в него на правах потенциального полноправного участника, либо во вступлении Украины в Таможенный союз, в котором лидирующую позицию заняла Россия, отводя при этом Украине роль безусловного полноправного партнёра. Очевидно, что окончательное решение примкнуть к одной из сторон является одновременно решением об отдалении от другой стороны. В результате, как блок ЕС-США, так и Россия настороженно отнеслись к нерешительности и, очевидному двусмысленному поведению руководства Украины.

Внутри же Украинского государства резко активизировались два политических течения: одно из них, представлено силами, выступающими за интеграцию с ЕС при поддержке США; второе- выступает за более тесное сотрудничество с Россией. Представители второго течения отдадут и себе и окружающим отчёт в том, что подрыв экономических отношений с Россией, к чему, похоже, призывают Украину с Запада, чреват гораздо более серьёзными социально-экономическими последствиями, чем ослабление отношений с ЕС. Важно отметить, что о сроках и условиях вступления Украины в Евросоюз на правах полноправного участника вопрос не поднимался.

Попробуем сопоставить ряд фактов. Экономика Украины слаба, как, например, слаба экономика Греции – участника ЕС. Да, в страны Евросоюза оказали в своё время помощь этой стране. Но с каким трудом принимались решения о финансовой помощи Греции, какие непопулярные решения принимало руководство Греции по отношению к собственным гражданам. Однако преодолеть финансовые трудности грекам не удаётся до сих пор.

Будет ли выступать ЕС в роли «экономического реаниматолога» Украины в случае их потенциальной интеграции? Этот вопрос оставлю без ответа, поскольку даже если помощь и последует, то хватило бы её на полноценное и безусловное решение экономических проблем Украины? При существующих экономических проблемах внутри ЕС появление ещё одного дотационного и экономически неэффективного субъекта привело бы только к усугублению этих проблем.

С другой стороны, в условиях загнанной и буксующей экономики Украины, нарушение экономических отношений с Россией, очевидно, приведёт к её полному коллапсу.

Ведь именно РФ обеспечивает Украину энергоресурсами, причём по льготным, отличающимся от мировых, ценам. Именно Россия является крупнейшим торговым партнёром Украины. Кроме того, через Украину проходит и транзит нефти и газа в Европу, что приносит дополнительные средства в бюджет Украины, и именно ЕС заинтересован в том, чтобы поток энергоресурсов из РФ проходил бесперебойно.

Таким образом, в ноябре-декабре 2013 г. начал происходить открытый захват сфер влияния РФ на Украине путём политического манипулирования антироссийскими силами внутри Украины.

В то же время украинский национализм является лишь одним из течений западного радикализма и для более глубокого понимания его последствий необходимо обратить внимание на идентификацию признаков западного радикализма.

Известным шагом в этом направлении можно считать попытку определить суть идеологии через фиксированный набор ключевых идей (понятий). Классик британского консерватизма Э. Бёрк был одним из первых представителей такого подхода. Он приводил следующий список идей консерватора: конкретные права вместо абстрактных естественных прав; органическая концепция общества как вечного партнерства между прошлым, настоящим и будущим; история как аккумулированная мудрость всех поколений; естественное неравенство людей, а потому также неравенство их статусов и владений; уважение к власти и её институтам, закону и религии; принятие постепенных изменений внутри структур, отвечающих перечисленным ценностям.

Подход Бёрка выражает много верного из консервативной идеологии, но британский политолог М. Фриден прав, замечая, что в случае сведения сути консервативной идеологии к фиксированному набору концептов невозможно объяснить внутреннюю динамику идеологии, наличие внутри самого консерватизма многих разновидностей и вариаций, ведущих между собой «идеологический диалог». С другой стороны, при таком подходе трудно определить сущностное отличие консервативной позиции от праворадикальной, ибо приведённый набор концептов выражает существенные моменты обеих идеологий.

Но чтобы идентифицировать их настоящую оригинальность, следует обратить внимание на внутреннюю структуру данных идеологий, их морфологию. С морфологической точки зрения ответ на вопрос «Что такое идеология?» заключается в идентификации и анализе концептов как строительных блоков идеологии. По словам М. Фридена, идеологии суть «уникальные жанры использования и комбинации политических концептов».

Концепты мы отличаем от понятий. Концепты схожи со словами естественного языка в том, что они – в отличие от научных или философских понятий – суть не продукт искусственно организованной логической системы (каким-то теоретиком-философом), а результат спонтанного мыслительного творчества на основе «грамматики» данной теории. По мысли М. Фридена, слова выступают внешними формами концептов. Концепты могут составлять теории, а «теория есть для концептов то, что язык есть для слов: организатор, регулятор, набор правил и единообразий, грамматика, система».

Теория тоже может иметь «грамматику», если понимать её не только как систему понятий, но и как констелляцию концептов. В известном смысле, это предполагает возвращение к тому, что греки обозначали словом $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$. Выраженная в этом термине генетическая связь теории с языком не означает, что стирается различие между концептом и словом; концепт – в семантике греч. $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ близкие современному смыслу «теории» значения (научное или теоретическое познание; наука, учение, теория) являются самыми поздними, младшими. А старшие значения обнаруживают связь $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ с практической сферой художества, религии и даже политики.

См.: греч. $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$: 1) зрелище, зрелище, празднество;

2) посольство или депутация, посылаемая греческими полисами на Олимпийские игры; священное посольство афинян в Делос;

3) наблюдение, рассмотрение, исследование.

Современный термин «теорема» (греч. $\theta\epsilon\omega\rho\eta\mu\alpha$) в древнегреческом раньше всего обозначал зрелище и увеселение, а уже потом — доказанное положение, правило, учение. Термином «теоры» (греч. $\theta\epsilon\omega\rho\acute{o}\iota$) у древних греков называли не только участников зрелищ, но также послов от государства, посылаемых на Олимпийские игры, на празднества, к оракулу в Дельфы, или для принесения даров какому-либо богу; более того, в некоторых государствах (Мантинее, Тегее) «теором» называли главного магистрата.

Различие между внешним (функциональным) и внутренним (структурным) методом идентификации свойств какой-либо идеологии сродни различию между внешней и внутренней лингвистикой, введённому еще Ф. де Соссюром. В известном смысле и о концептуальной «грамматике» идеологии можно сказать, что она подобна симфонии, реальность которой напрямую не зависит от её исполнения. По Соссюру, внутренняя структура языка как системы, подчиняющейся своему собственному порядку, является более важной для понимания свойств языка, чем социальные факторы, внешние этому порядку. Аналогичным образом, именно концепты, а не политические функции, должны составлять точку отсчета в идентификации существенных признаков идеологии.

С опорой на М. Фридена, любую идеологию можно охарактеризовать как структуру, состоящую из ядерных, смежных и периферийных

концептов. Британский политолог в качестве примера приводит либерализм, выделяя в нем свободу как ядерный концепт, а также смежные (права человека, демократию, гражданское равенство, правовое государство) и периферийные (национальную идентичность, экологическую безопасность и др.) концепты. Именно такую (тройственную) структуру намерены мы представить и в случае праворадикальной идеологии. Но здесь сразу же надо указать на принципиальную текучесть концептуальной структуры любой идеологии, включая границы между её концептуальным ядром, а также смежными и периферийными концептами.

В целом, верно, что в каждой идеологии есть концепт (или концепты), которые она не может ставить под сомнение, не подвергая риску свою идентичность. Если либерализм откажется от концепта свободы, что тогда останется от либерализма? Если правому радикалу вдруг станет безразлична идея революционного возрождения его «великой нации», чем тогда он будет отличаться от обычного консерватора или даже либерала? С другой стороны, практически все идеологии используют концепты свободы и нации. Поэтому Фриден прав, замечая, что неустрашимость какого-либо концепта из идеологии не представляет собой особого интереса, поскольку все политические концепты могут быть обнаружены в окрестностях любой идеологии, и в этом смысле все они неустрашимы. Присутствие какого-то концепта в идеологии вообще не может быть признаком, входящим в её определение. Идеологии различаются между собой не столько разными концептами, сколько разным упорядочением сходных концептов. Главное – это отношения концептов друг к другу и к центру идеологии, то, каким образом концепты сцеплены и взаимно обуславливают друг друга. Причем чем сложнее идеология, тем вероятнее случай, когда какой-то концепт меняет своё положение в ядре, движется, скажем, от ядра в сторону периферии.

Отсюда вытекает неизбежность разногласий относительно того, какие концепты считать ядерными, а какие – смежными или периферийными внутри данной идеологии. Эти разногласия связаны с тем, что в разное историческое время и в разных политических культурах концепты одной и той же идеологии могут мигрировать по её структуре. Только немногие остаются стабильными, и это, прежде всего ядерные концепты, вроде концепта свободы в либерализме, социальной справедливости в социализме, нации (расы) в правом радикализме.

Однако нет оснований понимать ядро идеологии как структурно зафиксированный и в основе своей неизменный ряд концептов. Напротив, это ядро оказывается довольно динамичной структурой (причем как в синхронном, так и в диахронном аспекте), и это означает гибкость границ как внутри самой идеологии (между её ядерными, смежными и периферийными концептами), так и между разными идеологиями. В этой динамике оказывается существенной роль не только ядра идеологии, но также её кон-

цептуальной периферии²⁴. В этом как раз выражается преимущество развиваемого М. Фриденем подхода: динамизм идеологической структуры делает относительным в ней само отношение центр – периферия.

С учётом сказанного, идеологии не могут быть типологизированы посредством какого-то одного главного организующего концепта. На самом деле они могут быть описаны как имеющие несколько ядерных концептов. Это предполагает наличие множества идеологических гибридов: консервативного либерализма, либерального социализма и проч. Более того, с течением времени – как и в случае биологической эволюции – ядро идеологий может терять или приобретать какие-то концепты. В этом случае можно говорить об идеологических мутациях

Это надо иметь в виду и при определении ядра праворадикальной идеологии. Повторим: она не состоит из какого-то одного или двух главных концептов. Напротив, имеет место исторически меняющееся созвездие концептов, которое выражает главную идею идеологии.

В правом радикализме эта главная идея состоит – если использовать предложенную Р. Гриффином терминологию – в палингенетическом мифе, т. е. мифе о повторном рождении национальной (расовой) общности. По словам отечественного историка и политолога А. А. Галкина, в основе этого мифа лежит «возрождение и оздоровление в своей стране «титულიной» нации, рассматриваемой как этническо-биологическое единство, укоренение в ней изначальных, исконных ценностей, придание ей единственно эффективной формы общественной организации». А. А. Галкин обозначает главную идею праворадикальной идеологии «правоконсервативным революционаризмом», что по смыслу совпадает с аналогичными терминами, предложенными Р. Гриффином: «бескомпромиссный, аутентичный революционный национализм», «революционная миссия правого экстремизма». Термин Галкина представляется особенно удачным, поскольку он чётко выражает главную новацию праворадикальной идеологии: парадоксальное для предшествующей консервативной традиции сочетание консерватизма и революционности. В этой связи есть смысл акцентировать качественную концептуальную разницу между консерватизмом и революционным консерватизмом, но одновременно их генетическое родство: исторически именно консерватизм мутирует в фашизм, а не социализм или либерализм.

Ниже мы подробнее остановимся на вопросе о том, что сближает и что отличает консервативную традицию от правого радикализма. Тем самым мы приблизимся вопросу об основных признаках современной праворадикальной идеологии.

²⁴ Поцелуев С. П., Константинов М. С. Современный правый радикализм: проблема идентификации признаков. М.: Центр национальной безопасности, 2014.

Оригинальность идеологической структуры консерватизма состоит в том, что его основная идея не привязана столь систематически к определенному набору концептов, как это имеет место в идеологии его главных конкурентов – либералов и социалистов.

Считается часто (как самими консерваторами, так и их противниками), что консерватизм прежде всего озабочен сохранением статус-кво. Это представляется его главной чертой, заменяющей ему отсутствие концептуального ядра и смежных с ним концептов социальной справедливости, свободы, демократии и т. д. Типичным выражением такого понимания консерватизма Фриден считает статью С. Хантингтона «Conservatism as an Ideology». Для Хантингтона консерватизм – это позиционная идеология, которой не хватает собственной интеллектуальной традиции и самостоятельных идей. Он есть ответ на атаку против установившихся институтов. По Хантингтону, консерватизм есть система идей, используемых для оправдания любого установленного социального порядка, независимо от того, где и когда он существует, против фундаментального изменения его природы, причем независимо, из каких соображений изменения. Консерватизм не наследуется во времени, он представляет собой серию внезапных рождений и смертей, провоцируемых извне.

Консерваторы, таким образом, сводятся к роли оппонентов всего нового, они движутся к позициям, которые покинули группы, испытывающие процесс изменений. В этом смысле Хантингтон говорил о консерватизме даже позднекоммунистических элит в Восточной Европе. Хантингтон подчеркивает при этом, что позиционность консерваторов исключает их идентификацию в терминах левого и правого. М. Фриден называет это «хамелеонной теорией консерватизма».

Эта метафора, при всей своей меткости, упускает один важный момент – наличие в консерватизме, как и в любой идеологии, главной идеи, которая придаёт консерватизму оригинальное лицо, дискурсивную связность и которая не может состоять в одном только «хамелеонстве». Прежде всего, по Фридену, консерватизм не является идеологией статус-кво. Скорее, это идеология, которая, напротив, весьма озабочена проблемой социальных изменений: необязательно, правда, с целью их элиминировать, но чтобы сделать любые социальные изменения безопасными. Естественные (органические) изменения – это те, которые осуществляются в испытанных рамках, а потому не превышают возможностей людей приспособиться к этим изменениям. Консерватор признает только те изменения, которые не нарушают общественную стабильность и проявляют уважение к прошлому. Это – первейший компонент консервативной идеологии, по М. Фридену. Причём базовые концепты конкурирующих с консерватизмом идеологий (свобода, разум, благоденствие и т. д.) суть для консерватизма только смежные концепты для корневой идеи контролируемых изменений

и выбираются только как ответ на угрозу искусственных, организованных человеком, изменений.

Защита «нормального» типа изменений сопровождается, по словам М. Фридена, вторым компонентом консерватизма – верой во внечеловеческое происхождение социального порядка. В роли такого высшего порядка могут выступать Бог, История, Наука и проч. В XIX веке консерваторы рассматривали стабильность как функцию естественного порядка или иерархии, в первой половине XX века они подчёркивали неизменные психологические принципы человеческой природы, а в эпоху «государства всеобщего благоденствия» и «свободного рынка» консерваторы обращались к «естественному порядку» в лице «научных» экономических законов, наделенных якобы универсальной силой.

Вера во внечеловеческие основы общества снижает достоинство и статус индивида, наделённого свободной волей, ставит под вопрос рациональность «искусственных» человеческих планов, ограничивает силу государства и социальной организации. Одним словом, это маргинализирует роль политики как тщательно спланированной, целенаправленной деятельности людей. Такой политический скептицизм следует отличать от либеральных стремлений оградить частную сферу человека от чрезмерного вмешательства государства. В случае консерватизма речь идёт о более фундаментальном ограничении политики до сферы возможного, которое не угрожает социальному порядку. Политика для консерватора уместна только в той мере, в какой она занимается поддержанием правил, защищающих внечеловеческий порядок с его органическим процессом изменений, защищающих от неизбежного авантюризма «человеческого гения», столь любимого либералами и социалистами.

Идея внечеловеческого порядка, предполагающая деградацию роли человеческой активности, политической воли, существенно отличает консерватизм от правого радикализма, в котором «мужчины делают историю». Заметим, в целом, что две указанные выше специфические черты консерватизма существенно отличают его от правого радикализма. Последний готов столь же радикально, как большевики или анархисты, рвать с почтенным прошлым и его «гнилыми» традициями во имя «нового человека». Правда, в отличие от тех же большевиков, этот революционный разрыв с прошлым осуществляется у правых радикалов не для того, чтобы построить радикально новый социальный порядок, но с целью вернуться в социальный порядок радикально старый, т. е. в героическую эпоху, предшествовавшую периоду «гниения и распада». Только в этом смысле правый радикализм презирает изменения, к которым может приспособиться «маленький человек». История имеет ценность, если она пишется героями как воплощением «вечно возвращающегося» национального (расового) мифа.

Вместе с тем, направленность праворадикального идеала в прошлое, а не будущее, его явно мифологический, иррациональный характер, сближает правых радикалов с консерваторами. И это наводит на мысль об их более глубоком родстве, а именно, на уровне реактивно-позиционной по своей сути морфологии.

Поясним вслед за М. Фриденем, в чём суть этой морфологии. Британский ученый говорит о «фундаментальной асимметрии между морфологией консерватизма и морфологией его противников». Суть этой асимметрии в том, что консерватизм, в отличие от прогрессистских идеологий вроде либерализма и социализма, воздерживается от разработки самостоятельной теоретической системы, оперирующей какими-то универсальными человеческими ценностями, а также реализацией человеческого потенциала внутри справедливо организованных порядков. Теоретические построения у консерваторов возникают только как реакция на своих идеологических соперников, только в отношении к ним. Другими словами, консерватор мыслит систематически и связно лишь тогда, когда он отвечает на вызов прогрессистских идеологий.

С этим реактивно-позиционным характером консервативного дискурса Фриден и связывает специфический механизм его концептуальных построений, называя его «зеркальным изображением».

Зеркальное отражение как составная часть консерватизма — это не прямолинейная попытка выстроить непрерывную контрапозицию относительно позиции своих оппонентов.

Если консервативная идеология и выступает в функции зеркала, то зеркала гибкого, действующего как бы на шарнирах («swivel mirror», как выражается М. Фриден). Это, прежде всего, объясняется постоянной сменной (в зависимости от исторического пространства и времени) соперников консерватизма. А среди них побывали и классический либерализм, и «государство всеобщего благосостояния», и социалисты, и фашисты, и коммунисты. Консерваторы каждый раз определяют, кто для них в данный момент является главным врагом, и стремятся дать ему достойный идеологический отпор. Это, действительно, похоже на работу зеркала с шарнирными соединениями, которое может быть установлено под любым углом, чтобы ловить разные отражения.

Феномен зеркального изображения обеспечивает то, что консервативное мышление переводит присущие его идеологическим соперникам корневые (ядерные) политические концепты, оперирующие ценностями, во вторичные, второстепенные, смежные и периферийные концепты. Точнее, консерваторы развивают антитезисы (альтернативные концепты) для таких прогрессистских ядерных концептов (и соответствующих им тезисов), как разум, равенство, индивидуальность, а потом (часто бессознательно) устанавливают им смежный статус в рамках своей концептуальной структуры.

Из шарнирно-зеркального принципа консервативного позиционирования относительно других идеологий вытекает ряд черт концептуальной морфологии консерватизма, которые одновременно и сближают его с правым радикализмом, и отличают от него.

Давно замечено, что консервативный и праворадикальный дискурс сходятся в критическом отношении к рационализму. Но только идейная мотивация этого критицизма разная.

Консерваторы не приемлют буржуазный рационализм, поскольку он утверждает суверенитет личности, бросает вызов существующей власти во имя абстрактной логики; потому что он не основан на практических знаниях, питает химеру внешне организованных социальных отношений. Для консерватора личность допускается только внутри сдерживающих её социальных и моральных структур (норм), где она маргинализована за счет порядка, стабильности и непрерывности. Для политического радикализма такое умаление личностного начала недопустимо. Правые радикалы критикуют рационализм как мировоззрение мелкого обывателя, движимого эгоистическим расчетом и неспособного подняться до мистических вершин Национальной (расовой) Идеи, Мифа.

Пожалуй, главное отличие правых радикалов от консерваторов состоит том, что они осуществляют не столько идейную оборону, сколько нападение. Правда, это нападение оформлено в миф, иррациональную волю, часто в несвязное собрание идей, в отличие от прогрессистских идеологий, и это обнаруживает связь правого радикализма с консервативным стилем мышления. Даже идея консервативной революции есть продукт отражения идеологических соперников в зеркале на шарнирах – ответ на революционный вызов, брошенный коммунизмом (большевизмом). И хотя само по себе соединение консервативной позиции с позицией революционной кажется верхом абсурдности, как раз это сочетание составило суть той мутации, которой подвергся консерватизм на пути к фашизму А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир убедительно показывают феноменологию этой мутации на примере «обновленческих тенденций» в немецком консерватизме после Ноябрьской революции 1918 года в виде младоконсерваторов, идеологов «прусского (немецкого) социализма» и «консервативной революции». Здесь важно, как при этом консервативная позиция, с одной стороны, в русле своей «шарнирно-зеркальной морфологии» превращает в смежные концепты ядерные концепты конкурирующей с ним идеологии социализма и большевизма, маргинализируя одновременно корневые концепты либерализма. У Освальда Шпенглера рабочий социализм становится «прусским социализмом», а пролетарский интернационализм – «расовым интернационализмом». Показательным в этом отношении было и поведение основателя «Антибольшевистской Лиги» Э. Штадлера, который тоже «стремился не выдвигать новые идеи, а перехватывать те, которые уже получили широкое признание, вкладывая в них иное содержание».

Как и любые консерваторы, консервативные «обновленцы» – в отличие от большевиков – видели свой идеал не впереди, а позади современного им общества. Однако они шли гораздо дальше традиционных консерваторов, ибо вильгельмовская Германия казалась им уже не «утраченным раем», а одним из этапов либерального разложения общества. Здесь берет свой исток идея «революции наоборот» – консервативной революции как альтернативы революции коммунистической. Праворадикальный консерватизм тем самым перехватывает в ядерную часть своей идеологической конструкции концепт революции, который до этого выступал отличительной чертой исключительно социалистических и коммунистических доктрин. Ярким выражением этой идеологической мутации стал национал-большевизм, в некоторых моментах оппозиционный гитлеровскому национал-социализму.

Национал-большевизм традиционно связывают с идеями, развитыми в среде русской эмиграции, но М. Агурский справедливо замечает, что «формирование национал-большевизма не обошлось без немецкого влияния». Заметим, что в «национал-большевизме» В. Ленин и К. Радек обвиняли не переметнувшихся к большевикам традиционалистских консерваторов, а часть своих коммунистических коллег из охваченной национальным кризисом Германии. Однако и в консервативном лагере наблюдалось движение в сторону большевиков. Эта линия уже заметна в «Третьем Рейхе» Мёллера ван ден Брука, в его идее «консервативного восточного блока», включающего Россию, хотя и без большевиков. А консервативно-революционный идеал, развивавшийся в публикациях журнала «Спротивление», уже вполне реабилитировал большевизм. Правда, тем самым этот идеал отнюдь не образовывал гибрида с большевистской идеологией, но лишь создавал его идеальный образ, его праворадикальную стилизацию.

Именно благодаря генетической связи консерватизма и фашизма многие видные консервативные идеологи пришли к поддержке фашизма, а с другой стороны, «фашизм, вне зависимости от особенностей генезиса его первичных отрядов, приобрел чётко выраженный консервативный облик, выступая как хотя и крайняя, но, тем не менее, составная часть консервативного лагеря».

Эрнст Никиш, духовный лидер упомянутого издания, начинавший свою политическую карьеру в рядах германской социал-демократии, усматривал основной смысл Октябрьской революции в возрождении мощи Российской империи. Большевизм для Никиша – это радикальный отказ от Запада, антилиберализм, коллективизм, автократия и насилие. Отказ большевиков от частной собственности, – писал Никиш, – воспламенял у бедных слоев русского народа надежду на спасение, поэтому, когда белые генералы и иностранные интервенты выступили против красного правительства, народ признал в большевизме свое «национальное дело». Русский

демократ, либеральный капиталист, прозападно настроенный интеллигент, – все они стали в глазах русского мужика врагами и предателями. «Большевизм, который вскоре стал русским национал-большевизмом, выступил формой, в которой Россия выразила и организовала все силы сопротивления против западных держав-победительниц». В том же духе высказывался и русский национал-большевик Н. Устрялов, называвший советскую власть «национальным фактором современной русской жизни» и ожидавший (не без основания), что «большевизм логикой вещей от якобинизма будет эволюционировать к наполеонизму».

Фашизм между двумя мировыми войнами обнаружил ещё одну черту, актуальную и сегодня: родство консерватизма и правого радикализма проявлялось даже в тех странах, где фашистские идеологии и партии играли второстепенную роль. Здесь, в условиях клерикально-фашистских режимов, возникали консервативно-праворадикальные идеологические гибриды, «в которых доминирующую роль играл традиционный консерватизм, взявший на вооружение некоторые важные элементы фашистской идеологии и политической практики». Более того, даже политическое преследование местных фашистов могло с лихвой компенсироваться поддержкой фашистских режимов за рубежом. Это взаимодействие между консерватизмом и правым радикализмом, как бы перенесенное во внешнеполитическую сферу, а потому не всегда очевидное, сегодня весьма актуально во внешней политике целого ряда государств.

С учетом указанных выше исторических моментов, не следует абсолютизировать тезис о том, что правые радикалы (в отличие от консерваторов) занимают не столько реактивную, сколько активную позицию относительно идеологии своих основных политических соперников. Консерватизм тоже может развивать активную оборону, ещё больше в этом плане сближаясь с праворадикальным дискурсом. Так, правые консерваторы эпохи тэтчеризма и рейганизма, сохраняя общие черты традиционалистского консерватизма, обнаружили вместе с тем и некоторые новые признаки. Эти консерваторы не ориентировались на осторожное позиционирование и приспособление в идеологической сфере, но преследовали стратегию «социального реванша»; они предпочитали не оборону, а наступление в идеологической сфере. В Британии тэтчеризм был нацелен на модернизацию национальной экономики, а не просто на пропаганду «старой, доброй Англии».

Вместе с тем, резкая критика правыми консерваторами либеральных принципов государства всеобщего благоденствия, сближение либерализма с социализмом и коммунизмом, критика «избытка демократии» (в ущерб его «управляемости») и призывы к «сильному государству», – всё это давало повод даже некоторым консерваторам видеть в тэтчеризме праворадикалистский отказ от основных принципов консервативной идеологии. Но – как мы указывали выше со ссылкой на М. Фридена, – такая оценка

объясняется узким пониманием консерватизма как идеологии, направленной исключительно на сохранение статус-кво.

Слепота некоторых западных правительств на «правый глаз» в оценке политического режима, установившегося на Украине после «Майдана-2014», – это лишь один из свежих, но далеко не единственный пример такого рода.

«Необходимо учитывать, – замечали А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир ещё раньше Фридена, – что для консерватизма как типа политики главное – противодействие общественному прогрессу даже ценой изменения статус-кво, если он, на взгляд консерваторов, становится чересчур либеральным или социал-реформистским. Ради этого часть консерваторов готова пустить в ход решительные радикальные методы, занять жесткую бескомпромиссную позицию». Исследователи указывают на склонность такого консерватизма к «авторитарному популизму» с расистскими чертами.

Эти моменты получают особое развитие в работах французских «новых правых» (А. де Бенуа, Д. Веннер и др.), а также их российских последователей (А. Дугин, Э. Лимонов и др.), которых многие авторы рассматривают как экстремистскую форму современного правого консерватизма. Хотя среди теоретических авторитетов французских и русских «новых правых» числятся не фашисты, а «интегральные традиционалисты» вроде Ю. Эволя и Р. Генона, они признают своё родство и с представителями обновленческих тенденций в немецком консерватизме периода между мировыми войнами (О. Шпенглер, А. Мёллер ван ден Брук и др.).

Критикуя некоторые смежные концепты межвоенного фашизма и национал-социализма (ориентация на плебейскую массу, биологический расизм и проч.), идеология новых правых, тем не менее, сохраняет ядерный праворадикальный концепт этих идеологий – консервативный революционаризм. По словам А. А. Галкина и П. Ю. Рахшмира, главным звеном, объединяющим «новых правых» и их предшественников, является их общая приверженность идеалам «консервативной революции» как радикальному изменению существующей либерально-демократической системы ради спасения европейского человечества. При этом некоторые концепты классического фашизма не столько маргинализируются, сколько переосмысливаются, как в случае с концептом расы. На место традиционного («дискриминационного») расизма с его идеей высших и низших рас, приходит расизм «дифференциальный» или «оборонительный», охраняющий культурные различия.

Установившуюся на Западе идеологическую гегемонию правых консерваторов следует учитывать и при оценке идеологических процессов, имевших место в России за последние три десятилетия. Идеологическая тропа от горбачевского «нового мышления» через Концепт «управляемой демократии» и до понимания России как «нации-цивилизации» пролегает в этом общем неоконсервативном русле, и здесь не так много собственно

«русского пути», как это иногда представляется. В известном смысле постсоветская Россия – это страна «победившего тэтчеризма».

После того, как мы позиционировали правый радикализм относительно консерватизма, с которым он близок генетически, мы можем напрямую обратиться к одному из ключевых моментов нашей работы – попытаться определить суть праворадикальной идеологии как таковой. И первейшая теоретическая проблема, которая при этом возникает, это соотношение понятий (терминов) правого радикализма и фашизма.

Содержание понятия «фашизм», равно как и критерии идентификации фашистской идеологии долгое время оставались дискуссионными и использовались спекулятивно.

И если в западных исследованиях после публикаций работ Роджера Гриффина, Стэнли Дж. Пейна, Роджера Итуэлла и др. удалось достичь некоторого консенсуса в трактовке данного понятия, то в отечественной науке эта проблема до сих пор не решена

6. Отсутствие чётких критериев квалификации того или иного комплекса идей в качестве фашистской идеологии Краткий обзор российских научных исследований, посвящённых данной теме, с соответствующими выводами.

Современный правый радикализм: проблема идентификации признаков затрудняет проведение конкретных социологических исследований, которые позволили бы выявить степень распространения этих идей и социальную базу потенциального фашистского движения. В результате складывается опасная ситуация, когда научные исследования не имеют прогностической силы и вынуждены фиксировать распространение фашистской идеологии уже «по факту», по тем эксцессам, которые являются результатом, а не причиной данного феномена

7. Тем более в сложной ситуации оказываются государственные органы по профилактике и противодействию экстремизму и радикализму. Поэтому крайне важным представляется уточнение, конкретизация и операционализация для социологического исследования того комплекса идей, который следует признавать (про)фашистским.

Решение поставленной задачи осложняется пресловутой «гибкостью» фашистских идеологий, нередко способных сочетать несовместимые идеи. На «беспрецедентный эклектизм» фашизма обращал внимание, в частности, авторитетный отечественный исследователь А. А. Галкин: он отметил, что в этой идеологии сочетаются идеи аристократизма и «народности», национализма и наднациональной общности фашистов, антикапитализма и созидательного характера капитала, автаркии и единого европейского рынка, расистской кастовости и народной общности, презрения к массе и воспевание человека труда и т. д. Этот эклектизм усложняет задачу экспликации некоего общего ядра фашистской идеологии. Методологически эту проблему очень ёмко выразил Стэнли Джордж Пейн: «...Сведение

всех возможных фашизмов к одному-единственному родовому феномену с полностью совпадающими характеристиками неточно, в то время как совершенно номиналистический подход, настаивающий на существенных отличиях между радикальными националистическими движениями в межвоенной Европе, хотя и верен в узкотехническом смысле..., имеет противоположный дефект игнорирования характерных отличительных черт». В связи с этим в исследованиях фашизма получила распространение методология идеальных типов М. Вебера, позволяющая фиксировать «родовые» признаки фашизма, независимо от многообразия конкретных его проявлений.

Такой методологии, в частности, следует профессор исторического факультета университета «Оксфорд Брукс» (Oxford Brookes University) Роджер Гриффин. Используя веберовскую методологию, он попытался определить «идеальный тип», «родовую сущность» фашизма. В своей ставшей классической работе «Сущность фашизма» Р. Гриффин предложил следующее определение: «Фашизм – это вид политической идеологии, мифическое ядро которой в его различных модификациях есть палингенетическая форма популистского ультра национализма». Таким образом, основу фашистской идеологии, согласно Р. Гриффину, составляют два базовых концепта: миф о возрождении (палингенетический миф) и популистский ультра национализм.

Концепт палингенезиса может находить своё выражение в самых разнообразных идеологемах. Р. Гриффин приводит в пример концепцию «Третьего Рима», идеологема «рассвета новой эры», «нового человека», сценарии планетарной катастрофы в политической философии «зелёных» и даже мечту Джорджа Буша о «Новом мировом порядке». Из утопических мечтаний о «возрождённой Европе» возникло Европейское экономическое сообщество, ставшее впоследствии одной из трёх «опор Европейского Союза». Представлениями о «восстановлении эволюционного пути развития России», якобы, прерванного революцией 1917., руководствовались реформаторы 1990-х гг.²⁵

²⁵ См., например, публикации Информационно-аналитического центра «Сова», в которых на систематической основе отслеживаются проявления праворадикальных, ультра националистических идей, расизма и ксенофобии в России. Важность этих исследований трудно переоценить, однако они носят скорее диагностический характер и не всегда фиксируют скрытые тенденции. Грубо утрируя: методологически проблема социологических исследований в данной области заключается в том, что включённое наблюдение требует слишком больших ресурсов, а социологический опрос не всегда способен выявить потенциальных (а не актуальных) носителей праворадикальных идей, поскольку опрашиваемые индивиды сами не осознают себя в качестве таковых; они могут даже стесняться своих взглядов и потому скрывать их, а квалификацию их в качестве фашистских считать оскорблением. Поэтому необходимы более тонкие исследовательские инструменты, способные выявить профашистские взгляды на уровне мировоззре-

Собственно, сама революция 1917 г. была глубоко палингенетическим событием, осознаваемым как «новое начало», приходящее на смену «до основанья разрушенного старого мира».

Как разъясняет Р. Гриффин, «в основу палингенетического политического мифа положена вера в то, что современники уже переживают или собираются пережить «преображение», «водораздел» или «поворотный момент» в историческом процессе». Содержательно палингенетический миф связан с идеей революционного преобразования общества. Однако термин «революция» трактуется не в его первоначальном значении – как возвращение к идеализированному прошлому, что имело место в циклическом видении истории, – но в «радикально-реставрационном смысле «второго рождения», происходящего после периода ощущаемого упадка». Тем самым палингенетический миф воспекает «новое начало» или «возрождение» после кризиса. Крайне характерной для этого мифа является идеология мессиански осмысленного «нового человека» – «политизированная версия типичного «мифа героя»». Вождизм и культ личности, традиционно приписываемые фашистской идеологии, на самом деле не являются её атрибутами, хотя и вытекают из идеологии о «новом человеке».

Вторым базовым концептом фашистской идеологии является популистский ультранационализм. Палингенетический миф содержится во многих версиях идеологий, не имеющих отношения к фашизму. Только комбинация обоих концептов специфицирует идеологию в качестве фашистской. Термин «популистский» означает опору на массу, на «власть народа», как способ легитимации элит или революционных «авангардов». Термин «ультранационализм» близок по смыслу к «интегральному» или «радикальному» национализму и означает ту форму национализма, которая последовательно отрицает либеральные институты и гуманистическую традицию Просвещения. Тем самым «популистский ультранационализм» отказывается от принципов как абсолютизма, так и плюралистического представительного правления: «В веберовских терминах он (популистский ультранационализм) отвергает и «традиционные», и «легальные/рациональные» формы политики в пользу превалирования «харизматических» форм, в которых сплочённость и динамизм движений зависят почти исключительно от способности их лидеров стимулировать лояльность и действие».

Популистский ультранационализм связан с понятием нации «как «высшей» расовой, исторической, духовной или органической реальности, которая охватывает всех членов этического сообщества, которые к нему принадлежат». «Нация», воспринимаемая как некий естественный порядок, нуждается в защите от «загрязняющих» её элементов, таких как: сме-

ния, до того, как они сложатся в идеологию и выплеснутся в публичную политику в рамках массового движения.

шение рас, иммиграция, анархические склонности, непатриотическая ментальность, либеральный индивидуализм, интернациональный социализм, а также тенденции, развязанные «современным» обществом («восстание масс», крушение моральных ценностей, нивелирование социальных различий, космополитизм, феминизм и т. д.).

Именно соединение в единое идеологическое ядро двух названных концептов специфицирует фашизм и придаёт ему мощную энергию для мобилизации масс: «В определённых условиях фашистское представление о сильной новой нации, вырастающей из разрушения старой системы, может вызвать в восприимчивых умах почти волшебную способность преобразовать безысходное отчаяние в безумный оптимизм и тем самым позволить партии, продвигающей такое представление, завоевать массу последователей». И именно поэтому фашизм крайне неустойчив в политическом плане: существуя только в условиях глубокого кризиса, он неспособен обеспечить приемлемую социальную стабильность; он может только поддерживать движущий его импульс и сплочённость, «постоянно ускоряя события, которые, казалось бы, осуществляли обещание непрерывной революции продолжающегося палингенеза». Тем самым фашизм оказывается обречён на перманентное воспроизводство кризиса, который только и может быть условием его собственного существования.

Этим же обусловлена и необходимость использования тотальной пропаганды и социальной инженерии с целью прикрыть расширяющийся разрыв между утопическими обещаниями и действительностью.

К менее значимым характеристикам «идеального типа» фашизма относятся следующие:

- «творческий нигилизм» как сочетание культурно-исторического оптимизма, – веры в возрождение и очищение нации, – с опорой на насилие и разрушение, когда эта вера не оправдывается реальными событиями;

- «альтернативный модернизм» – фашизм стремится к созданию нового типа общества, заимствуя социально-культурные образцы из прошлого лишь в качестве предпосылки национального возрождения, а не дублирования этих образцов в настоящем. В этом и состоит одно из важнейших отличий фашизма от консерватизма;

- революционный радикализм как способ достижения идеалов национального возрождения;

- примордиалистское понимание нации. Биологический расизм не является атрибутивным признаком фашизма и зависит от целого ряда факторов внешней среды: предшествующей традиции ксенофобии, расовой дискриминации и т. д. Однако, в целом, фашизму свойственно отрицание культурного плюрализма и многоэтнических обществ, что говорит о его крайнем национализме, не обязательно связанном с антисемитизмом и геноцидом;

- империализм также не является атрибутом фашизма. Несмотря на то, что исторически существовавшие формы фашизма были империалистически ориентированы, Р. Гриффин не считает связь между возрождением национального сообщества и потребностью в увеличении его «жизненного пространства» посредством завоеваний. В частности, он указывает на то, что главная тема современного фашизма – «Европа наций».

- антиконсерватизм, антилиберализм, антисоциализм. Таким образом, уже в начале 1990-х гг. Р. Гриффином была предложена модель, позволяющая достаточно чётко идентифицировать фашистскую идеологию. Как уже отмечалось выше, схожую концепцию предложил российский исследователь А. А. Галкин. Согласно его определению, «фашизм – это правоконсервативный революционаризм, пытающийся, не считаясь с жертвами, с социальной ценой, снять реальные противоречия общества, разрушив всё то, что воспринимается им как препона к сохранению и возрождению специфически понимаемых извечных основ бытия». К признакам фашизма, позволяющим идентифицировать его современных адептов, А. А. Галкин относит следующие:

- крайний антикоммунизм;
- шовинизм и расизм;
- склонность к конспиративным теориям, позволяющим завоевать массы;
- апологетика «сильной (антидемократической) власти»;
- империализм.

Ряд ценностей фашизм заимствует у традиционного консерватизма:

- пренебрежительное отношение к личности, представление о греховности человеческой природы, из которого вытекает требование «жесткой руки» и тотального контроля в управлении людьми;
- недоверие к разуму, чрезмерное упование на который провозглашается главным источником бедствий;
- оценка нации как основной ячейки и движущей силы общественного устройства,
- стремление свести историю к межнациональным отношениям.

Как специально оговаривается А. А. Галкин, ни одна из перечисленных ценностей сама по себе не является фашистской, равно как их простая совокупность также не определяет фашистскую идеологию. Однако все фашистские идеологии включали перечисленные элементы, поэтому могут использоваться для идентификации этой идеологии.

Прежде, чем сделать выводы, вырисовывающееся концептуальное ядро фашизма следует дополнить результатами ещё нескольких исследователей. Известный итальянский историк Эмилио Джентиле выделил десять ключевых элементов идентификации фашизма:

- массовое движение, основывающее свою идентичность на чувстве товарищества, связывающее себя с миссией национального возрождения и имеющее целью установление «нового» антипарламентского режима;

- «антиидеологическая» и прагматическая идеология, провозглашающая себя антиматериалистической, антииндивидуалистической, антилиберальной, антидемократической, антимарксистской, является популистской и антикапиталистической в тенденции; эта идеология выражает себя более эстетически, чем теоретически, с помощью нового политического стиля и мифов, обрядов и символов; она выступает в роли мирской религии, призванной интегрировать массы с целью создания «нового человека»;

- культура основана на мистицизме и трагическом активизме, на превознесении милитаристской политики как модели жизни и коллективной деятельности;

- тоталитарная концепция примата политики в виде полного слияния личности и массы в мистическом единстве нации как этнического и морального сообщества; дискриминация «врагов» нации или режима;

- гражданская этика основана на тотальной приверженности национальному сообществу, на дисциплине, мужественности, духе товарищества и воинства;

- одна партия, имеющая своей задачей обеспечение вооружённой защиты режима, отбора руководящих кадров и организации масс внутри государства;

- полицейский аппарат, предупреждает, контролирует и подавляет инакомыслие и оппозицию посредством организованного террора;

- политическая система организована иерархически и увенчана фигурой вождя, наделённого сакральной харизмой, который направляет и координирует деятельность партии и режима;

- корпоративная организация экономики, которая подавляет профсоюзы, расширяет сферу государственного вмешательства и добивается на основе принципов технократии и солидарности сотрудничества с «секторами производства» при сохранении частной собственности и классового расслоения;

- внешняя политика вдохновляется мифом о национальном могуществе и величии с целью империалистической экспансии.

Не меньшего внимания заслуживает концепция Ст. Дж. Пейна, сформулированная им ещё в 70-х гг. и получившая своё завершение в работе «История фашизма», которая считается одной из лучших по данной теме. Ст. Дж. Пейн определяет фашизм как «форму революционного ультранационализма, выступающего за национальное возрождение, основанного на виталистской философии, включающего крайний элитизм, массовую мобилизацию и принцип вождизма, положительно оценивающего насилие, а значит, склонного к нормализации войны и/или воинских доб-

родетелей». Соответственно этому определению, типологическое описание фашизма, согласно Ст. Дж. Пейну, включает в себя три группы характеристик:

- идеология и цели фашизма: национализм, положительная оценка войны, империализм, корпоративизм;
- что отрицается фашизмом: либерализм, коммунизм, консерватизм;
- стиль и организация: массовое милитаризованное движение, акцент на эстетике, широкое использование символики, превознесение мужественности, органическое представление об обществе, высокая оценка роли молодёжи, подчёркивание конфликта поколений, тяготение к авторитарному, вождистскому стилю управления.

Однако, по мнению Роджера Итуэлла, в рассмотренных концепциях содержится несколько недостатков, которые не снижают эвристической ценности этих подходов, но приводят к неверному расставлению акцентов. Так, одной из проблем подхода Ст. Дж. Пейна является его трактовка идеологии, в которой выделяются частные детали и при этом упускается важность анализа базовых концептов, связывающих идеологию в единое целое:

То есть, методологическая проблема частного и общего, о которой говорилось выше, Ст. Дж. Пейном решается неудовлетворительно. С этим связан и второй недостаток — акцент на том, что отрицается фашизмом. Как утверждает Р. Итуэлл, такое отрицание не специфицирует фашизм как политическую идеологию и использовалось скорее в пропагандистских войнах с другими идеологиями за «место под солнцем». И, наконец, Ст. Дж. Пейн в своих исследованиях сосредоточился на межвоенном фашизме и его модель не может быть универсализирована, поскольку не учитывает особенности послевоенного фашизма.

Ряд критических замечаний Р. Итуэлл высказал и в адрес концепции Р. Гриффина. По его мнению, акцент, который Р. Гриффин делает на мифологических основаниях фашизма, преуменьшает рациональную сторону этой идеологии. Определение идеи возрождения в качестве центральной стирает различия между идеологией и пропагандой. Термин «популизм» не имеет чётких критериев и т. д. Поэтому Р. Итуэлл предлагает своё определение фашизма и четыре критерия его идентификации. Под фашизмом он понимает «идеологию, которая борется за социальное возрождение на основе холистски-националистического радикального Третьего пути, хотя на практике фашизм, как правило, делает больший акцент на стиле (особенно на действиях и харизматичном лидере), чем на детальной программе, и участвует в манихейской демонизации своих врагов». В соответствии с этим определением, критериями фашистской идеологии Р. Итуэлл полагает следующие:

- вера в разделение мира по национальному признаку (при этом господствующей формой является культурный национализм, а не биологический расизм);

- холистское представление о том, что целое больше своих частей, а коллектив доминирует над частными правами и интересами; - стремление создать новую политическую культуру, альтернативную форму современности посредством мобилизации и насилия;

- попытка найти «третий путь», сочетающий положительные черты капитализма (частную собственность, динамизм развития) и социализма (заботу о сообществе и благосостоянии).

Вероятно, под давлением подобной критики Р. Гриффин обратился к методу «идеологической морфологии», предложенной Майклом Фридемом, что позволило лучше структурировать концептуальную модель фашизма. Однако это обращение было связано также с определённой идеологической и организационной трансформацией самого послевоенного фашизма – в «постфашистскую эпоху» (Э. Нольте). Вместо массовых движений и партий, фашистская идеология облекается теперь в организационные формы ризоматического типа – группускулы. Поэтому характеризовать данное явление как популистское уже не приходится. В связи с этим возникает необходимость говорить о «новом лице фашизма», корректировать и развивать его концептуальную модель. Теперь Гриффин рассматривает межвоенный фашизм лишь как одну из исторических версий «родового фашизма», современным проявлением которого он считает «праворадикальные группускулы».

В характеристике Гриффином «группускулярной правой» следует акцентировать тезис о двух стратегиях политического выживания правого радикализма в современную эпоху. С одной стороны, это выражается в производстве лингвоидеологических гибридов, когда неофашистские идеи выражаются в квазилиберальных терминах с расчётом на массовую поддержку избирателя (феномен правого неопопулизма). Вторая стратегия заключается в создании мелких элитарных организаций по принципу религиозного ордена (секты) в ожидании либерального «конца света».

Группускулы характеризуются организационной автономностью, сочетаемой со способностью к объединению, что позволяет им образовывать неиерархическое многоцентровое движение с подвижными границами. «В контексте современной правоэкстремистской политики, – поясняет Р. Гриффин, – группускулы в сущности представляют собой небольшие политические образования..., стремящиеся к реализации палингенетических... идеологических, организационных или активистских задач; их конечной целью является преодоление предполагаемого упадка существующей либерально-демократической системы».

Вторая особенность менталитета праворадикальных группускул – это безудержный синкретизм, смешивающий в одну кучу всевозможные

радикальные политические идеи – не задумываясь, откуда они родом: слева или справа, с Запада или с Востока. Типичным примером такого синкретизма стало возрождение «левого нацизма» (национал-большевистских вариантов «третьей позиции»). Вот как это описывает Гриффин: «Левые культовые фигуры, например, Че Гевара и субкоманданте Маркос вошли в пантеон неофашистов, которые позиционируют себя как национальных революционеров; многие сейчас серьезно пытаются пропагандировать нацизмаизм, основанный на «фашистской диктатуре пролетариата». Современные фашисты поддерживают Ирландскую республиканскую армию, RAF, Ливию Каддафи и «борьбу палестинского народа против сионизма». ...А еще есть национал-анархизм – возможно, самый странный оксюморон на сегодняшний день. Национал-анархисты заимствуют фашизм справа и слева. Справа – это индивидуалистский анархизм Штирнера, аристократический радикализм Ницше, революционный консерватизм Юнгера и элитарный традиционализм Эвола. Слева – тайный бунт Бакунина, пропаганда действия Кропоткина, мифическое насилие Сореля и синдикалистский мютюэлизм Прудона. Террористический аспект они берут из заговорщического нигилизма Нечаева и анти-индустриального луддизма Качинского».

Но эклектичность дискурса праворадикальных группускул не означает, что этот дискурс теряет свои ядерные значения, относящие его к группе идеологий под общим именем «правый радикализм» или «родовой фашизм». Стоит согласиться с Гриффином, что в послевоенном (нео)фашизме стало трудно распознать корневую идею праворадикальной идеологии – «озабоченность национальным упадком и возрождением». И, тем не менее, британский политолог называет, по меньшей мере, три признака того, что «первоначальное» фашистское мышление сохраняется даже в экстремистских национал-большевистских разновидностях группускулярной идеологии. Во-первых, об этом говорит то, что эти разновидности «главным образом беспокоятся о культурном упадке, а не о социальной несправедливости или же неравенстве». Во-вторых, даже когда они критикуют политическую или социальную несправедливость, «они, тем не менее, считают, что причиной упадка современного мира является принцип эгалитаризма, а также размывание культурной и этнической идентичности». В-третьих, признаком классического фашизма у многих современных крайне правых является концепция европейского возрождения как победы арийцев над расово низшими врагами. Гриффин подчеркивает: «Сравнение российских, итальянских, немецких и французских разновидностей европейской (и определенно не тэтчеровской) «новой правой» подтверждает эту модель».

Еще один момент, на который обращает внимание Гриффин, – это перспективы идейно-политического сотрудничества между правыми радикалами и консервативными «новыми правами». Для России, где праворадикальные идеологии и движения часто незаметно (в том числе и на кад-

ровом уровне) перетекают в более умеренные (на словах) консервативные силы, этот момент исключительно важен. Гриффин замечает по этому поводу следующее: «Превращение крайне изолированного итальянского ИСД в «избирабельную» партию Alleanza Nazionale (Национальный альянс, ит.) Джанфранко Фини было предварено интенсивной группускулярной активностью на периферии основной партии, в результате чего в ней укоренились идеи «французских» и доморощенных эволюистских «новых правых». В то же время случай с Александром Дугиным показывает, что даже группускула способна в определенной степени оказывать прямое влияние на правительственные круги и, следовательно, на выработку официальных политических решений».

Подчеркнем, что анализ «родового фашизма» Р.Гриффин ведёт с опорой на упомянутую выше методологию М. Фридена. Соответственно, он выделяет определяющие, неустрашимые элементы «родового фашизма», смежные с этими элементами понятия и периферийные (случайные, зависящие от внешней среды, в которой развивается фашистская идеология). Базовые концепты остаются почти неизменными – палингенетический миф и ультранационализм, который, правда, уже не характеризуется как популистский.

К смежным понятиям относятся:

- антилиберализм (либерализм и, в частности, либеральный индивидуализм, космополитизм и аморализм, рассматривается как одна из главных причин кризиса современного общества; в связи с необходимостью очищения общества от «скверны либерализма» отрицаются конституционные процедуры, плюрализм и гуманизм);

- антиконсерватизм (связан с идеологемами революции, преодоления сложившегося порядка в ситуации кризиса, подчёркнутым антиэлитаризмом);

- антиматериализм и антирационализм («идеализм» рассматривается как потребность в утопических целях и мифах; акцентирование воли, духа, чувственности; «творческий нигилизм», сочетаемый с опорой на насилие и разрушение как средство очищения нации и преодоления кризиса);

- национал-социализм (стремление преодолеть классовые различия в рамках национального единства);

- различные формы расизма (возвеличивание «своей» расы и её исторической судьбы либо отрицание культурного плюрализма и полиэтнических обществ);

- маскулинность (возвеличивание «мужских» принципов героизма, милитаризма и дисциплины).

В (нео)фашизме («группускулярной правой») появляются и новые понятия, отражающие проблематику последних десятилетий. К ним относятся: борьба за национальное или этническое возрождение в международном и/или наднациональном контексте («Европа наций»); метаполитизация

фашизма – борьба за восстановление уникальной этнической и национально-культурной специфики, якобы размываемой глобализацией; идеологическая гибкость фашизма, обусловленная его независимостью от массовых движений.

К периферийным понятиям Р. Гриффин относит следующие:

- культ личности (возвеличивание лидера, вождя), сочетаемый с харизматическим, ритуальным, театральным стилем политики;
- парамилитаризм, акцентирующий молодёжные движения, власть и моральные достоинства армии;
- масштабные собрания, шествия, стремление демонстрировать единство;
- шовинизм;
- антисемитизм и евгеника;
- корпоративная экономика.

В числе новых понятий фиксируются: проблемы генной инженерии, абортов, иммиграции, экологии и т. д.

Таким образом, концептуальная модель фашизма, разработанная Роджером Гриффином и уточнённая в методологическом контексте идеологической морфологии Майкла Фридена, позволяет идентифицировать некоторую совокупность взглядов в качестве фашистских. Этот эвристический потенциал модели продемонстрировал сам Р. Гриффин, проанализировав идеологию итальянской партии «Национальный альянс» (Alleanza Nazionale) Джанфранко Фини.

Подводя итог, можно сказать следующее. Изложенная выше аргументация позволяет операционализировать основные понятия, которые выполняют роль индикаторов фашистской идеологии. Базовыми компонентами такой идеологии являются два концепта:

- радикальный ультранационализм;
- идея посткризисного революционного возрождения (палингенез).

Гораздо более вариативными являются смежные понятия:

- крайне негативное отношение к либеральному индивидуализму, космополитизму и моральной нейтральности;
- критическое отношение к консерватизму за его неприятие революционных изменений;
- «творческий нигилизм» как основа создания новой политической культуры;
- подчёркнутый антиэлитаризм;
- пренебрежительное отношение к личности, подчинение её интересов и ценностей интересам коллектива;
- поиск «третьего пути» между капитализмом и социализмом;
- акцент на действии, превознесение воли и мужских принципов героизма, милитаризма и дисциплины;
- мистицизм как основа культуры.

Менее значимыми представляются периферийные концепты, такие как:

- культ личности и вождистский принцип;
- ритуальный, театральный стиль политики;
- парамилитаризм, акцентирующий молодёжные движения, власть и моральные достоинства армии;
- масштабные собрания, шествия, стремление демонстрировать единство;
- шовинизм;
- антисемитизм, евгеника и др.

Можно сделать вывод, что перечисленные признаки могут быть положены в основу программы социологического исследования, с целью выявления профашистских настроений, способных эволюционировать в массовое фашистское движение. Однако для проведения подобного исследования в России необходимо адаптировать описанную модель к российским социально-культурным и политическим реалиям.

А. А. Галкин выделяет два основных идеологических течения в российском праворадикальном лагере: 1) западническое, подчеркивающее свою принадлежность международному фашизму; и 2) почвенническое, избегающее идентификации с фашизмом и акцентирующее идею самобытного развития России. Именно второе течение А. А. Галкин полагает наиболее опасным, поскольку оно не подражает прошлому, но пытается находить новые формы воплощения фашистских идей, с учётом современной политической проблематики. Кстати, Р. Гриффин выделяет два аналогичных течения правого радикализма в посткоммунистической России.

Охарактеризуем теперь подробнее концептуальную структуру отечественного правого радикализма.

1. Базовые концепты.

1.1. Радикальный ультранационализм.

Нация рассматривается как высшая реальность и ценность, которая нуждается в защите и развитии. К одной из ключевых идеологем, которые специфицируют почвенническое (в терминологии А.А. Галкина) направление русского фашизма можно отнести следующую: «русская нация» чаще всего рассматривается не в примордиалистском смысле (хотя встречается и примордиалистская трактовка), но в культурно-цивилизационном²⁶.

Объяснить это можно нередко встречающимся парадоксальным сочетанием идей нации и империи, позволяющим экспансионистские устремления. Поэтому цивилизационная идентичность легко сочетается с понятиями: территория, язык, история, традиции, мироощущение и куль-

²⁶ Важно отметить, что речь не идёт о конструктивистском смысле «гражданской нации».

тура. Надо признать, что такая трактовка нации позволяет включить неславянские народы России в понятие «русского народа».

Характерно то, что речь идёт о «трёх ветвях Русского народа» – «великороссах», «малороссах» и «белороссах». При этом любая попытка одной из «братских» ветвей обрести собственную идентичность рассматривается как предательство, отступничество от «общей Судьбы». Для «почвенников» характерно также стремление отмежеваться от европейского фашизма, обосновать уникальный «Третий путь», который имеет не социально-экономические (как в европейских версиях фашизма), но культурно-цивилизационные основания. Нередко в качестве таких оснований выступает православие. Довольно часто также встречается резко негативное отношение к понятиям «россияне» и «советский народ».

Внутренними врагами нации являются иммигранты, мусульмане, кавказцы, левые политические силы, либералы, представители нетрадиционной сексуальной ориентации и др. меньшинств, евреи («понаехавшие», «чурки», «чернож...пые», «обезьяны», «национал-предатели», «пятая колонна», «либерасты», «гомосеки», «жиды» и т. д.). К внешним врагам нации относятся: США, страны Европы («Запад»), НАТО, страны Азии, «масоны», «мировое еврейство», «мировое правительство», Украина («пендосы», «гейропейцы», «узкоглазые», «мировая олигархия», «каклы», «бендеровцы» и др.). В качестве истоков и причин кризиса в России нередко называются: СССР и «коммуняки», хотя к Сталину нередко отношение позитивное; либералы-реформаторы 90-х гг. («продажные либерасты, плясавшие под дудку пендосов и целенаправленно уничтожавшие русский народ»); иммигранты, кавказцы; внутренние враги.

Можно предположить, что проблематизация тех или иных аспектов национальной идентичности и «врагов нации» зависит от источников социальной напряжённости, характерных для региона. Так, для правых радикалов Юга России, скорее всего, более актуальной будет «проблема кавказцев, мусульман и либерастов», чем евреев, католиков и «коммуняк». По сути, об этом же говорит и А. А. Галкин, когда предупреждает, что «почвеннический» фашизм в России наиболее опасен по той причине, что он не будет копировать проблематику европейского фашизма, но «будет современным», т.е. сможет найти новые формы воплощения фашистской идеологии, в которых будут выражаться актуальные проблемы.

1.2. Идея посткризисного революционного возрождения (палингенез). К идеологемам, связанным с этим концептом, можно отнести обеспечение «количественного и качественного роста русской нации», возрождение «Великой России» (иногда в расовом аспекте: «Белой Расы»), воссоединение «искусственно разделённого русского народа» (великороссов, малороссов и белорусов), реализация «Демографического потенциала русского народа». В качестве иллюстрации можно сослаться на идеологию «Национал-патриотов России» (НПР): национал-патриотизм, согласно его

сторонникам, приобретает своё значение во «времена упадка, разрухи и деградации»; именно это состояние переживает в данный момент «русская нация», что объясняется её разобщённостью и раздробленностью. Поэтому одной из главных задач НПР провозглашается «сплочение нации для возрождения мира в России и духа русского народа».

Политические формы «возрождения России» весьма разнообразны. Здесь и «имперцы» с идеей «возрождения России через возрождение Империи», и сторонники возрождения «православного государства», и монархисты, «возрождающие самодержавие», и борцы за «народный суверенитет», «возрождающие местное самоуправление». Обращает на себя внимание довольно частая апелляция к местному самоуправлению, земству. Похоже, что это можно рассматривать в качестве отличия от европейского фашизма, который чаще всего был этатистски ориентирован. Русские праворадикалы тоже много говорят о «Русском государстве», но при этом не отрицают «демократию», парламент и партии, и ностальгируют по земским традициям самоуправления. Впрочем, несмотря на разнообразие взглядов на политическое устройство «возрождённой России», для многих праворадикалов общей ценностью является территория. Поэтому, наверное, те или иные формы империализма можно считать одной из специфицирующих русский фашизм характеристик. Кроме того, для русских праворадикалов характерны мессианские претензии.

С европейским фашизмом отечественных праворадикалов сближает частое употребление биологических аналогий, метафор и т. д. (власть в России «больна», государство нужно «лечить», «элиты разложились», нация «растёт» и «расцветает», «великорусский ствол», «ветви Русского народа» и т. д.).

2. Смежные концепты.

2.1. Антилиберализм.

Либерализм рассматриваются как одна из главных причин упадка и деградации современной России, оказавшейся в «глубочайшем системном кризисе, в который её загнали безответственные экспериментаторы». Вместо «либеральной разнузданности», с которой прочно ассоциируются геи, «жиды», гедонизм, культ денег и т. д., провозглашается служение нации, идеалы мужественности. Правовое государство и конституционные процедуры отрицаются в пользу «естественных человеческих прав» на основе традиций.

2.2. Антиконсерватизм также как и в европейских версиях правого радикализма, связан с идеологемами революции, преодоления сложившегося порядка в ситуации кризиса, подчёркнутым антиэлитаризмом.

2.3. «Творческий нигилизм» преломляется в виде презрительного отрицания массовой культуры и сочетается с опорой на насилие как средство очищения нации.

2.4. Антиматериализм и антирационализм в российском контексте конкретизируются в идеологемах: «духовная суверенность» России, православие (как «изначально культуuroобразующая религия»), культурная самобытность России, представление о России как русской традиции-цивилизации, идеалы «социальной правды», симфония светской и церковной власти.

2.5. Холизм находит своё выражение в постулировании традиций общинности и соборности, организмических аналогиях («Нация – это самовозрастающий, способный к сверхплеменной солидарности социальный организм»), провозглашении триединства личности, нации и государства.

2.6. Маскулинность проявляется в культе армии, спорта, здоровья, семьи, национализма и мужественности, самоотверженного служения нации и государству и нации.

2.7. Поиск «Третьего пути». В отличие от западных версий фашизма, в которых «третий путь» имел экономическое измерение и полагался между капитализмом и социализмом, в России эта идеологема нередко приобретает экзистенциальный, культурно-цивилизационный характер – как самобытный путь между «Западом» и «Востоком».

2.8. Мистицизм как основа культуры мало чем отличается от западных течений правого радикализма.

2.9. Империализм выражается в популярных геополитических конструкциях, среди которых нередко встречаются идеи «возвращения русским народом утраченных» (во время кризиса) геополитических позиций.

3. Периферийные концепты

3.1. Культ личности и вождистский принцип не характерен для почвеннической версии фашизма (если и проявляется, то в возвеличивании Сталина).

3.2. Ритуальный, театральный стиль политики («русские марши» и т. д.).

3.3. Парамилитаризм (полувоенный характер молодёжных организаций и движений, высокий моральный авторитет армии).

3.4. Масштабные собрания, шествия, стремление демонстрировать единство.

3.5. Шовинизм проявляется как по отношению к внутренним «врагам» (кавказцам, иммигрантам, «пятой колонне» и т. д.), так и к внешним (к «пендосам», «гейропейцам», украинцам и т. д.).

3.6. Антисемитизм зависит от трактовки «русской нации». Хотя в целом свойственен почвенническому фашизму.

3.7. Корпоративизм в экономике не столь значим, как в европейском фашизме.

В заключение заметим, что идентификация структуры праворадикальных идеологий – как бы она ни была сама по себе важна – ещё не позволяет выносить решение о праворадикальном статусе какой-то конкрет-

ной политической организации. Чтобы решить этот вопрос правильно, необходим более дифференцированный подход. Так, в западной литературе различают между праворадикальной субкультурой, праворадикальным движением и праворадикальными партиями. Но прежде всего, надо отличать фактическое дискурсивное поведение соответствующего политического актора от его идеологической самооценки. В противном случае можно фатально недооценить момент политического (само)инсценирования. Так, немецкий политолог Т. Байхельт толкует «революционный экспансионизм» (выражение А. Умланда) партии Жириновского буквально в духе правого радикализма. По его словам, националистическая идеология ЛДПР «соединена со значительным элементом фашизма, когда предполагаемое умиротворение «Юга» методами империалистической политики рассматривается не только как расширение внешней мощи России, но также как средство её духовного возрождения». Однако для любого человека, понимающего реальный (коммерческо-шутовской) характер дискурсивного поведения ЛДПР, неадекватность такого суждения очевидна. Этот пример показывает, что без учета всей широты дискурсивного и социального контекста идентификация праворадикальных политических акторов вряд ли возможна. Ведь в этом контексте праворадикальные идеи – при всей грозности своей изолированной трактовки – часто оказываются лишь «своего рода валютой, используемой в торговле позициями».

В этом контексте интересно отношение российских правых радикалов к В. В. Путину: оно варьируется от резко отрицательного до весьма прохладного. Судя по всему, В. В. Путина они считают «слишком европейским политиком», чуждым идей «возрождения величия русской нации».

Глава 3. Основные направления ослабления и борьбы с терроризмом как формой хомодеструктивной экономики

1. Ослабление финансирования терроризма и финансового терроризма

Если рассматривать терроризм с различных позиций рано или поздно можно сделать вывод о том, что глобализация террористической угрозы невозможна без масштабного финансирования террористической деятельности.

Финансирование радикального исламизма ведется не только из всех стран Залива, но и по каналам исламской диаспоры. Однако непосредственное отношение к формированию и курированию деятельности террористических структур имеют в настоящее время именно Эр-Рияд, Доха, Исламабад и Анкара.

При этом финансирование идет как по легальным каналам (например, общества исламского возрождения, различные фонды, имеющие культурно-религиозное прикрытие), так и по нелегальным, «черным» каналам. Примером последних является международная теневая структура «Хавалла», что в переводе с арабского означает «вексель». Согласно правилам данной структуры субъект, желающий направить деньги в другую страну, проходит в офис «Хаваллы», вносит деньги, получая в ответ кодовое слово, назвав которое его контрагент в другой стране может получить деньги. Несколько филиалов «Хаваллы» в частности, были ликвидированы при закрытии печально известного «Черкизона» в городе Москве.

Другое направления финансирования терроризма – это финансирование разведывательными службами иностранных государств, заинтересованных в поддержании нестабильности в конкретном регионе и зачастую через подставные фирмы и организации финансирующими террористические организации практически напрямую.

Здесь следует сделать интересный акцент: США начиная с конца Второй мировой войны, а конкретно с 1944 года, когда состоялась Бреттон-Вудская конференция, сменившая золотой стандарт на долларовую привязку мировых валют, постоянно расширяют зону доллара по всему миру.

Этим американцы достигают ряд глобальных стратегических целей:

✓ во-первых, общеизвестно, что в зоны вооруженных конфликтов (в частности Афганистан, Ирак, Сирию, Египет, Украину, Грузию) США стремятся «вкачать» триллионы инфляционных долларов, завозя не медикаменты, одежду, питания, а именно свои инфляционные доллары;

✓ во-вторых, как метко выразился отечественный аналитик М. Хазин: «...С тех пор как США убедили весь мир расплачиваться долларами, нефть, газ, золото стали стоить для них не дороже бумаги и краски, необходимых для их производства...»;

✓ в-третьих, при помощи современных технологий в современные долларовые купюры монтируются различные источники информации, делающие доллар своего рода индикаторами, по которым специалисты Федеральной резервной системы США могут определить, из какой страны поступил этот доллар, в каких сделках использовался и т. д.;

✓ в-четвертых, за доллары покупаются не только ресурсы, но и лояльность партий, марионеточных правительств и проч. Об этом достаточно подробно написано в книге Дж. Перкинса «Исповедь экономического убийцы».

Таким образом, действия США, выражаясь фигурально, как минимум можно расценивать как недобросовестную конкуренцию, а при определенном ракурсе – и как финансовый терроризм.

В этой связи представляется интересным тот факт, что американские снаряды никогда не попадают в нефтяные вышки Исламского государства. Ответ прозаичен: американцы через подставные фирмы приобретают нефть, добываемую на территории Исламского государства.

В международной практике необходима концентрация усилий в сфере выявления источников финансирования терроризма и их перекрытия. Очень часто террористы привлекают «частные пожертвования на ведение «священной борьбы»», а также доходы, полученные ими от совершения противоправной деятельности (похищения людей, торговли наркотиками, оружием, органами человеческого тела и т. д.).

Именно поэтому необходим действенный контроль за финансовыми потоками в рамках мировой финансовой системы, возможность перекрывать каналы поступления денежных средств, имеющих отношение к финансированию терроризма.

В рамках противодействия финансовому терроризму также необходимо освободиться от тотального влияния доллара, подорвать монополию доллара в международных расчетах, обязав зарубежных контрагентов проводить расчеты, например в рублях за поставляемые сырье и энергоносители, что позволит повысить спрос на национальную валюту и, как следствие, укрепить ее. Позитивным примером в этом направлении служит подписанное недавно соглашение между Российской Федерацией и Королевством Таиланд об отказе в расчетах между нашими странами от доллара и проведении расчетов в национальных валютах: российских рублях и тайских батах.

2. Снижение числа социальных предпосылок терроризма

Многими исследователями проблемы терроризма замечено, что от него не застраховано ни одно современное государство. Например, известный специалист по Востоку Евгений Сатановский отмечает: «... Анализ тактики действий радикальных исламистских группировок в разных странах заставляет сделать вывод: «исламская война» не есть нечто, происходящее далеко. Она может вспыхнуть в любой момент во многих российских городах – как только поступит команда...»²⁷

Многие из современных исламских радикалов относятся к обычной для любой религии категории фанатиков, ничем не отличаясь от альморавидов и альмохадов Магриба или махдистов Судана.

«...Неполиткорректная идея Хантингтона – пишет он дальше – о борьбе цивилизаций объясняет не только то, что происходит в мире радикального ислама, включая внутреннюю борьбу группировок и течений между собой, но и причины, вследствие которых западное сообщество не может нанести ему поражение. Методы, пригодные для войны с государством, не годятся для конфликта, в котором участвуют религиозные фанатики. Их можно уничтожить, но без ликвидации социума, который их породил, или его полной ценностной переориентации (вне зависимости от того, какими методами она проводится и сколько времени и жертв потребует) говорить о возможности решения проблем такого рода не приходится. Современные правила ведения войн исключают соответствующие способы воздействия, хотя исламисты, не ограниченные ни ими, ни кораническими запретами, которые они нарушают, несмотря на то, что теоретически борются за чистоту ислама, постоянно и с успехом их применяют...»²⁸.

При этом ограничения, которыми скована любая современная западная армия, сводят практически на нет ее технические преимущества. Превращение исламского радикализма из маргинальной угрозы (успешно используемой, как считали его изначальные спонсоры, против СССР и Израиля) в один из главных факторов мировой политики говорит именно об этом.

На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать значительный количественный рост рядов исламистов, а также качественное усиление их группировок с точки зрения вооружения и подготовки, и как следствие этого превращение сетевых структур типа «Аль-Каиды» и ее ячеек в радикальные протогосударства, контролирующие значительные территории с многомиллионным населением и миллиардными доходами.

С данной позиции Исламское государство – первый по-настоящему успешный проект этого типа, однако он уже был отработан ранее в «ис-

²⁷ Сатановский Е. «Понаехавший» радикализм [Электронный ресурс] / Центр антитеррористической информации (дата обращения: 14.12.2014).

²⁸ См.: Там же.

ламских эмиратах» (ливийской Дерне, сирийской Ракке и других населенных пунктах, контролируемых исламистами). Подобную же стратегию с успехом использовали «Боко-Харам» в Нигерии, а также Союз исламских судов и его преемник «Аш-Шабаб» в Сомали. При этом, как и любая успешная стратегия, она наверняка в будущем будет широко растиражирована разными исламистскими движениями и группировками.

В лице подобных структур мы наблюдаем некий сплав исламского средневековья с возможностями, предоставляемыми его адептам современными техникой, вооружением, средствами связи и достижениями ядерной и молекулярной физики, при отсутствии стеснения в методах и формах ведения террористических действий. Все это опирается на торжество на Западе либеральных идей и широкие возможности, которые предоставляет глобализация современного мира для распространения и развития терроризма.

При этом традиционный ислам, как правило, тесно связанный с народными культурами и традициями, а также правящими кругами стран и регионов, население которых его практикует, более толерантный по своей сути зачастую уступает радикальному салафизму и исламистским популистам, которые часто апеллируют к широким народным массам, недолюбливающим правящую элиту в любой стране, напоминая о существовании в прошлом золотого века, для возвращения в который нужно только поддержать их в борьбе с властями.

И данный алгоритм действий характерен не только для радикального ислама, – наиболее близкая аналогия тому, что происходит в мире ислама сегодня, – история возникновения протестантизма. Последовавшие вслед за этим войны, агрессивная религиозная пропаганда и контрпропаганда, миссионерская деятельность, вспышки фанатизма и уничтожение «борцами за новый мир» символов мира старого, включая созданные в нем архитектурные и художественные шедевры, точно отражают ситуацию в сегодняшнем исламском мире и происходящие в нем (включая исламскую диаспору Запада) процессы. Точно также как и сегодня в странах исламского мира, в прошлом звучали призывы населения к возврату к «исконной чистоте веры» и борьбе с «отклонениями и неверием», и также использовались в борьбе за власть и контроль над ресурсами, в том числе водными артериями.

С учетом скорости происходящих в современном мире общественно-политических процессов, несколько десятилетий спустя баланс между старым и новым исламом установится. Однако, это произойдет скорее всего ценой больших разрушений и жертв, подобно сопутствовавшему установлению баланса между католичеством, православием и протестантизмом. Вместе с тем, территории которые салафиты захватят теми методами, которые они в настоящий момент применяют, они будут стараться расширять. Те же территории, которые смогут устоять под их натиском и не по-

пасть в зону их контроля, как Чечня, с территории которой «Имарат Кавказ» был в начале 2000-х годов полностью вытеснен, имеют шанс сохранить финансовую самостоятельность и национальный суверенитет, не став обезличенной частью протогосударства, где властвуют средневековые нормы морали и права.

Если же говорить о России, то на современном этапе главную угрозу проникновения на ее территорию исламистов представляют рост числа общин, контролируемых салафитами, как это происходит в Поволжье и Дагестане, вытеснение их религиозными лидерами традиционных имамов и захват мечетей в таких крупных городах, как Казань. Это формирует базу не только для их проникновения в местные органы власти, включая силовые структуры, но и для давления на центральную власть – как «с мест», так и напрямую. Поскольку как показывает практика, салафитские лидеры напрямую заинтересованы в обострении отношений своих последователей с властями и соседями, последствия игнорирования этой в принципе не новой для современной России проблемы могут привести к довольно печальным результатам. И еще один немаловажный аспект – в изолированных от внешнего мира общинах осуществлять манипулирование их членами гораздо легче, что со временем позволит сформировать у членов общин мировоззрение и социальный алгоритм поведения, выгодный для их лидеров.

Еще одним значимым индикатором и примером перехода исламистов к активным действиям по захвату собственной политической ниши в стране являются открыто и демонстративно организуемые на протяжении последних лет массовые коллективные уличные молебны (до 140 тысяч участников в одной только Москве).

Фактически они представляют собой не столько религиозные акты, сколько своего рода учения, на которых отрабатываются мобилизационные технологии в центре российской столицы. В случае необходимости по команде организаторов они могут быть в короткие сроки переведены в конфликтный формат. Когда начинаются волнения такого рода, подавить их удастся только ценой больших жертв и колоссальных репутационных и экономических издержек. В случае же, если власть неспособна взять под контроль массовые волнения в столице, они приводят к смене режима, как было в Тунисе, Египте или на Украине.

Как контрмеру растущему влиянию радиальных исламских лидеров можно рассматривать необходимость появления духовных лидеров российского ислама с одной стороны, с другой – реализовывать задачу конструктивного взаимодействия с теми общинами салафитов, которые готовы придерживаться законов государства²⁹.

При этом властям и силовым структурам целесообразно не позиционировать их как противника, если члены той или иной общины не участ-

²⁹ См.: Там же.

вуют в террористической и джихадистской деятельности в России и других странах, не нарушают законы и не конфликтуют с соседями, будь то иноверцы, мусульмане других толков или светское население страны. При этом ключевой является проблема отделения вышеописанного типа салафитов от радикалов, поскольку переход из одной категории в другую тяжело отследить, в то время как технологии вербовки джихадистами отработаны до совершенства и процесс радикализации происходит постепенно.

Как показывают исследования³⁰, обработка человека, который по своему психотипу соответствует целям и задачам террористов, будь то исполнитель теракта, будущий джихадист или его «временная жена» (их в России вербуют не менее успешно, чем в Европе), ведется по этапам и очень педантично. Как правило, психологическая обработка начинается с привлечения в группу по интересам с невинным названием и такой же сутью. Это может быть кружок изучения истории, культуры, каллиграфии, арабского языка, исламских традиций, кулинарии или брачное агентство, связь которых с радикалами можно проследить только после того, как вовлеченный в них человек обычно внезапно для окружающих оказывается участником незаконного вооруженного формирования, совершает теракт или исчезает из поля зрения семьи, всплывая в горячих точках в качестве члена международного исламского радикального движения.

При этом актуализируется другая проблема, как поступать с радикалами после их выявления? Логичным было бы предположить в качестве меры простейшего решения проблемы лишение российского гражданства и депортация из страны до или после отбытия наказания, предусмотренного законом. Но это противоречит законодательству, несмотря на явное преимущество с точки зрения превентивности решения проблемы. Вместе с тем, депортация за пределы РФ людей, не имеющих гражданства другого государства, практически нереальна на сегодняшний день. В то же время надеяться на «исправление» религиозных радикалов в местах лишения свободы бессмысленно – они превращают в таких же радикалов других заключенных. Причем данная тенденция характерна не только для России: тюремная практика Франции и Великобритании также свидетельствует об этом.

До недавнего времени бытовала теория о том, что члены Исламского движения Узбекистана, Движения за освобождение Восточного Туркестана, «Хизб ут-Тахрир» и других радикальных центральноазиатских группировок и исламистских движений, приезжающие в Россию и живущие на ее территории, не будут предпринимать никаких активных действий против страны, поскольку она для них – место работы и отдыха, а их амбиции, прямо или косвенно связанные с экстремистской деятельностью, реализу-

³⁰ Там же.

ются ими только в странах, откуда эти люди приехали, и не угрожают России.

Однако, эта теория была опровергнута арестом «ореховской» группировки, готовившей резонансный теракт в Москве. Она прибыла через Центральную Азию, что указывало на пакистано-саудовский след и было интерпретировано профессионалами как попытка реализовать обычными для Управления общей разведки Саудовской Аравии методами давление на российское руководство, чтобы изменить его позицию по Сирии. Технология грубая и примитивная, но весьма характерная для экс-главы УОР КСА принца Бандара бин-Султана.

Ранее считалось, что угроза с юга для России по сравнению с Северным Кавказом относительно невелика, поскольку на протяжении длительного времени этот инцидент был исключением из общего правила (организация терактов через Северный Кавказ), притом что в криминальной статистике выходцев из среднеазиатских республик смотрелись более блекло по сравнению с выходцами с Северного Кавказа и по тяжести совершаемых преступлений и по уровню организации.

До недавнего времени это соответствовало действительности, однако судя по «делу дорожных убийц» Подмосковья, соответствовать перестало. При этом ключевые члены этой группировки в свое время не только получили гражданство России, но и работали в домах высокопоставленных чиновников, даже из силовых ведомств, минимизируя риск поимки (в данном случае сработал фактор случайности). Это наряду с информацией о пребывании как минимум одного из них в Пакистане возвращает нас к вопросу о том, какое число «кротов» из Центральной Азии внедрено на российскую территорию с начала 90-х годов пакистано-саудовским разведывательным сообществом и где именно.

Задержание на Северном Кавказе в ходе чеченских войн российскими силовыми ведомствами представителей пакистанских исламистских структур, осуществлявших не столько поддержку единоверцев (официальная версия посольства Пакистана в Москве, которое в беспрецедентно короткие сроки вывезло их с российской территории после обнаружения), сколько разведывательную деятельность (сбор и обработка закрытой информации, включая данные оборонного характера) в ее классическом варианте только подтверждает данную версию. Все это, а также нарастание напряженности на афгано-туркменской, афгано-узбекской и афгано-таджикской границе, а также ситуации внутренней нестабильности в таких сопредельных с Россией государствах как Киргизия, а также присутствия в России миллионов выходцев из Средней Азии создает на постоянной основе возможность формирования на их базе широкой разведывательно-диверсионной сети.

Наряду с этим, все телевизионные и электронные СМИ буквально «взорвало» интервью бывшего командира ОМОН Республики Таджики-

стан, воюющего на стороне Исламского государства, открыто призывавшего прекращать работать на «кафиров» и начинать их резать. Особый акцент в данном выступлении был сделан на трудовых мигрантов, работающих на территории России.

Следует также учитывать и тот немаловажный факт, что спецслужбы различных государств (например, США, Великобритании и др.) заинтересованы в поддержании очагов нестабильности и высокого уровня террористической угрозы как в отдельных субъектах Российской Федерации, так и на ее границах.

Вместе с тем, не следует забывать, что Пакистан и Саудовская Аравия участвовали в войне моджахедов против СССР в Афганистане, в свержении правительства Наджибуллы и в приходе к власти движения «Талибан». Именно эти страны (хотя и в разной степени) контролировали и контролируют «Аль-Каиду» во главе с преемником Усамы бен Ладена – Айманом аз-Завахири. Кстати, последний в свое время тоже посетил Северный Кавказ и даже отсидел некоторое время в российской тюрьме, но убедил следователей, что не является террористом. Помимо прочих, это относится и к талибам (включая «группировку Хаккани»), и к значительному числу исламистских группировок из Центральной Азии, базирующихся в афгано-пакистанском пограничье. В какой мере поддерживаемые ими исламисты в России действуют под диктовку Эр-Рияда и тем более Исламабада (пакистанцы в отличие от саудовцев не выступали как непосредственные заказчики терактов в России и их эмиссары на Северном Кавказе не воевали), сказать трудно. Однако уровень террористической угрозы с этого направления также очень высок.

Два основных урока, которые уже можно извлечь из ситуации в Ираке, – прежде всего для основных акторов, заинтересованных в урегулировании кризиса, – относятся как собственно к Ираку, так и в полной мере к другому центру современной террористической активности – Афганистану, а в перспективе, возможно, и к Сирии (и могут быть актуальны и для иных, в том числе будущих, очагов конфликтов в этих и в других регионах).

Во-первых, для предотвращения развития событий по иракскому сценарию важнейшим приоритетом в урегулировании ожесточенного конфликта (независимо от степени его интернационализации) в стране, сильно разделенной по политическому, сектарному и/или этническому принципу, является недопущение полного развала государственных институтов, в том числе силового блока. Точно также после окончания или сильного сокращения иностранного (или международного) военного присутствия в конфликтной или условно-постконфликтной зоне, особенно в условиях сохраняющейся вооруженной активности, совершенно недостаточно просто оставить у власти относительно лояльное правительство и продолжать поддерживать его несмотря ни на что. Проблему не решат и косметические

попытки формальной легитимации такой власти, например, в ходе неоднозначных и неизбежно оспариваемых выборов, какими они только и могут быть в иракском (и афганском) контекстах. Так, успешное переизбрание аль-Малики и его политического блока накануне серии военных провалов под натиском коалиции во главе с ИГИЛ ничего не решило и не могло предотвратить.

Во-вторых, для предотвращения развития таких феноменов, как ИГИЛ, недостаточно самого факта поддержки местной центральной власти со стороны внешних игроков (как бывших интервентов, так и соседних стран, региональных держав и т. д.). Недостаточно, чтобы местная власть устраивала прежде всего основных внешних игроков – как в случае с иракским премьером Нури аль-Малики (пользовавшегося поддержкой как США, так и, с определенными оговорками, главного регионального игрока в Ираке – Ирана, но непопулярного в самом Ираке, даже среди партнеров по широкой шиитской коалиции). Важно найти такой вариант, при котором национальная власть при всей ее ограниченной функциональности отражала – как по своему составу, так и по своим действиям – интересы хотя бы основных местных сил, фракций и/или общин независимо от того, будет ли она иметь форму формальной коалиции или неформального раздела власти. Это остро актуально, например, для Афганистана, где с уходом большей части западных сил США пока сохраняют значительное влияние и растет роль основных региональных игроков (прежде всего Пакистана, Ирана, Китая и Индии). Даже если единственное, что объединяет их всех по афганскому вопросу – это заинтересованность в стабилизации ситуации в этой стране, необходимо признать, что ее невозможно достичь, делая ставку лишь на отдельные фракции, политические силы и общины.

Эта задача требует упора на общенациональный уровень, коалиционную политическую систему и поддержку государства в целом.

Своеобразный третий урок можно извлечь из эволюции самого ИГИЛ.

В политико-медийных кругах и среди части экспертов широкого профиля нередко принято упрощенно и некорректно рассматривать ИГИЛ и его предшествующие вариации не столько как самостоятельную организацию, сколько как придаток и прямой филиал Аль-Каиды. Эта интерпретация обычно упирает на два момента: а) на предысторию ИГИЛ в Ираке (особенно так называемую Аль-Каиду в Ираке) и б) на широкое присутствие иностранных джихадистов в рядах ИГИЛ. Этот вопрос необходимо прояснить.

То, что сейчас известно как ИГИЛ, а ранее фигурировало как Исламское государство в Ираке (а до этого как Аль-Каида в Ираке), сформировалось в контексте развернувшегося с конца 2003 г. в Ираке вооруженного противостояния оккупационным силам США и их союзников, став одной из крупнейших иракских повстанческих организаций, в идеологии которой

радикальный исламизм сочетался с национально-освободительными мотивами. Иными словами, движение возникло как группировка иракского сопротивления и выросло преимущественно на местной почве, хотя и в результате реакции на внешние факторы и при участии ряда иностранных джихадистов.

Отдельные заявления о поддержке Аль-Каиды со стороны первого лидера группировки – весьма противоречивой фигуры Абу Мусаба аз-Заркауи (иорданца со связями в джихадистских кругах, которого многие даже в исламистской среде считали двойным агентом) и особо активное и демонстративное использование ею террористических методов дали США и другим странам-интервентам удобный повод для спекуляций по поводу прямого участия центральной Аль-Каиды в иракском конфликте и чуть ли не прямого руководства с ее стороны действиями суннитской части иракской вооруженной оппозиции. Главная цель таких спекуляций состояла в дискредитации вооруженного сопротивления в Ираке путем попыток его отождествления исключительно с Аль-Каидой и с терроризмом (хотя оно вело борьбу и другими методами). При этом ссылка на Аль-Каиду в названии группировки при Заркауи (Аль-Каида в Ираке) не отражала ее реальную суть и состав: ее основными целями на этом этапе были освобождение Ирака и установление там исламского государства вместо западного протектората; подавляющее число боевиков и командно-руководящего состава были иракцами, а доля иностранных боевиков, даже по американским данным, не превышала 4-10 %, как и в целом в составе иракского сопротивления. Показательно, что, после того как аз-Заркауи был убит в июне 2006 г., группировка, ставшая к тому времени ядром Совета (шуры) моджахедов – повстанческой коалиции исламистского толка, уже в октябре переименовала себя в Исламское государство в Ираке (ИГИ).

В рамках усиления американского контингента в Ираке с 2007 г. США оказывали поддержку ряду суннитских племен для формирования лояльных группировок с целью противодействия радикально-исламистской оппозиции во главе с ИГИ. Под совместным нажимом со стороны США и лояльных племен, а позднее правительственных сил Ирака и других шиитских формирований, ИГИ несколько снизило свою активность в Ираке. Через месяц после того, как операция под командованием США при участии иракских сил в апреле 2010 г. нанесла особо сильный удар группировке в Ираке (уничтожив сразу двух ее тогдашних лидеров), новым лидером ИГИ стал ее нынешний руководитель иракец Абу Бакр аль-Багдади, который не был близок аз-Заркауи и по сей день никогда не выезжал за пределы Ирака и Сирии.

Разгоревшийся с 2011 г. в соседней Сирии вооруженный конфликт, по мере эскалации которого исламистское крыло оппозиции становилось все более радикальным, предоставил ИГИ возможность частично переба-

зироваться в Сирию, реорганизоваться и стать одной из крупнейших группировок на джихадистском фланге.

Трансграничный характер ИГИ позволил ей нарастить свой потенциал, в том числе за счет значительных доходов от нефтяной и другой контрабанды, и уже в марте 2013 г. взять провинциальную столицу – сирийский г. Ракка. Вступив в сирийский конфликт на стороне джихадистской части антиправительственных сил, ИГИ впоследствии превратилась в своеобразный противовес другим радикально-исламистским группировкам. После того как в 2013 г. ИГА объявило о создании на его базе Исламского государства Ирака и Леванта (т. е. Сирии, Ливана, исторической Палестины, части Турции и т. п.), оно предприняло усилия по объединению с основной радикально-исламистской группировкой Джабхат ан-Нусра во главе с Абу Мухаммадом аль-Джавлани, которые были восприняты как попытка установить контроль над группировкой ан-Нусра. Это привело к обострению отношений внутри джихадистского блока в Сирии – конфликту, в котором Аль-Каида (т. е. то, что осталось от его центрального ядра) оказалась не на стороне ИГА

Несмотря на идеологическое влияние со стороны Аль-Каиды на ИГИ (как и на ряд других локально-региональных группировок радикально-исламистского типа), отношения между ними были натянутыми еще в годы сопротивления военному присутствию США в Ираке. В Сирии же после начавшихся трений между ИГИЛ и Джабхат ан-Нусра идеологический лидер и эмир Аль-Каиды А. аз-Завахири стал на сторону последней и выразил свою политическую и религиозно-идеологическую поддержку ее лидеру М. аль-Джавлани. В ответ ИГИЛ возобновило столкновения с членами аль-Нусры в Сирии (и, пользуясь обострением отношений между шиитским правительством аль-Малики и иракскими суннитами, перенесло основной центр своей активности обратно в Ирак). В итоге в феврале 2014 г., т. е. еще за месяцы до масштабного военного наступления ИГИЛ на Мосул, аз-Завахири отверг притязания ИГИЛ и откестился от какой-либо аффилиации Аль-Каиды с этим движением

В то же время, отсутствие благословения со стороны центральной Аль-Каиды и ее аффилиация с ИГИЛ совершенно не помешали тысячам иностранных джихадистов (многие из них на тот момент уже воевали на стороне радикально-исламистской части оппозиции в Сирии) примкнуть к хорошо финансируемому и хорошо организованному в военном отношении ИГИЛ. Общую численность, долю и состав иностранных джихадистов в рядах ИГИЛ в очень подвижном и к тому же трансграничном иракосирийском контексте еще предстоит прояснить. Хотя в построении военной структуры ИГИЛ ее лидер аль-Багдади в основном опирается на иракцев, показатели присутствия иностранных джихадистов для ИГИЛ в целом выше, чем для основных радикально-исламистских группировок в Сирии на конец 2013 г. (где тогда уже воевало до 11 тысяч иностранных боевиков

– на тот момент больше, чем в любом другом конфликте со времен антитеррористического джихада в Афганистане 1980-х гг.)

Даже на основании уже имеющихся сведений можно сделать два предварительных вывода. Во-первых, если боевой потенциал и армейская организация ИГИЛ – заслуги в основном бывших иракских баасистов из числа профессиональных военных, то иностранные джихадисты более заметны на медийно-коммуникационном фронте (как, например, саудовский глава «отдела» ИГИЛ по связям со СМИ), а также играют непропорционально большую роль в особо жестоких и демонстративных актах насилия, в том числе атаках смертников, обезглавливании и т. п.

Во-вторых, хотя среди иностранных боевиков доминируют выходцы с Ближнего и Среднего Востока, вторым крупнейшим сегментом являются джихадисты из западных стран (только в Сирии на начало 2014 г. они уже составляли до четверти всех иностранных боевиков и, судя по всему, эта пропорция растет). По численности они опережают даже исламистских боевиков из (пост)конфликтных зон в мусульманском мире за пределами Ближнего и Среднего Востока (от сомалийцев до, например, выходцев с территории стран СНГ). Но главное, в силу особенностей сетевой фрагментации «глобального джихада» на Западе (где среди его ячеек доминируют подчеркнута глобалистские, универсалистские взгляды и цели) есть основания полагать, что сегодня именно приток джихадистов из западных стран служит основной связью регионального движения ИГИЛ с движением и повесткой дня глобального джихада. В этом смысле фактор массового притока западных джихадистов играет даже большую роль, чем идеологический символизм исторической Аль-Каиды или вооруженный потенциал джихадистов из других горячих точек в исламском мире.

Таким образом, особую актуальность на сегодняшний день приобретает проблема контроля миграционных потоков в Россию из стран, представляющих потенциальную угрозу инфильтрации радикального ислама во всех его проявлениях, включая различные ответвления «Братьев-мусульман», которые до настоящего времени находятся в списке экстремистских организаций прокуратуры РФ и, как показали события «арабской весны», вполне обоснованно. Актуальность данной проблемы еще более повышается, если вспомнить о том что, безвизовые республики Центральной Азии, являющиеся поставщиками основной массы гастарбайтеров, дешевой рабочей силы, граничат с Афганистаном, являясь практически прифронтовыми государствами. До настоящего времени «регулирование миграционного потока» сводится к повышению стоимости оплаты рабочих патентов – мера понятная с точки зрения интересов фискальных ведомств, но совершенно бесполезная в плане безопасности. В то же время, опыт развитых западных стран (например, Франции в отношении мигрантов из бывших колоний, США – в отношении мигрантов из Мексики, Бельгии – в отношении выходцев из Албании) красноречиво свидетельствует в пользу

ужесточения миграционной политики, поскольку мигранты из названных стран существенно осложняют криминальную обстановку в стране пребывания.

Полезным для России может быть опыт государств Персидского залива, и в частности правила приема трудовых мигрантов по схемам, принятым в данных государствах: эти страны с учетом состава населения, до 80 % которого в ОАЭ и Катаре составляют мигранты, ввели жесткий учет и контроль трудовой миграции, включающий выдачу разрешений на въезд по предварительным запросам потенциальных работодателей. При этом принимается во внимание не только квалификация мигранта, но и его биография – он обязан письменно подтвердить, что не является членом организации, запрещенной в стране, куда он направляется. В случае отправки приглашения конкретному мигранту ответственность за него лежит на принимающей стороне (лице).

Следует также отметить, что в современном мире четыре государства Ближнего и Среднего Востока, точнее, их спецслужбы поддерживают тесные «рабочие контакты» с исламскими радикалами, представляющими опасность для России. Этими странами являются Саудовская Аравия, Катар, Пакистан и в меньшей степени Турция – единственная из четверки, кто заинтересован в поддержании конструктивного сотрудничества с Россией. Вместе с тем, ее роль транзитного перекрестка для джихадистов, направляющихся в Сирию и Ирак, с учетом безвизового режима с Россией не позволяет исключить ее из списка государств, угрожающих национальной безопасности страны. Тем более что турецкие маршруты на протяжении ряда лет с успехом используются террористическими группировками из Центральной Азии, с Ближнего и Среднего Востока (включая Северную Африку и страны Африканского Рога), из России и Закавказья, а также исламистами Европы.

Специалисты и эксперты по терроризму не упоминают в данном контексте Иран, так как шиитские военно-политические организации в Ираке, Сирии, Ливане и государствах Залива контролируются Тегераном так же, как СССР в свое время контролировал радикалов, которые опирались на его поддержку, – в меру имевшихся сил и возможностей.

Другой немаловажный с социальной точки зрения аспект данной проблемы – и это лишний раз свидетельствует о хомо- и социодеструктивном характере воздействия терроризма на современное общество, – это граждане различных стран, участвующие на сегодняшний день в вооруженных конфликтах на стороне Исламского государства.

Эти граждане проходят боевую, идеологическую, психологическую подготовку в учебных лагерях и базах на территории Исламского государства, имея гражданство других государств (США, Великобритании, Франции, Таджикистана, Узбекистана, Армении, Украины) и рано или поздно туда вернуться, неся с собой идеи радикального ислама, имея за плечами

опыт боевых действий, владения навыками подрывной и диверсионной деятельности.

Как это не тривиально звучит, терроризм вербует в свои ряды бедных и недовольных политикой действующих властей, а власть многих государств с лихвой дает повод для недовольства в виде роста социального неравенства, снижения уровня жизни населения, потребительским по отношению к обществу в целом и к отдельным его членам в частности. Поэтому улучшение жизни населения, эффективная социальная политика, снижение уровня социального неравенства представляются достаточно эффективными превентивными мерами борьбы с терроризмом, способными если не полностью, то весьма существенно сократить число добровольцев в ряды террористических организаций.

3. Международное сотрудничество в борьбе с террористическими угрозами

В современных условиях растущей глобализации и информатизации современного общества терроризм успешно использует все достижения современной цивилизации: террористические организации создают интернет-ресурсы для целей пропаганды своих идей, вербовки новых членов и обмена опытом с другими аналогичными структурами, широко используются достижения прикладной науки для создания новых видов взрывчатых веществ, бактериологического и химического оружия, средств связи, видеонаблюдения, линейной и нелинейной локации и многое другое.

Данная ситуация осложняется для мирового сообщества продолжающимся противостоянием на Украине и позиций которые занимает по ней ряд стран. Та же Европа, похоже, не понимает, что чем дольше длится конфликт на Украине, тем больше вероятность его эскалации на территорию самой Европы.

Более того, на Украине идет сознательная политика по ухудшению экономического состояния, уничтожению остатков промышленности, чтобы они не создавали конкурентоспособную продукцию, расчистив тем самым поле для ряда производителей в Европе. Такая политика напоминает корпоративные войны, когда происходит захват одной компании другой не с целью получения активов, а чтобы уничтожить конкурента и его производство³¹.

Но в современных условиях информационной открытости, когда миллионы украинцев работают в России, они могут сопоставить уровень жизни людей в России и на Украине, такая политика быстро приведет к

³¹ Интервью В. Гриньно о проблемах украинской экономики на современном этапе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru>.

распаду всей страны на части. Украина еще дальше может распасться, сначала в экономическом плане, а потом и в политическом, то есть, на отдельные анклав.

Это – побочное явление, которое не является целью западных партнеров, но они не понимают, что именно такая политика и приводит к такому явлению, и в результате, это ударяет по интересам самих европейских стран и США.

Вместе с тем, ряд радикальных политиков в Киеве предлагали использовать АЭС как инструмент террористической угрозы и давления на Россию. Каковы будут в случае реализации данного сценария последствия для той же Европы, они, похоже, не задумались.

Специалисты-атомщики полагали, что продолжающийся научно-технический прогресс в условиях глобализации сделает ядерное оружие доступным для большинства стран к 2020 году. Но все произошло гораздо быстрее. Расширение «клуба ядерных держав» негласно происходит за счет еще более 30 государств, ядерные технологии которых уже достигли достаточно высокого уровня.

Многие специалисты сходятся во мнении, что вопрос о попадании в руки террористов оружия массового поражения и, прежде всего, ядерного или радиологического, безусловно, надо выделять в отдельное или специальное производство.

Ядерная угроза в мире сейчас более велика, чем когда-либо со времен самых острых конфликтов холодной войны. Так оценивает ситуацию газета Independent, ссылаясь на специалистов из чикагской организации «Бюллетень ученых-атомщиков». Может быть, самая большая опасность заключается в том, что организации типа «Аль-Каиды» стремятся заполучить в свои руки ядерное оружие, чтобы его использовать.

О «расползании» радиоактивных материалов по территории государств СНГ, Европы, Североамериканского континента написано немало. Достаточно обратиться к фактам, освещавшимся в средствах массовой информации в последние годы.

Серьезное свидетельство о попытках завладения «Аль-Каидой» обогащенным ураном было получено в ходе судебных слушаний по делу террористической сети бен Ладена (Нью-Йорк, февраль 2001г.). Свидетель обвинения Джамаль аль-Фадль указал, что переговоры с гражданином Судана о приобретении урана из Южной Африки велись еще в 1993г. Тогда представители спецслужб США указали, что у них нет сведений о наличии у «Аль-Каиды» урана. В сентябре 2006г. один из лидеров «Аль-Каиды» в Ираке Абу Хамза аль-Мухаджер призвал ученых вступать в организацию и экспериментировать с радиоактивными устройствами для применения таковых против коалиционных войск. Al Arabiya в октябре 2006г. продемонстрировал видеообращение Абу Яхима («Аль-Каида») с призывами учиться собирать ядерную бомбу Джихада.

Генеральный директор Международного агентства по атомной энергии Мохаммед аль-Барадеи в одном из своих обращений сообщил, что за последнее десятилетие МАГАТЭ зафиксировало в разных странах мира 650 попыток контрабанды ядерных материалов, и призвал мировое сообщество умножить усилия по защите имеющихся на планете запасов ядерных материалов от возможных посягательств со стороны террористов³². Начиная с 2002 г. число фактов контрабанды радиоактивных материалов, пригодных для изготовления «грязной» бомбы, в Европе удвоилось. МАГАТЭ называет цифру 300³³. МАГАТЭ также предупреждает, что реальный уровень контрабанды может быть значительно выше, поскольку еще 344 случая за последние 11 лет не были подтверждены ни одной из 75 стран, ведущих мониторинг незаконной торговли радиоактивными материалами.

Как известно, еще в 2005 г. ООН приняла Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма. Эта конвенция разработана международным сообществом на упреждение террористических актов с использованием ядерного материала и других радиоактивных веществ. В конвенции предусмотрен механизм сотрудничества государств по предотвращению актов ядерного терроризма, а также обмену необходимой информацией. Разработан механизм возвращения похищенных радиоактивных материалов, ядерных устройств или веществ, используемых террористами. Государство-участник, на территории которого находятся ядерные материалы, использовавшиеся при совершении теракта, обязаны принять меры по их обезвреживанию и хранить их в соответствии с применимыми гарантиями МАГАТЭ.

В целях превенции ядерного терроризма, необходимо принять ряд экстренных мер, среди которых:

- ускорение осуществления внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г.;

- разработка государствами-участниками СНГ Соглашения о борьбе с актами ядерного терроризма, включающего комплекс превентивных мер, учитывающего также и положения Кодекса поведения по обеспечению безопасности и сохранности радиоактивных источников («Code of Conduct on the Safety and Security of Radioactive sources», IAEA, 2003 г.);

- интенсификация инвентаризации и паспортизации объектов радиоактивных материалов в масштабах СНГ, сопряженной с реальной оценкой угроз хищений таких материалов, выведения их в неконтролируемый оборот, использования для создания «грязной» бомбы (с учетом категориза-

³² URL: www.iaea.org/worldatom (дата обращения: 28.01.2007).

³³ The Times. 06.10.14.

ции радиоактивных источников, рекомендованной МАГАТЭ («Categorization of radioactive sources, IAEA-TECDOC-1344»));

- мониторинг в масштабах СНГ объектов, потенциально опасных на предмет хищения и (или) выведения в неконтролируемый оборот радиоактивных материалов, а также любых преступных посягательств, связанных с оборотом данных материалов, с акцентуацией на фактах перемещения через государственные и таможенные границы;

- организация единой системы радиационного контроля субрегионального уровня, прежде всего, – на границах государств СНГ – «радиологического барьера»;

- продолжение практики проведения совместных антитеррористических учений на радиологически опасных объектах.

Говоря о проблеме международного сотрудничества, нельзя также игнорировать тот факт, в планах руководства ИГ есть место и открытию «филиалов» на территории России, а также в Средней Азии – благо желающих «работать» в этих филиалах хватает. И если у России достаточно ресурсов, чтобы не пустить ИГ в Поволжье и на Северный Кавказ, то возможности среднеазиатских государств гораздо скромнее.

Точных данных о численности граждан Средней Азии, воюющих в рядах террористического интернационала, нет. По словам вице-премьера Киргизии Абдырахмана Маматалиева, в ИГ находятся порядка 330 его сограждан.

В министерстве внутренних дел Таджикистана утверждают, что из их страны в ИГ отправились 386 человек. Узбекские власти тоже говорят о нескольких сотнях.

По другим данным, по состоянию на январь 2015 года из Таджикистана и Узбекистана на стажировку в ИГ отбыли от 2 до 4 тысяч человек. Некоторые политологи считают даже эти цифры заниженными.

В Сирию и Ирак жители Средней Азии едут в основном из России, где они работают в качестве трудовых мигрантов. Родственники, естественно, не горят желанием рассказывать соседям, куда отправился член их семьи – на заработки или на джихад.

В конце мая весь мир увидел, что к ИГ присоединяются уже не только среднеазиатские мигранты, которым сложно заработать на жизнь. С видеообращением к соотечественникам выступил новобранец ИГ, командир таджикского ОМОН полковник Гулмурод Халимов. Харизматичный полковник заявил, что не хочет оставаться в Таджикистане, где «мужчины не могут свободно носить бороду, а женщины – хиджаб», и призвал других жителей региона последовать его примеру.

Проблема не только в том, что множество граждан среднеазиатских государств воюет за ИГ, но и в том, что они собираются потом вернуться домой. Они вернутся, чтобы устраивать теракты, убивать неверных, устра-

ивать революции и расширять границы «Исламского государства», поскольку в этом и есть его суть.

В России зачастую считают, что ИГ и ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта») – это одно и то же, что неверно.

ИГИЛ – предшественник ИГ, не представлявший особой опасности ни для России, ни для Средней Азии. Это была локальная террористическая группировка, чьи претензии, как явствует из названия, ограничивались Ираком и Левантом (древнее название нынешней территории Сирии, Ливана, Палестины, Иордании, Синая).

А вот после ребрендинга и сокращения названия до ИГ («Исламское государство») для России и Средней Азии возникла самая непосредственная угроза.

Просто потому, что в основу была положена идея халифата – создания единого мусульманского государства не только на территории Ирака и Леванта, но и на всех населенных мусульманами землях, включая Среднюю Азию (которую исламисты называют Хорасан), Северный Кавказ, Поволжье.

Вопреки мнению ряда российских политологов, ИГ возникла не как проект Соединенных Штатов (американцы приложили руку к созданию ИГИЛ, причем под конкретную цель дестабилизации Сирии и войны на периферии с Ираном), а как реакция на неудачи национальных элит в попытке создания стабильных светских государств в большей части исламского мира.

Население Сирии, Ливии, Ирака не ощущало своей сопричастности с государством и тихо ненавидело собственные элиты.

Похожие условия, в общем-то, сформировались в странах Средней Азии, особенно в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии.

Авторитарные или даже диктаторские режимы не способны добиться легитимности и согласия населения поступиться частью свобод в обмен на экономическое процветание.

А поскольку легитимности нет, то власти полагаются на силовой аппарат и постоянно зачищают политическое пространство от любых потенциальных конкурентов.

Доходит до абсурда – режим Ислама Каримова организовал тотальную слежку за местным населением через осведомителей в так называемых махаллях, местных общинах, объединяющих квартал или несколько домов. Оппозиция там большей частью либо сидит в тюрьмах, либо лежит на кладбищах, либо выступает с трибуны где-нибудь за рубежом.

Долгое время население безучастно смотрело на подобные методы государственного управления.

От властей требовалось просто не мешать людям зарабатывать самим – то есть, как правило, ехать в Россию, обеспечивавшую семьи мигрантов и экономики среднеазиатских государств (так, в 2012 году на долю

денежных переводов трудовых мигрантов приходилось без малого половина – 47,5 % – всей экономики Таджикистана).

Однако экономический кризис в России и падение курса рубля вынудило многих искать другие источники доходов. Если говорить о том же Таджикистане, то по данным Национального банка этой страны, за четыре месяца 2015 года в республику в виде денежных переводов от физических лиц поступило 615,6 миллиона долларов, что на 318,6 млн (34,1 %) меньше показателя аналогичного периода прошлого года. Естественно, люди стали больше обращать внимания на то, что творится у них в государстве, а власть, в общем-то, не собирается менять отношение к экономике и социальной сфере.

Между тем опыт шахского Ирана показал, что ликвидация светской оппозиции ведет к тому, что у недовольного населения остается лишь один способ выражения протеста – через религиозные организации и группировки, которые в силу своей сетевой структуры гораздо эффективнее могут существовать в подполье или противостоять силовому давлению.

Да, эти организации бывают разными – есть и умеренные, способные собрать под свое крыло недовольное население и послужить противовесом радикалам. Однако они также попадают в категорию альтернативных центров силы и, соответственно, противников действующей власти со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами.

Пример тому – Партия исламского возрождения Таджикистана, которая находится на грани роспуска. Неудивительно, что деятели умеренных религиозных организаций в ответ радикализируются и стучатся в дверь к исламистам. Неспособность властей контролировать религиозную сферу приводит к тому, что ее начинает контролировать кто-то другой.

Если власть продолжит нынешнюю политику, то к радикалам как к безальтернативной оппозиционной силе обратятся все слои общества, недовольные ситуацией в стране. В том числе, как показал пример полковника Халимова, и представители силовых структур – предпоследней преграды на пути исламской революции в регионе.

Пока что влияния ИГ на силовые структуры недостаточно, однако все может измениться. И тогда останется надежда лишь на последнюю преграду – Россию и внешних игроков, для которых исламизация региона категорически неприемлема.

Распространение в Средней Азии религиозного фундаментализма (не говоря уже об исламских революциях и смене режима) чревато резкой деградацией региона и нивелированием результатов двухвековой цивилизаторской деятельности России и особенно Советского Союза по формированию там светских, образованных и урбанистических обществ. Во многом благодаря этим двухвековым усилиям у России сейчас нет условного Афганистана на южных границах.

Естественно, Москва хотела бы как минимум сохранить нынешнюю ситуацию.

Теоретически эту задачу можно было бы переложить на местные режимы – в конце концов, они как никто другой заинтересованы в недопущении исламистов к власти. Однако эти режимы уже практически неспособны на трансформацию и либерализацию общественной жизни (либо просто боятся этого), и все их усилия по противодействию исламистам сводятся к укреплению границы с Афганистаном, откуда они ожидают вторжения ИГ.

Между тем основной риск исламизации как раз внутри, и он лишь усиливается из-за отсутствия в этих странах института передачи власти.

Наиболее сложное положение в Узбекистане, где у Ислама Каримова нет явного наследника. Да, теоретически после его ухода местные силовики могут организовать передачу власти по туркменскому образцу – то есть собраться за столом и назначить следующего главу государства. Однако нет никаких гарантий, что этот президент, как и нынешний Туркменбаши II, не станет затем самостоятельной фигурой.

Тогда он может попытаться уравновесить силовиков за счет альтернативной силы – исламистов. Это у Каримова с исламистами личные счеты (в далеком 1991 году будущий основатель исламского движения «Узбекистан» Тахир Юлдашев его унизил, заставив держа руку на Коране клятвенно пообещать ввести в конституцию нормы шариата), а у его преемника таких сантиментов может и не быть.

Поэтому России самой придется решать проблему с проникновением ИГ в регион. Безусловно, Москве понадобятся союзники. На западные страны надежды мало. Кремлю достаточно нынешней позиции Вашингтона и Брюсселя, согласно которой коллективный Запад не стремится вмешиваться в среднеазиатские проблемы.

Основными же союзниками Москвы будут экзистенциальные враги «Исламского Государства» – шиитский Иран (который мечтают уничтожить любые суннитские террористические группировки) и Китай. Да, Тегеран сосредоточится на борьбе с ИГ в Сирии и Ираке, и помощь от него можно ждать разве что по Таджикистану.

А вот Пекин готов заниматься Средней Азией – и косвенное упоминание об этом содержалось даже в прощальной речи Ху Цзиньтао. Ведь ИГ планирует открыть свой «филиал» и в КНР – в халифат должен входить Синьцзян-Уйгурский автономный округ, и исламизация Средней Азии резко обострит ситуацию на этой китайской территории, поставив крест на попытках Китая обеспечить свою экономику среднеазиатскими энергоресурсами и перенести торговлю с ЕС с морских на сухопутные маршруты.

Конечно, с ИГ можно бороться силовыми методами, активизировав свои спецслужбы, однако для эффективного и долгосрочного противоосто-

яния исламистам нужно ликвидировать саму причину их популярности в Средней Азии – тяжелое социально-экономическое положение в регионе.

Москве и Пекину нужно заняться модернизацией Средней Азии – как через китайский проект Экономического пояса Шелкового пути (предусматривающий масштабные инвестиции в регион), так и через проводимую Россией евразийскую интеграцию.

Неслучайно в ходе визита Си Цзиньпина в Москву стороны заявили о взаимной интеграции этих двух проектов.

Таким образом, очевидной на сегодняшний день представляется консолидация усилий различных государств в борьбе с террористическими угрозами, поскольку от терроризма в той или иной форме не застраховано ни одно современное государство независимо от политического режима, географического положения или уровня экономического развития.

Необходимо информационное, правовое взаимодействие, должны быть взаимные соглашения о выдаче лиц, причастных к террористической деятельности. На современном мировом пространстве для террористов не должно оставаться «зеленых зон», где члены террористических организаций могли бы отсидеться после очередного витка террористических действий.

Только в рамках мировой финансовой системы должен осуществляться контроль финансовых потоков с целью выделения из их совокупности тех, которые могут быть направлены на финансирование терроризма.

Неоднократно на различных уровнях мировой общественности звучали призывы о необходимости тотального контроля за радиоактивными материалами и их изотопами, за штаммами опасных бактерий и микроорганизмов, за оружием массового поражения.

Необходима, несмотря на свободу информации тщательная фильтрация информации пропагандистского или информационного характера в глобальных сетях.

Настоятельная необходимость консолидации усилий в борьбе с распространением терроризма должна быть осознана всеми без исключения членами мирового сообщества, что приведет в свою очередь к качественному росту ее эффективности.

Заключение

В заключение следует отметить, что социально-экономические аспекты терроризма как формы хомодеструктивной экономики достаточно многообразны и, безусловно, необходим комплексный, синергетический поход к их нейтрализации.

При этом проблема нейтрализации терроризма касается всех государств мирового сообщества без исключения, поэтому должна вестись в рамках широкого межгосударственного сотрудничества.

В двух ведущих странах арабского мира уже давно идет война: в Сирии и Ираке. Осталось только дестабилизировать ситуацию в Саудовской Аравии, и радикальный исламский экстремизм приложит для этого все усилия. Отряды халифата уже дошли до ПНА и Израиля. Хамас в перспективе станет придатком ИГ.

ИГИЛ четко уловил нынешний расклад сил, когда США бросили все свои усилия против России ради устранения В. Путина и смены нынешнего российского режима на проамериканский, во многом упустив из виду Ближний Восток. Поэтому пока Вашингтон пытается удушить Москву, ИГ будет и далее расширять границы своего влияния, раздвигая границы «халифата» на запад, юг и север. И может случиться так, что этот процесс примет необратимый характер. Недовольные наглой политикой США и Запада в целом, который навязывает идеологию тотального распутства под видом продвижения либеральных идей, навязывая свободу гомосексуализма и педофилии, многие мусульмане, а в последнее время и христиане просто сотнями ежедневно бегут в ряды ИГ, в надежде спасти мир от нового американского либерального нашествия. И надо признать: многие идеи ИГИЛ, а также социальная политика руководства «халифата» над подконтрольной ему территории, выглядит очень привлекательно на фоне того, что предлагает Запад.

Для России же, помимо угрозы с Юга, существует и угроза с Запада: под флагом «борьбы за демократию» США стремятся создать марионеточное государство на Украине, способствуя развитию русофобских настроений и активно используя СМИ: недавно, например, стало известно, что на Украине создаются, как их уже окрестили, «диванные войска», т. е. люди, ведущие войну на информационном поле: в социальных сетях, в блогах и комментариях. В перспективе им предполагается выплачивать вознаграждение за успешные действия и освободить от службы в армии.

Для более эффективного противодействия терроризму следует вести конструктивные диалоги со странами, заинтересованными в недопущении эскалации терроризма, борьбе с финансированием терроризма и долларизацией экономики и самостоятельном, не контролируемом со стороны Запада пути развития государства и общества.

Библиография

1. Агапов, П. В. Проблемы противодействия организованной преступной деятельности / П. В. Агапов. – М. : Юрлитинформ, 2010.
2. Астафьева, Э. И. Биотерроризм: от мифа к реальности : лекция-доклад / Э. И. Астафьева. – М. : ВИПК МВД России, 2013.
3. Бекряшев, А. К. Теневая экономика и экономическая преступность / А. К. Бекряшев, И. П. Белозеров. – М. : Юридическая Библиотека, 2015.
4. Валиуллин, И. И. Эволюция понятия «информационная война» в политической науке / И. И. Валиуллин // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 68-74.
5. Денильханов, И. Почему ИГИЛ государство а не террористическая группировка? [Электронный ресурс] / И. Денильханов // Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы (дата обращения: 03.07.2015).
6. Гушер, А. И. Политический кризис на Украине [Электронный ресурс] / А. И. Гушер // NB: Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 15-26. – URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11502.html.
7. Сатановский, Е. «Понаехавший» радикализм [Электронный ресурс] / Е. Сатановский // Центр антитеррористической информации (дата обращения: 14.12.2014).
8. Зеркалов, Д. В. Продовольственная безопасность [Электронный ресурс] : монография / Д. В. Зеркалов. – К. : Основа, 2012.
9. Кива, А. Исламское государство: откуда оно взялось? К чему приводит историческое невежество западных политиков [Электронный ресурс] / А. Кива // Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы : интернет-газета (дата обращения: 03.07.2015).
10. Коробов, А. А. Генезис теневой экономики в России: социально-экономический аспект : учебное пособие для курсантов и слушателей ФЗО / А. А. Коробов. – Орел : ОрЮИ МВД России, 2009.
11. Крикунов, А. ИГИЛ: история возникновения, структура, тактика действий / А. Крикунов // Аналитический отчет Центра анализа террористических угроз (03.07.2015).
12. Курилкин, А. В. Современные подходы к ведению информационных войн / А. В. Курилкин // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 75-80.
13. Манойло, А. В. Вооруженный мятеж в Украине может стать для России последним тревожным звонком [Электронный ресурс] / А. В. Манойло // NB: Международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 24-37. – URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11137.html.

14. Манойло, А. В. Вооруженный мятеж в Украине: волна цветных революций идет на Россию [Электронный ресурс] / А. В. Манойло // NB: Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 27-35. – URL: http://www.e-notabene.ru/wi/article_11498.html.
15. Манойло, А. В. Геополитическая картина современного мира // Национальная безопасность [Электронный ресурс] / А. В. Манойло // Notabene. – 2013. – № 5. – С. 149-155.
16. Морозов, И. В. Право и глобальные проблемы современности / И. В. Морозов. – М. : Юрлитинформ, 2013.
17. Новикова, А. П. Трансформации современного терроризма и среднесрочный прогноз террористической активности : материалы доклада АТЦ СНГ / А. П. Новикова, М. А. Кочубей. – М., 2013.
18. Основные тенденции в области современного терроризма: регионализация вооруженных радикально-исламистских движений на примере ИГИЛ // Индекс безопасности. – № 4 (111). – Том 20.
19. Поцелуев, С. П. Современный правый радикализм: проблема идентификации признаков / С. П. Поцелуев, М. С. Константинов. – М. : Центр национальной безопасности, 2014.
20. Риски диверсионно-террористических актов на объектах гидросистем Центральной Азии [Электронный ресурс]. – URL: <http://surkov.viperson.ru> (дата обращения: 23.11.2012).
21. Соловьев, А. Апокалипсис: катастрофы прошлого, сценарии будущего / А. Соловьев. – М., 2015.
22. Спиридонов, В. В. Экономические причины политического конфликта на Украине : статья из рубрики «революции» / В. В. Спиридонов. – М. : Вестник МГУ, 2014.
23. Шушкевич, Ю. А. Футурология кризиса / Ю. А. Шушкевич. – М. : Издательство «Социально-политическая мысль», 2011.

Монография

кандидат экономических наук
Коробов Алексей Александрович

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ТЕРРОРИЗМА КАК ФОРМЫ
ХОМОДЕСТРУКТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ**

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 0814 от 15.10.2013 г.

Подписано в печать 30.10.2015 г. Формат 60x90¹/₁₆.

Усл. печ. л. – 7,56. Тираж 35 экз. Заказ № ____.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Орел, Игнатова, 2